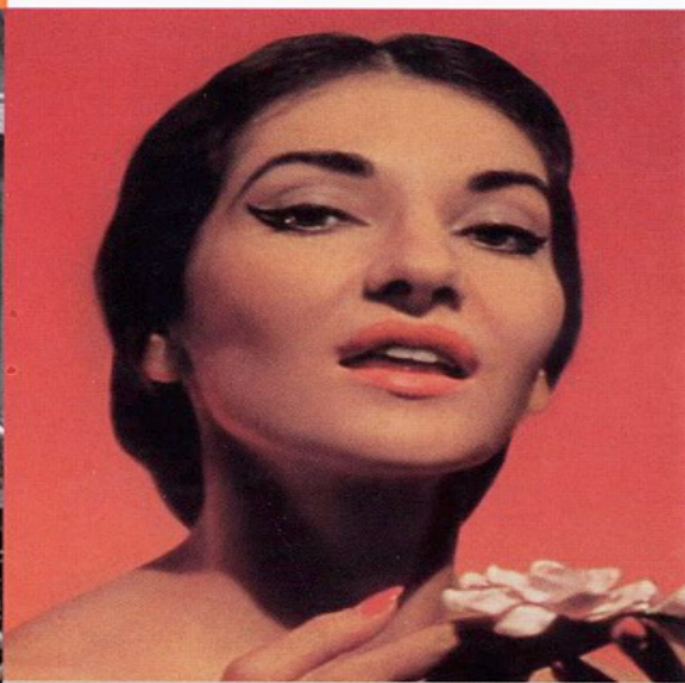
МАРИЯ КАЛЛАС



Клод Дюффрен

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Выдающаяся оперная певица Мария Каллас еще при жизни стала легендой, а после смерти для миллионов почитателей превратилась в миф, достойный поклонения. Клод Дюфрен, лично знавший певицу, в своей книге ведет читателя не только по ее звездному маршруту — от юной гречанки из скромной квартиры в Бруклине до первой оперной дивы на мировой сцене, — но и задается вопросом: а какой в жизни была артистка, достигшая вершины славы? И другим, более важным: как случилось, что певица, жертвующая личной жизнью ради искусства, вдруг, влюбившись в богатого судовладельца Онассиса, спустилась с Олимпа, возжелала земного счастья, а обрела трагедию? Автор приводит воспоминания многих выдающихся людей, знавших Марию Каллас, и дополняет ее жизнеописание редкими фотографиями.

- Клод Дюфрен
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Основные даты жизни и творчества Марии Каллас
  - Иллюстрации

Клод Дюфрен
Мария Каллас

Автор благодарит Мишеля Глотца, Жака Буржуа, Жоржа Претра, Кристиана Бодеана

Глава 1
Однажды в «Гранд-опера»

Мария Каллас скончалась 16 сентября 1977 года в своей парижской квартире на улице Жорж Мандел не от сердечного приступа, если только он не послужил алиби тем, кто совершил преступление… Идеальное убийство, после которого не остается ни улик, ни отпечатков пальцев, а его исполнители никогда не понесут заслуженного наказания… Убийство, совершенное невольно и по недомыслию тех, кто превратил Марию в божество, было похоже на святотатство, когда толпы верующих своими руками низвергают с пьедестала того, на кого они раньше молились… И наконец, это было коллективное преступление. Его соучастниками были и театральная публика, и оперные критики, и Онассис, и мать Марии, и чрезмерно восторженные почитатели ее таланта, и яростно ополчившиеся против певицы коллеги по оперной сцене, и прежде всего сама Мария, чье стремление к саморазрушению не знало границ, и безжалостный распорядитель таланта — искусство, требовавшее от певицы и на вершине славы полной отдачи всех жизненных сил, и одиночество, на которое она добровольно обрекла себя, когда почувствовала, что никому больше не нужна… Все это вместе взятое привело к тому, что Мария потеряла вкус к жизни.

Но разве это не проявление милости главного небесного режиссера, ставящего спектакли на сцене размером с вселенную, где актеры — все люди, и ниспославшего Марии трагическую судьбу ее оперных героинь? Разве память о ней жила бы в сердцах миллионов людей, если бы земной ее путь был усеян только розами? И по сей день люди не могут забыть ставшую еще при жизни легендой величайшую оперную певицу. До сих пор она жива в памяти страстных поклонников ее таланта и по-прежнему вызывает ненависть многочисленных завистников. И, что самое удивительное, та часть публики, которая была еще слишком юной, чтобы наслаждаться пением Марии Каллас в период расцвета ее таланта, а речь идет о целом поколении любителей оперы, и до которой только отдаленным эхом донеслись слухи о ее феноменальном сценическом успехе, произносит имя Марии Каллас с заметным волнением…

Мария Каллас не первая и не последняя из тех, кто своим артистическим гением вызывал восторг у публики. И до нее многие мастера сцены покоряли зрителей, и ими восхищались толпы почитателей. Поклонники запрягались в коляску вместо

лошадей, чтобы везти Сару Бернар; Наполеон считал за честь дружить с Тальма; Малибран и Патти купались в лучах славы и стали гордостью своего столетия. Однако ни одна из этих выдающихся творческих личностей не вписала в историю сценического искусства столь яркую страницу, как Мария Каллас.

Прежде чем проследить за головокружительным восхождением певицы на вершину славы и познакомиться с мало кому известной трагической стороной ее жизни, попробуем потянуть за ниточку сплетенный из легенд клубок и объяснить причины магической ауры, окружавшей Марию почти так же, как иконы на ее родине, перед которыми горит никогда не угасающий огонь. Кроме того, задумаемся: почему Мария вызывала у людей столь противоречивые чувства? Отчего бурлившие вокруг ее имени страсти не утихают по сей день? Почему до сих пор помнит о ней великое множество мужчин и женщин, в то время как ее недруги, которых заметно меньше, продолжают предавать ее имя анафеме?

Попытаемся найти ответы на все эти вопросы, ибо нельзя рассказывать о жизни Каллас, не зная всех тех обстоятельств, что складывались на разных этапах ее жизненного пути. Артистическая карьера этой женщины неразрывно связана с ее личной жизнью. Нельзя представить Марию без восторженных аплодисментов, без сыпавшихся на нее как из рога изобилия наград и почестей, без свиста, которым порой встречали певицу зрители, без парализующего ее страха сцены, без яростных вспышек гнева, без громких ссор и не менее бурных сцен примирения; без престарелого мужа, сыгравшего в ее жизни роль Пигмалиона, без ловеласа-миллиардера, смотревшего на нее как на очень дорогую безделушку, которую он имел возможность себе позволить, без деспотичной матери, обращавшейся с дочерью, как с дрессированным животным, без ненавидящих ее коллег по сцене, которым она платила той же монетой, без дорогих украшений, мехов, без породистых щенков, без высшего общества, куда она так мечтала попасть, без нищей юности, без космополитического времяпрепровождения в Милане, Нью-Йорке, Париже, Греции, без взрывов смеха, потоков слез, без тянувшегося за ней длинного шлейфа невероятных слухов и сплетен, сопровождавших каждый ее шаг и жест. Каллас, лишенная всех этих странных и вычурных декораций, никогда не была бы той, кого знал мир, или, вернее, не стала бы тем, кем она была.

Жизненный путь этой оперной дивы так же величествен и трагичен, как и судьбы героинь, которых она воплощала на мировых оперных сценах. Личность актрисы, равно как и ее талант, обессмертила ее имя.

Способность Марии вызывать у людей самые противоречивые чувства — от восторженного поклонения до полного неприятия — подтверждает наличие у нее дара, который часто называют феноменом Каллас. Речь идет о поистине гипнотическом воздействии певицы на самую разную публику, будь то в Токио, Париже или Нью-Йорке. Чем же еще можно объяснить тот неописуемый восторг, который охватывал объединенных в едином порыве зрителей? Людей разных национальностей, вкусов, привычек, воспитания и образования. Появление на сцене певицы, пусть даже наделенной исключительным талантом, вовсе не повод для безумного восторга публики, съехавшейся с четырех сторон света. Чем еще, если не гипнотическим воздействием, можно объяснить продолжавшиеся на протяжении тридцати семи минут оглушительные аплодисменты в миланском театре «Ла Скала», в течение двадцати двух минут — в парижской «Гранд-опера» или двадцати семи минут — в «Метрополитен-опере» в Нью-Йорке? И чем можно объяснить неистовый гнев той же публики, когда Мария прерывала свое выступление или же отказывалась выйти на сцену в последнюю минуту? Причина одна — зрители обожествляли Каллас и не допускали даже мысли о том, что у ее кумира может банально разболеться голова или же ей просто не хочется петь в тот или иной вечер. Впрочем, разве она не вела себя столь же безжалостно по отношению к самой себе? Певица часто повторяла и, думаю, вовсе не ради красного словца, что никогда не бывала довольна своими выступлениями и постоянно стремилась к совершенству, чего ей никак не удавалось достигнуть. Парадокс характера Каллас состоял в том, что певицу больно ранила критика со стороны, в то время как самым яростным и, порой, самым несправедливым критиком ее творчества была она сама.

Впрочем, это была далеко не единственная странность характера этой женщины, у которой внезапно менялось настроение: от душевного спокойствия к вспышкам гнева, а от смеха — к слезам. В погоне за личным счастьем, ставшим целью ее жизни, особенно с того дня, когда она познакомилась с Онассисом, Мария напрасно поверила, что обрела его в семье. Этой незаурядной и глубокой личности было доступно только одно счастье — на сцене. Она была запрограммирована — если можно здесь употребить этот неблагозвучный, но модный термин — для театра. Она жила для искусства, она жила искусством; все усилия, которые прилагала Мария, чтобы не отличаться от людей из высшего общества и не быть чужой на их празднике жизни, оказались тщетными. Судьбой ей было предначертано ни в коем случае не покидать сцену. Место, где она оставалась самой

собой, — вовсе не роскошная яхта Онассиса, не светские балы в Венеции, не шикарные гостиницы Нью-Йорка или Рио-де-Жанейро; ее мир — средневековые замки из фанеры, картонные стены и бумажные цветы; ее одежда — не платья от Кристиан Диор или Шанель, а тяжелые одеяния с кринолинами, широкие тоги, грубые лохмотья, в которых она пела в операх «Тоска», «Норма» или «Турандот»; ее украшения — не бриллианты от Картье и не изумруды от Бушрона, а стеклянные бусы, дешевые браслеты, кольца с поддельными камнями, сверкавшие со сцены при каждом ее движении… Когда ей пришлось отказаться от сцены и театральный занавес опустился перед всем, чем она жила, Марии не осталось ничего, кроме как уйти из жизни, и она ушла…

Какое чувство испытывал зритель, впервые увидевший Каллас? Несмотря на то, что с того незабываемого вечера прошло немало лет, я как сейчас помню ее появление в «Норме»; она приняла участие в первой полной постановке этой оперы на сцене парижского театра «Гранд-опера». И дебют певицы в этой роли стал событием в музыкальном мире. К тому времени Мария давно находилась на пике славы, но уже несколько лет среди ее поклонников ходили тревожные слухи, что голос певицы звучит уже не так божественно, как в пятидесятые годы. Как никто другой осознавала это и сама певица. Мне несказанно повезло. Не имея возможности попасть на первое представление, я по чистой случайности оказался среди зрителей на четвертом спектакле. Был июньский субботний вечер, собиралась гроза, но во дворце Гарнье воздух был насыщен электрическими разрядами отнюдь не из-за приближавшейся непогоды. Собравшаяся в зале публика с нараставшим волнением ожидала появления своего кумира. И вот на сцену выходит она, ее движения неторопливы и не по-театральному скупы. Я отлично помню, как в моих ушах вдруг смолкли все звуки, и я не слышал, что и как она поет… Я только смотрел на нее; я следил за каждым ее жестом; мой взгляд следовал за ней, куда бы она ни передвигалась по сцене; я старался разглядеть переменчивое выражение ее лица; да, я пожирал глазами драматическую актрису вместо того, чтобы слушать певицу… Я отчетливо помню, как охватившее меня странное волнение мешало мне воспринимать ее голос; я ощущал всю нереальность происходившего, в то время как все мое существо постепенно наполнялось счастьем, будто в него, словно в сосуд, вливался волшебный эликсир… Без сомнения, и все сидевшие в зале люди, так же как я, полностью лишившийся объективности, погрузились в сказочную атмосферу, оказались под воздействием каких-то колдовских чар… И если Каллас

обладала такой силой внушения, если одним только своим присутствием на сцене она была способна раздвинуть границы реального мира и повести за собой зрителя в царство, ключ от которого находился в ее руках, разве это не было свидетельством ее магической власти над людьми?

Сколько времени я восторженно не отрывал от нее глаз, не могу сказать. Вдруг ее голос коснулся моего слуха; его тембр, тональность, теплота не походили ни на какой другой голос в мире; каждый его звук будто имел крылья и возносился к небесам. Этот голос манил зачарованных слушателей к далеким неизвестным мирам, они внимали ему, затаив дыхание, опасаясь только одного, что чары внезапно развеются и сладкая сказка закончится…

Лишь некоторое время спустя я пришел в себя и опустился с небес на землю, а именно в зал «Гранд-опера», и тут только увидел Аристотеля Онассиса, занимавшего кресло по-соседству с Грейс, принцессой Монако, и вдовой Ага Хана. Совсем близко от меня сидели Чарли Чаплин в окружении нескольких представителей своих многочисленных отпрысков, трое или четверо министров, один из которых, на мой взгляд, совершал в этот момент государственное преступление — спал сладким детским сном; наконец, в зале было много иностранцев, что давало повод акулам пера с полным правом возвестить миру о том, что в «Гранд-опера» в тот вечер собрался весь Париж…

Все эти лица я видел словно сквозь пелену тумана, ибо все мое внимание — и это меньшее, что я могу сказать, — было поглощено зрелищем, то есть исполнительницей главной партии… И, наконец, я понял, каких усилий стоило Каллас оставаться на сцене блистательной «Нормой» до самого конца спектакля. До последнего акта она с упорством своих предков, героических участников марафонов, преодолевала себя на грани срыва голосовых связок; и только в последней сцене, пытаясь взять слишком высокое «до», она ввергла некоторую часть публики в глубокое уныние… Однако осталась другая, не столь многочисленная, но агрессивно настроенная часть зрителей, пришедшая в театр с единственной целью — растерзать свою укротительницу… В зале раздались крики, свист; казалось, что люди выплескивали наружу всю годами копившуюся ненависть и ничем не прикрытое злорадство. И тогда Каллас сделала жест, достойный королевы: она повернулась лицом к дирижеру оркестра и подала ему знак повторить музыкальный фрагмент, на котором сорвался ее голос… Никогда еще, насколько мне известно, оперный исполнитель не делал ничего подобного… Словно цирковой акробат, который после неудачного прыжка

требует убрать страховочную сетку, чтобы совершить вторую попытку исполнения смертельного номера, Каллас бросила вызов своим недругам, так же как доброжелателям… На этот раз она легко и чисто взяла злополучную ноту, показав чудеса исполнительской техники, как в лучшие дни своей певческой карьеры… Публика по достоинству оценила поступок певицы, и я не помню, сколько времени зрители отбивали себе ладони и надрывали голосовые связки, выкрикивая имя Марии…

Между тем столь успешный финал отнюдь не заткнул рты недругам певицы. В театральном фойе разгорелись нешуточные споры, не обошлось и без потасовок… Рядом со мной две прелестные барышни таскали друг друга за волосы. Чуть подальше парочка весьма непривлекательных и отнюдь немолодых особ отчаянно обменивалась пинками… Даже Ив Сен-Лоран не остался в стороне от всеобщего выяснения отношений и, вступив на защиту своего кумира, ввязался в драку!

Если я взял на себя смелость поделиться с вами воспоминаниями о Каллас, то только потому, что в глубине души я ощущаю ее постоянное присутствие.

Прошло несколько дней, и в ответ на мою просьбу об интервью она приняла меня в своей роскошной квартире на улице Пасси. С самым непринужденным видом певица ответила на все мои вопросы, не уклонившись ни от одного из них; с присущей ей страстностью во всем, что касалось ее творчества, она раскрыла мне глаза на то, в чем состояла суть «вокального ремесла», рассказала о проблемах, которые порой возникают у оперного исполнителя. Каллас не обошла молчанием и знаменитый вечер в парижской «Гранд-опера»; с улыбкой она упомянула произошедший с ней инцидент, словно хотела свести его к простой случайности. Однако в ее глазах — надо признать, что в тот вечер она была дьявольски хороша собой — я прочитал скрытую тревогу… Многие годы спустя, узнав о ее внезапной кончине, я вновь вспомнил наш давний разговор и промелькнувшее в ее глазах отчаяние, на секунду омрачившее лицо певицы; и мне показалось, что я понял одну из причин ее скоропостижного ухода.

Время от времени я так или иначе встречался с ней, конечно, прежде всего, когда она выступала на сцене. Также мне удавалось видеться с Каллас на многочисленных светских раутах, куда она зачастила после знакомства с Онассисом. И всякий раз после встречи с ней у меня оставалось одно и то же впечатление: королева, перед которой склоняли голову, женщина, вошедшая в легенду еще при жизни, тщательно скрывала от всех свою тайну — ей никак не удавалось обрести счастье на этой земле.

Со временем это впечатление переросло в уверенность, что и подвигнуло меня на написание этой книги; мне захотелось открыть миру женщину, которая предприняла титанические усилия, чтобы под театральной маской спрятать свое истинное лицо. И все же читатель неизбежно увидит в ней прежде всего актрису.

Как и где появилась на свет эта уникальная певица? Из какого материала ее вылепил Господь Бог, чтобы даровать ей гениальность? В результате какого таинства явилась миру оперная дива? Мы не перестаем удивляться тому, что потрясшие наше воображение герои имели папу, маму, такое же детство, как и все обычные люди; они получали подзатыльники, ели конфеты, учились грамоте. Нам же хочется верить в чудеса, и потому мы считаем, что о появлении на земле гениального человека должны возвещать фанфары и трубить во все трубы ангелы, а добрые феи по сказочной традиции склоняться над его колыбелью. Увы, в жизни ничего подобного не происходит! Наши мечтания остаются только мечтаниями…

Мария Каллас не стала исключением из общих правил. Прославленная дочь огня и воздуха явилась в этот мир отнюдь не с крыльями за спиной; ее знаменитый земляк Юпитер, похоже, проспал этот момент на своем Олимпе и не соблаговолил разразиться громом в честь первого крика новорожденной. Однако греческая мифология обогатилась еще одним божественным персонажем. В том далеком декабре 1923 года мир даже не подозревал о том, что на небосклоне оперного искусства засверкала новая звезда.

Что же касается ее артистической карьеры, то это уже совсем другая история: Мария не смогла бы остаться в стороне от мира музыки, потому что это было ее божественным призванием. Если бы полковник Петрос Димитриадис не надел военный мундир, чтобы воевать на Балканах, а использовал по назначению данный ему от природы красивый голос, если бы его дочь Евангелия поступила так, как ей подсказывало сердце, и пошла в певицы вместо того, чтобы следовать правилам, установленным в буржуазном обществе, Мария Каллас, возможно, не достигла бы вершины славы или же избрала для себя совсем другую стезю. Однако историю не перепишешь заново. Особенно такую неординарную, как эта. В детские годы, вплоть до десятилетнего возраста, Мария хотела стать зубным врачом; можно ли всерьез подумать о том, что она могла бы посвятить свою жизнь пломбированию и удалению зубов?..

Полковник Петрос Димитриадис обладал весьма красивым голосом. Этот дар, совершенно бесполезный в тот момент, когда

он отправился на войну, позже снискал ему особую популярность у подчиненных; во время двух Балканских войн его даже прозвали «поющим полковником». Прозвище малоуместное для старшего офицера, но во всяком случае свидетельствовавшее об упорном желании полковника приобщиться к оперному искусству. Почему было «поющему полковнику» не привить своим детям любовь к пению, в особенности старшей дочери Евангелии, мечтавшей об оперной карьере в то время, как на небе Европы собирались тучи, разразившиеся грозой в августе 1914 года? Однако полковник, который к тому времени был уже в отставке и продолжал радовать своим пением домочадцев, запретил дочери следовать своему призванию. Она отказалась от театральной карьеры, однако похороненная в глубине души мечта постоянно давала о себе знать. Позднее Евангелия сделала все от нее зависевшее для того, чтобы превратить своих двух дочерей в чудо-детей. И что самое удивительное — одной из них будет впоследствии рукоплескать Париж.

Евангелия обязана была соблюдать правила, установленные для девушек из добропорядочных семей, и ей ничего не оставалось, как выйти замуж, что она и сделала, больше из желания избавиться от опеки отца-полковника, чем по зову сердца… Георгиос Калогеропулос был вовсе не дурен собой — волосы с медным отливом, загорелое лицо, мягкий вкрадчивый голос. Помимо всего прочего, он окончил фармацевтический факультет в Афинах. Однако Георгиос был на десять лет старше Евангелии и происходил из бедной семьи, что наложило отпечаток на его характер, — он слишком бережно относился к деньгам и расставался с ними крайне неохотно. Наконец, подобно героям греческой мифологии, этот Казанова с Пелопоннеса был «мотыльком, который порхал с цветка на цветок», как позднее писала Евангелия.

Количество недостатков Георгиоса Калогеропулоса превышало в глазах полковника Димитриадиса число его достоинств. Отец девушки воспротивился этому браку с той же решительностью, с какой он мешал исполнению призвания дочери. И все же фармацевт перехитрил полковника: он расположил к себе остальных членов семьи настолько, что вскоре его стали принимать в доме на правах жениха, надеясь на то, что строптивый отец в конце концов капитулирует. Долго ждать не пришлось. Димитриадис был тяжело ранен во время Балканских войн; с той поры он пребывал на этом свете лишь благодаря воли к жизни. В 1916 году смерть одержала победу над ним. Не прошло и двух недель, как Евангелия и Георгиос, словно только того и ждали, соединились церковным браком с надеждой на

лучшее, но, как покажет будущее, на худшее в этой жизни.

Однако в первые дни замужества Евангелия считала себя вполне счастливой. Молодые поселились на Пелопоннесе, аптека приносила Георгиосу приличный доход. Семья жила в просторном доме, откуда открывался восхитительный вид на живописные окрестности, которыми так богата Греция, где древностью дышит каждый камень. По вечерам Георгиос предавался воспоминаниям о былой славе предков. Однако произведения Гомера, подвиги Агамемнона и Ахилла не долго волновали воображение Евангелии. Ее мысли были заняты другим. Она жаждала славы, роскоши, блеска… Всего того, чего не мог предложить ей простой сельский аптекарь…

Вскоре Евангелия раскусила характер своего мужа: за улыбкой провинциального обольстителя не скрывалось ничего, кроме пустоты и полного отсутствия честолюбия. Она замкнулась в себе; постепенно Георгиос, которого она выбрала себе в мужья по необходимости, становился совершенно чужим и безразличным ей человеком. Несмотря на ожидание ребенка, у молодой женщины оборвалась с мужем духовная и сердечная связь.

Что касается Георгиоса, то он, заметив охлаждение супруги, вернулся к своему любимому занятию — ухлестывать за каждой встречной юбкой. Вот в такой семейной атмосфере у Евангелии родилась 4 июня 1917 года первая дочь, которую окрестили Синтией; впоследствии это имя будет переиначено в совсем не греческое имя Джекки. Евангелия, так же как Георгиос, мечтала о мальчике; Синтия-Джекки была воспринята родителями, по крайней мере вначале, как временный подарок судьбы в ожидании мальчика, которым надлежало обзавестись каждой греческой семье. Три года спустя на свет появился этот долгожданный ребенок, и вместе с ним в семейство Калогеропулос пришла беда.

Глава 2
Американское детство греческого чудо-ребенка

Аптечное дело Георгиоса Калогеропулоса процветало; финансовое благополучие развязало ему руки, и он, пустившись во все тяжкие, стал изменять законной жене направо и налево. Евангелия отнюдь не пребывала в неведении, однако, несмотря на громкие скандалы, которые она частенько закатывала своему неверному супругу, относилась к его изменам, как к неотъемлемой части традиционной восточной семьи: чем больше Георгиос ходил на сторону, тем усерднее Евангелия занималась домашним хозяйством, хотя у нее было достаточно прислуги.

Наконец на свет появился долгожданный сын Вассилиос. Его рождение, казалось, должно было сблизить супругов в хлопотах вокруг колыбели. Любовь к новорожденному сыну, возможно, могла разжечь огонь давно угасшего семейного очага. Увы! Похоже, что сама судьба вынесла этой семейной паре свой приговор: Вассилиос в трехлетнем возрасте стал жертвой эпидемии тифа, которого так опасались в те годы. «Мне казалось, что мое сердце умерло вместе с ним и я никогда больше не воскресну», — сказала впоследствии Евангелия.

Георгиос страдал не меньше супруги. Ради Вассилиоса он отказался, или почти отказался, от своего волокитства; теперь же он предался любимому занятию с удвоенной энергией. Если раньше Евангелия смотрела сквозь пальцы на неверность легкомысленного супруга, то теперь попросту возненавидела его. Смерть ребенка уничтожила последние остатки сердечной привязанности между супругами. Однако в греческой семье не принято разводиться, особенно в те далекие двадцатые годы, когда семейными правилами, а вовсе не желаниями руководствовались муж и жена. Евангелия подчинилась устоявшейся традиции, похоже, без особого отвращения, поскольку в июле 1923 года она вновь ожидала ребенка. Вдруг Георгиос сообщил ей, что продал свою приносящую доход аптеку и собирается отправиться на постоянное жительство в Америку вместе с женой, дочерью и всем семейным скарбом. Калогеропулос принял это скоропалительное решение, не посоветовавшись с супругой, даже не сочтя нужным предупредить ее заранее. Каким чувством руководствовался глава семейства, отважившись зарезать приносившую золотые яйца курицу,

отказаться от безбедного существования и втянуть нелюбимую к тому времени жену вместе с пятилетней дочерью в авантюру, связанную с переселением в Новый Свет? Впоследствии Евангелия призналась в воспоминаниях, что так и не смогла постигнуть тайну столь неожиданного решения мужа.

«Я не знала тогда и не знаю сейчас, почему мой муж решил эмигрировать в Соединенные Штаты, ибо он так и не открыл мне истинные мотивы своего поступка: он столько всего скрывал от меня! Он продал наш дом, не сказав мне ни слова, и даже в тот момент, когда он объявил мне о том, чтобы я готовилась к отъезду и укладывала вещи, я не имела ни малейшего представления, куда мы направляемся. И только за день до отъезда из Греции я узнала, что мы едем в Нью-Йорк… Мое сердце было разбито».

Чужая душа — потемки, и все же можно предположить, что, стремясь покинуть родину, Георгиос хотел, чтобы ничто не напоминало ему об умершем сыне. Возможно, ему стало невмоготу дышать воздухом своей залитой солнцем греческой деревни, он пресытился легкими победами на любовном фронте, его угнетала мрачная семейная атмосфера или же, как сотни миллионов людей в разных уголках света, он был очарован американской мечтой.

Евангелия также не избежала этих иллюзий. Однако в ее положении путешествие через океан нельзя было назвать увеселительной прогулкой. И все же стоило их судну войти в порт Нью-Йорка, как молодую женщину охватило глубочайшее волнение, которое испытывает каждый путешественник, когда его взору открывается величественный вид на статую Свободы, символизирующую Новый Свет, а вокруг раздаются пароходные гудки, приветствующие прибытие нового корабля надежды.

Семейству Калогеропулос, как и их предшественникам, казалось в тот момент, что они стоят на пороге новой жизни. Однако их высадка на американский континент пришлась на не самый удачный день: 2 августа 1923 года скончался Уоррен Гардинг, президент Соединенных Штатов, и по этому поводу были приспущены национальные флаги. Поскольку ни Георгиос, ни Евангелия не знали ни слова по-английски, они так и не поняли, почему у нью-йоркцев были столь скорбные лица, и не придали этому значения. Впрочем, на причале их встречал соотечественник — молодой доктор Леонидас Лонтцаунис, который раньше их отправился за американской мечтой, уже год жил в Нью-Йорке и вполне освоился в этом городе, так что семейству Калогеропулос повезло.

С помощью Леонидаса Лонтцауниса они устроились в тесной

квартирке в Лонг-Айленде; соотечественник помог Георгиосу и с устройством на работу — он нашел ему место заведующего аптечным киоском в торговом комплексе. Нью-Йорк как современный Вавилон состоит из множества городов в миниатюре, где компактно проживают в соответствии со своей национальной принадлежностью выходцы со всех концов света, прибывшие в Америку в надежде построить новую жизнь. Калогеропулосы не стали исключением из правил: в Нью-Йорке они питались греческой едой, общались с выходцами из Эллады, вели привычный образ жизни. Вот в таком окружении и появилась на свет Мария. Дата ее рождения впоследствии стала причиной дискуссий: правда ли, что она родилась 4 декабря 1923 года, как пишет в своих воспоминаниях ее мать, или же 2 декабря — по словам присутствовавшего при ее рождении доктора Лонтцауниса и как сама певица утверждала во всех своих интервью? В архивах госпиталя, где Евангелия родила Марию, не сохранилось никаких следов. Наверное, потому, что рождение волшебницы всегда окутано тайной…

Как бы там ни было, но в тот день выпал снег, и такое неведомое эллинам природное явление весьма удивило Евангелию. И это был не последний сюрприз, который семейству Калогеропулос преподнесла судьба. Супруги надеялись, что наконец-то Бог сжалится над ними и пошлет им мальчика, чтобы занять в их исстрадавшихся сердцах место умершего Вассилиоса. У них все было готово к тому, чтобы радостно встретить появление на свет сына… Увы! Ребенок, которого держал на руках друг Леонидас, несмотря на то, что тот был таким же крупным, как мальчик, все же оказался девочкой. У малышки были огромные черные глаза, такие же, как у брата, темные вьющиеся волосы, и она весила 11 фунтов… Однако Евангелия и слышать не хотела о девочке; целых четыре дня она отказывалась взглянуть на эту самозванку, занявшую в ее жизни чужое место.

«Мои родители ненавидели меня, — призналась однажды журналистам Каллас. — Они ждали мальчика… Кроме того, я была толстой и близорукой, тогда как моя сестра была красивой и стройной, и они обожали ее…» Примадонна столь откровенно высказывалась на публике всегда, когда хотела оправдать свое поведение. У нас еще не раз будет возможность вернуться к сложным отношениям матери и дочери, отравлявшим жизнь Марии. Возможно, великая певица что-то и преувеличивала, но Евангелия и в самом деле никогда не скрывала горечь и разочарование по поводу того, что у нее родилась девочка. Можно предположить, что всю свою не истраченную на сына любовь Евангелия перенесла на старшую дочь Джекки. И хотя мать на

словах всегда это отрицала, все же в душе отдавала предпочтение старшей дочери, а Мария только занимала место, предназначенное для не появившегося на свет любимца. В детстве она ощущала себя обделенной материнской любовью, что повлияло на ее отношения с матерью в зрелые годы.

На пятый день после рождения дочери Евангелия наконец взялась за ум: она распорядилась принести ей новорожденную…

Для начала девочке надо было придумать имя, о чем раньше родители не позаботились, ожидая мальчика. Когда медсестры спросили, какое имя следует написать на бирке, прикрепляемой на запястье ребенка, мать не знала, что ответить. Ей на ум пришло имя София; Георгиосу больше нравилось имя Сесилия… В конце концов они нашли компромиссное решение: крошку назвали Марией… По крайней мере временно, пока они не найдут более подходящее для дочери имя. И только в трехлетнем возрасте родители окрестили свою дочь в греческой церкви на 74-й улице. От такого опоздания девочка ничего не потеряла, поскольку при крещении она получила сразу четыре имени: Сесилия, София, Анна, Мария… И только последнему имени повезло больше других. Крестным отцом малышки конечно же стал верный друг Леонидас, который всю свою жизнь будет опекать Марию.

В том же 1926 году она получила не только несколько имен, но и новую фамилию. Ее родители решили поменять Калогеропулос на легче произносимую американцами фамилию Каллас, что облегчало им общение с ними. За три года жизни в Америке положение семьи изменилось в лучшую сторону: Георгиосу удалось купить аптеку, и семья смогла переехать в новую квартиру. К этому времени семейство Каллас уже не только приспособилось к жизни на чужбине, но и поселилось в самом сердце Манхэттена — в Вашингтон-хайтсе на 192-й улице. Супруги обзавелись прислугой и по воскресеньям принимали гостей, преимущественно греков, ибо память о родине не отпускала этих новоиспеченных американцев.

Вновь обретенное финансовое благополучие, казалось, должно было принести мир и согласие в семью. Увы, не тут-то было! В богатой Америке, так же как и в бедной Греции, Георгиос и Евангелия все же не смогли наладить семейные отношения. И на новом месте молодая женщина продолжала мечтать о богатстве и славе. Теперь она окончательно утвердилась во мнении, что ее муж, независимо от того, по какую бы сторону Атлантического океана он ни находился, не отвечал ее запросам. Георгиосу не оставалось ничего другого, как спасаться от одиночества привычным для него способом: он по-прежнему

искал на стороне то, чего ему недоставало под крышей своего дома.

Между тем Мария росла. И не только в высоту. Если в самом раннем детстве она была, что называется, красивым ребенком, то с годами превратилась в толстушку. У девочки был отменный аппетит, что, несомненно, грозило ей в будущем избыточным весом, в отличие от старшей сестры Джекки, которая уже в десятилетнем возрасте обещала стать красавицей. В дальнейшем эти прогнозы полностью оправдались.

А где же в этой истории музыка? Надо же было как-то оправдывать легенду о чуде-ребенке. Мария не могла быть похожей на обычных детей! Когда Моцарту едва исполнилось три года, он вставал на цыпочки, чтобы крохотными пальчиками дотянуться до клавесина; в том же возрасте Сен-Санс уже был знаком с нотной грамотой, хотя еще не научился писать буквы алфавита. И Мария в глазах потомков не должна была отставать от прославленных музыкантов по проявленной в детстве гениальности. Ее матушка не дает нам возможности сомневаться на этот счет.

«В четырехлетнем возрасте, — сообщает она нам в воспоминаниях, — Мария меня удивила. У нас была пианола — это такое механическое пианино, игравшее по перфоленте и приводившееся в действие с помощью педалей. Мария обожала его слушать. В тот день я была занята на кухне выпечкой хлеба; вдруг я услышала звуки пианолы; я бросилась в гостиную, не успев даже отереть от муки руки, — настолько мне хотелось поскорее увидеть, кто же там играет… Это была Мария, забравшаяся под пианолу и нажимавшая на педали своими ручонками, поскольку не могла, сидя на табурете, дотянуться ногами до педалей. С открытым ртом она слушала музыку, которую играла… Я понесла ее на кухню, чтобы вымыть ей руки, но не успела поставить ее на пол, как она вновь убежала в гостиную, чтобы залезть под пианолу».

Следует ли доверять этим откровениям, написанным значительно позднее, когда крошка Мария уже давно превратилась в великую Каллас? Может быть, Евангелия придумала эту сказочку? Не важно! Блажен, кто верует…

Вполне вероятно, что Евангелия заметила исключительную одаренность своей дочери и предугадала ее головокружительную карьеру. Хотела ли она верить в это из-за своих несбывшихся надежд? Возможно, она страстно желала взять реванш и посредством дочери отыграться за свою неудачно сложившуюся жизнь, с чем она никак не могла примириться? Позднее Мария Каллас не простит матери слепой веры в ее будущий успех и тех

обязанностей, которые мать возложила на нее. «У меня не было детства», — скажет Мария. И все же стала бы она великой Каллас, если бы в погоне за славой для дочери, которой она сама была лишена, чрезмерно требовательная мать не вела ее почти силком по дороге к успеху? И это вовсе не исключительный случай. Стоит только включить телевизор, как тут же увидишь неугомонных мамаш, подталкивающих к микрофону своих несчастных отпрысков, чтобы заставить их спеть какую-либо заученную заранее невообразимую песенку. Отличие лишь в том, что вряд ли какая-то из этих дрессированных обезьянок когда-нибудь станет Каллас.

Евангелия принялась за осуществление своей «операции-реванша». Дочери должны были до отупения заниматься музыкой, что ей самой было в свое время запрещено. Вначале Джекки также подавала определенные надежды, которые смогла осуществить только Мария. Однако несчастный случай едва не положил конец прекрасным мечтам Евангелии. Это произошло в июле 1928 года. Мария, одетая как обычно в синее платьице, стояла рядом с матерью и отцом на пороге собственного дома, как вдруг на другой стороне 132-й улицы она увидела Джекки. Надо сказать, что с самого рождения девочка обожала сестру, что не помешало ей впоследствии изменить свое отношение к ней. Итак, в тот злополучный день, когда Мария увидела Джекки, она бросилась бегом от родителей через улицу, по которой как раз в тот момент проезжал автомобиль. Ребенок попал под колеса; обезумевшие Евангелия и Георгиос вытащили Марию из-под машины и повезли в бессознательном состоянии в больницу Святой Елизаветы на авеню «Форт Вашингтон». Первый диагноз был крайне пессимистичным. К счастью, один доктор, по всей видимости грек, принялся успокаивать родителей. «От страха я почти лишилась рассудка и упала в обморок… Доктор Корилос привел меня в чувство и сказал, что у Марии только нервный шок», — рассказывала потом Евангелия.

Малышка оставалась на попечении больничных монахинь целых двадцать два дня. Когда девочка вернулась в отчий дом, мать заметила, что она сильно изменилась: «утратила свой румянец» и стала раздражительной… Лишь аппетит остался прежним.

Можно сказать, что несчастный случай, жертвой которого стала Мария, стал предвестником изменения судьбы всех американцев. Черный четверг на Уолл-стрит вызвал гигантскую волну, обрушившуюся на экономику Соединенных Штатов; впервые на ее безоблачном небосклоне сгустились тучи банкротства. Курс доллара обвалился. Не только миллиардеры

пострадали от биржевого обвала, но и простые граждане оказались в числе жертв охватившей страну паники: Георгиос Каллас вынужден был продать свою аптеку. И отныне ему приходилось колесить по американским дорогам в качестве агента по продаже фармацевтической продукции и подолгу отлучаться из дома. Вероятно, новая работа предоставляла главе семьи больше возможностей волочиться за юбками и отнюдь не способствовала укреплению семейных уз. В противовес ему Евангелия со все возрастающим упорством продолжала верить в своих дочерей. Семейство Каллас было вынуждено переехать из комфортабельной квартиры в Манхэттене в более скромное жилище. Это не помешало госпоже Каллас перевезти на новую квартиру механическое пианино, добавив к нему еще и фонограф, что позволило ей наслаждаться прослушиванием любимых оперных арий… Это привело к новому конфликту с супругом, поскольку тот предпочитал только греческую народную музыку! Радиотрансляционная сеть — в то время она еще не называлась радио — также давала возможность семье слушать бельканто, что, по-видимому, приобщило Марию к исполнительскому искусству. Здесь снова легенда вступает в свои права, и мы предоставляем слово матери Каллас:

«Я нашла итальянского преподавателя для двоих крошек, синьорину Сандрину. Мария не брала уроков пения, но в восьмилетнем возрасте она самостоятельно выучила «Ла Палома», а в десять лет она уже исполняла арии «Кармен»… Наконец произошло событие, которое я не забуду никогда. День выдался жарким, и окна были распахнуты настежь… Мария пела свою любимую «Ла Палома» и аккомпанировала себе на пианино, в то время как легкий ветерок раскачивал кружевные занавески… Выглянув в окно, я увидела, что улица полна народу. У нашего дома собралась целая толпа. Люди стояли и слушали, как поет моя крошка Мария. Затем раздались аплодисменты; люди не расходились, пока Мария пела…»

В том же духе мамаша доверительно сообщила нам, что ее «маленький гений», едва услышав по радио певицу, давшую «петуха», тотчас вскакивала с места и указывала на неправильно спетый пассаж.

Если даже допустить, что Евангелия в своих воспоминаниях приукрашивала события, Мария в десятилетнем возрасте, безусловно, демонстрировала свои удивительные вокальные данные, и близкие имели возможность слышать ее исключительный голос, необычно сильный для ребенка ее лет. С того самого момента, как музыка станет главной в ее судьбе, Мария никогда не покинет пьедестал, на который музыка

вознесла ее. Правда и то, что в это же время она мечтала о карьере хирурга-стоматолога. Однако девочка была уже более или менее осознанно увлечена искусством, которое в дальнейшем отнимет у нее все силы и в конечном счете саму жизнь. Кроме того, ее мать, словно приставленный к ней безжалостный тюремщик, будет следить за каждым шагом своего чудо-ребенка, чтобы тот не дай бог не свернул с предначертанного ему пути. И это обстоятельство лишний раз вносило разлад в семейную жизнь супругов Каллас. Георгиосу было все труднее сводить концы с концами, и ему представлялось немыслимой глупостью выбрасывать на ветер несколько долларов, оплачивая уроки фортепьяно дочерям. Однако Евангелия уже давно перестала интересоваться мнением Георгиоса, по крайней мере в том, что касалось обеспечения будущего своему потомству. Она рассказала нам в воспоминаниях, что оплачивала первые уроки музыки за счет собственных сбережений… Неужели ей удалось что-то скопить на черный день? Сообщила также и о том, что Мария, обучаясь игре на фортепьяно, была прилежной ученицей, и это вполне подтвердилось в будущем. На протяжении всей своей жизни, в особенности в моменты морального кризиса или крайней усталости, Мария находила за инструментом спасение и даже утешение…

Наконец, можно смело говорить о том, что Мария отнюдь не из-под палки овладевала премудростями музыкальной грамоты и вскоре знала ее назубок, как греческий или английский языки. Кроме того, каждое воскресенье в греческой православной церкви Святого Спиридона она с удовольствием распевала псалмы в церковном хоре.

Как выглядела будущая звезда бельканто в те времена? С фотографии на нас смотрит близорукими глазами сквозь толстые стекла очков одиннадцатилетняя черноволосая девочка. На ее детском личике уже появились первые юношеские прыщики. Кажется, что платье Марии вот-вот лопнет по швам из-за чрезмерной полноты… В общем, у девочки, что называется, была внешность угловатого и неуклюжего подростка. И рядом с ней особенно грациозной и стройной выглядела ее семнадцатилетняя сестра. Вот кому была уготована завидная судьба красивых женщин! Отдавала ли себе отчет Мария в том, как несправедливо обошлась с ней природа? Без всякого сомнения. Однако она по-прежнему испытывала к Джекки самые нежные чувства и потому принимала все как фатальную неизбежность. Страдала ли она? Многим позже, когда из гадкого утенка она превратится в прекрасного лебедя, Мария как-то разоткровенничается и расскажет о том, сколько горечи скопилось за долгие годы в ее

детской душе. Вот еще один парадокс характера этой удивительной женщины: именно в то время, когда ей уже не надо было завидовать сестре, Мария затаила против нее злость, которая взорвалась как бомба замедленного действия; она обвинила свою мать в бездушном отношении к ней именно по причине ее физической непривлекательности в детстве. Евангелия категорически не согласилась с подобным обвинением!

Итак, в одиннадцатилетнем возрасте Мария была убеждена в своем уродстве и старалась смириться с этой несправедливостью судьбы. Отдушинами в ее жизни были музыка и пристрастие к еде. С утра до вечера она поглощала сладости, которыми так славится греческая кухня; это были и конфеты, и медовые коврижки, и рахат-лукум; за обедом она с аппетитом поглощала блюда из макарон; вскоре — а кто нас побалует лучше, чем мы сами, — она встала за плиту и придумала свое любимое кушанье: два яйца под греческим сыром.

Эту пищу нельзя было назвать легкой, но ребенок нуждался в столь калорийном питании, чтобы хорошо петь: в те времена многие придерживались мнения, что хорошая певица не может быть худой. Этим и объясняется, почему мать чудо-ребенка не препятствовала пристрастию дочери к еде. Евангелия стремилась только к достижению скорейшего результата, а на пути к вершине славы все средства были для нее хороши. И вот Марию выпустили на весьма скромную сцену в каком-то похожем на конкурс мероприятии, организованном радиостанцией, во время которого в большом кинозале на Бродвее публика развлекалась тем, что освистывала незадачливых конкурсантов. Однако Мария продержалась с «Ла Паломой» до победного конца. Она получила первый в своей жизни приз: позолоченные часы как залог будущего успеха на пути к миллионам долларов… Евангелия была на седьмом небе от радости, а Мария впервые почувствовала себя счастливой… Настолько, что изменила своей привычке объедаться на ночь. Никаких макарон и яичницы с сыром в тот вечер! И разве это не самое веское доказательство захлестнувших ее эмоций?

Эксперимент имел продолжение в Чикаго; и на этот раз Мария получила приз.

Этот первый перст судьбы убедил Евангелию в том, что Марию ждет блестящее будущее, и отныне ее главная задача заключалась в предоставлении дочери необходимых условий для самовыражения. Однако Георгиос не был согласен с тем, чтобы тратиться на дорогостоящих преподавателей, как требовала его амбициозная жена. Впрочем, семейные разногласия росли с каждым днем как снежный ком, что приводило к частым ссорам

между супругами. В результате Георгиос использовал любой предлог, чтобы не быть дома. К тому времени Джекки уже выпорхнула из семейного гнезда и вернулась на историческую родину; Евангелия только и мечтала о том, чтобы поскорее последовать ее примеру. Она была убеждена в том, что на земле предков вокальное дарование Марии расцветет. Кроме того, все члены ее семьи — родные и двоюродные братья и сестры любили музыку; Евангелия надеялась, что родня будет очарована пением ее крошки и с радостью поможет в становлении ее таланта. И все же на окончательное решение Евангелии покинуть чужбину повлияло вмешательство потусторонних сил. Так, если верить ее словам, однажды ночью ей явился призрак отца; можно предположить, что пребывание на том свете серьезно изменило точку зрения «поющего полковника» на престижность артистической карьеры, поскольку он настоятельно рекомендовал дочери вернуться на родину и приложить все усилия для дальнейшего развития вокальных данных Марии. Оставалось только получить согласие супруга, что не представило никакого труда. По признанию Евангелии, «он был так счастлив избавиться от нас, что не поскупился оплатить нам дорогу… Мой муж согласился ежемесячно высылать мне в Грецию 125 долларов и, конечно же, не сдержал своего обещания; однажды я получила от него 7 долларов, в другой раз — 17, и на этом дело закончилось…».

Мария, похоже, с радостью покидала Америку, поскольку напевала разные мелодии все время, пока помогала матери упаковывать вещи. По всей видимости, Евангелия все же собиралась вернуться в Соединенные Штаты, так как взяла с собой только самое необходимое, а всю мебель отправила на мебельный склад. И вот в один прекрасный мартовский день 1937 года Евангелия вдвоем с дочерью отправилась в дорогу. Мария настояла на том, чтобы взять с собой трех канареек, которые, по-видимому, прекрасно пели; в жизни будущей примадонны пернатые, которых она будет кормить из собственных рук, займут не последнее место.

Мария с матерью преодолевали океанские просторы в туристическом классе. В первые два дня путешествия океан разбушевался не на шутку, и они испытали на себе все муки морской болезни; зато в качестве вознаграждения Давид, одна птица из трех канареек, пел не переставая. К счастью, на третий день волны наконец угомонились, и Мария смогла показать пассажирам туристического класса все, на что была способна, в тот же вечер приведя в восторг собравшуюся в кают-компании аудиторию. Помимо привычной для нее «Ла Паломы», она

исполнила «Аве Марию» Гуно. До капитана корабля дошел слух о том, что на борту его судна находится юное дарование. Он лично попросил девочку спеть во время воскресной мессы, но та решительно отказалась. В Марии уже начали проступать черты будущей строптивой Каллас… Не успел капитан вернуться на мостик, как она согласилась выступить перед офицерским составом и пассажирами первого класса. В тринадцать с половиной лет будущая звезда лирического сопрано уже знала, что она хочет и что не хочет делать!

В тот вечер Мария появилась в синем платье с белым воротничком, ее иссиня черные волосы красиво ниспадали на плечи; она сняла очки с толстыми стеклами в массивной оправе и даже припудрила лицо, чтобы скрыть юношеские прыщики. Когда же она села за пианино, чтобы аккомпанировать себе, ее, конечно, нельзя было назвать красавицей, однако она становилась все неотразимее по мере того, как музыка все больше и больше наполняла восторгом ее существо. Началось выступление, как всегда, с неувядаемой «Ла Паломы», затем последовала «Аве Мария», и под конец Мария исполнила знаменитую хабанеру из оперы «Кармен». Эту арию, безусловно, не поют тринадцатилетние девочки, но она исполнила ее с таким эмоциональным подъемом и страстью, что тут же покорила сердца слушателей. Вдохновленная примером своей героини и полностью войдя в ее образ, она, исполняя арию «Кармен», выхватила гвоздику из стоявшей перед ней вазы и бросила капитану, будто тот был Хозе. На следующий день капитан в знак признательности подарил ей куклу; девочка спрятала ее в чемодан, как священную реликвию; и не удивительно — это была первая игрушка в ее жизни. Евангелия, похоже, полагала, что чудо-ребенок не должен тратить драгоценное время на пустые детские забавы.

Вот так Мария под неусыпным надзором честолюбивой матери невольно вошла в роль актрисы. В дальнейшем она сохранит о своем детстве самые мрачные воспоминания, которые не могли не повлиять на ее отношение к матери. «Когда с ребенком обращаются подобным образом, он слишком рано взрослеет и становится похожим на маленького старичка, — любила она повторять. — Нельзя отнимать детство у детей. И только, когда я пела, мне казалось, что я любима…»

До самых последних дней она будет болезненно ощущать недостаток любви в своей жизни, и это чувство обделенности не компенсировало то огромное счастье, которое она испытывала на сцене.

Кроме того, у Марии была еще одна причина, чтобы

упрекнуть мать: недостаток образования. Она чувствовала этот пробел в материнском воспитании своим незаурядным от природы умом. Вопреки заверениям Евангелии, ее дочь поглощала сладости гораздо в большем объеме, чем занималась литературой или математикой, а посещаемая девочкой скромная школа на авеню «Амстердам» давала ей весьма смутные представления об этих предметах. Впрочем, Евангелия нисколько не заботилась тем, чтобы дать дочери достойное образование: она хотела сделать из нее звезду, а не превратить ее в синий чулок. Она считала необходимым развивать только вокальные данные дочери; заботиться о ее интеллектуальных способностях казалось ей пустой тратой времени. И даже в отношении своей любимицы Джекки Евангелия придерживалась такой же формы воспитания с той лишь разницей, что в ее случае ставка делалась на красоту, грацию и обаяние, чтобы подцепить богатенького мужа, а вовсе не получить диплом.

Итак, Мария, покинув Нью-Йорк, навсегда распрощалась с надеждой приобрести хотя бы какое-то общее образование. Разумеется, по дороге в Грецию девочка вовсе не горевала о том, что больше не будет ходить в школу. После музыкального дебюта она пожинала плоды своего упорного труда; к ней относились, как к юной королеве, и, когда «Сатурния» — так называлось судно, на борту которого плыли мать и дочь, — причалила в порту Патрас, капитан вместе с офицерами провожали Марию до самого конца трапа.

Это была первая встреча с землей предков, и она сразила Марию наповал. О Греции она знала лишь то, что смогла почерпнуть из обычаев родственников, соблюдаемых ими на чужбине; в их жилах текла кровь вечной Греции, Греции морей, Греции античных героев, известных из мифологии; и эта горячая кровь могла мгновенно ускорять свое течение.

И все долгое путешествие в поезде — убогом трясущемся задымленном составе, который мог быть только в стране с беззаботными жителями — в Афины Мария не могла оторвать взгляд своих огромных черных глаз от открывавшихся за окном роскошных пейзажей. И тем не менее не будем преувеличивать — скорее всего, она не могла оторваться от огромного куска пирога, приготовленного в дорогу Евангелией. И все же, насытившись, Мария прижалась лицом к оконному стеклу. Ей уже захотелось, чтобы это путешествие никогда не кончалось. Но вот и платформа железнодорожного вокзала, где столпилась ее многочисленная родня, собравшаяся по поводу возвращения двух заблудившихся овец в родное стадо. Все в сборе: дядюшки Филу и Эфтимиос,

тетушки Калия, Пипица и София, а также Джекки, и целый выводок двоюродных братьев и сестер, сгоравших от любопытства поскорее увидеть приехавших издалека «американцев». И только бабушка — вдова «поющего полковника» — осталась дома, чтобы приготовить пироги и сладости, без которых в Греции не обходился ни один праздник. Несомненно, Мария набросилась на эти лакомства, как только переступила порог дедовского дома.

Это было просторное жилище, где царствовал уютный полумрак, столь характерный для домов зажиточных людей в жарких странах. Мраморные полы, парадная лестница, огромные комнаты, широкие кровати, от которых исходил легкий запах нафталина, не могли не произвести впечатление на Марию, привыкшую к тесноте нью-йоркских квартир. Можно сказать, девочка почувствовала, что находится среди фантастических декораций, ставших для нее реальностью, как покажет будущее. Однако самой восхитительной комнатой ей показалась кухня! Столь просторное помещение обещало ей горы еды.

— Что же касалось Евангелии, то она была не прочь блеснуть перед родней приобретенным за океаном городским лоском. И, не откладывая дела в долгий ящик, немедленно приступила к устройству карьеры своей дочери. Марию тут же попросили продемонстрировать вокальные данные, что она сделала без особого удовольствия, поскольку при всей своей любви к пению одаренная девочка не имела никакого желания петь по требованию. Впрочем, заключение, вынесенное родственниками, обескуражило и мать, и дочь. Безусловно, малышка обладает сильным голосом, что удивительно для детей ее возраста, но не лучше ли было ей заниматься пением как хобби и подумать о более серьезном образовании? И только дядюшка Эфтимиос — возможно, потому что сам обладал прекрасным голосом — выступил в поддержку сестры. Именно он отвел свою юную племянницу к бывшей оперной певице Марии Тривелле, чья сценическая карьера лирического сопрано, похоже, не удалась, но что отнюдь не помешало ей преподавать в консерватории в Афинах.

Как же тряслась от страха эта девочка, которой еще не исполнилось и четырнадцати лет, стоя в то сентябрьское утро 1937 года на пороге взрослой жизни. В своем тюлевом белом платьице и носочках она чувствовала себя то овцой, отданной на съедение волкам, то Давидом, входящим в ров со львами. И этот первый приступ страха будет повторяться на протяжении всей ее артистической карьеры и бесследно исчезать только с поднятием театрального занавеса. Девочку охватила настоящая паника еще и потому, что она прибыла на прослушивание в сопровождении

целой делегации, состоявшей из тетушек и дядюшек, спешивших, перебивая друг друга, дать ей последние советы и напутствия. И конечно же больше всех усердствовала в этом Евангелия, которая тоже чувствовала, что настал решающий момент, и вот-вот она должна будет узнать, оправдаются ли ее надежды или же, напротив, им не суждено сбыться…

И с каким радостным облегчением они восприняли слова Марии Тривеллы, которая с влажными от умиления глазами, взволнованным голосом сообщила им, что никогда еще не слышала столь многообещающего голоса! Она не только будет давать уроки Марии, но посодействует, чтобы талантливую девочку приняли в ее класс. Растроганная до слез бывшая певица согласилась даже на подделку документов. В консерваторию принимали только тех, кто достиг шестнадцатилетнего возраста, а Марии, как нам известно, не было еще и четырнадцати! Мария Тривелла вместе с Евангелией исправили дату рождения в ее удостоверении личности. Так, в начале 1938 года Мария Калогеропулос начала официальные занятия пением. А почему Калогеропулос? Возвратившись на родину, Евангелия сочла нужным взять прежнюю фамилию, в то время как Георгиос оставался Каллас. Так супруги все больше и больше отдалялись друг от друга…

Поступив в консерваторию, Мария с первых же дней начала оправдывать возлагавшиеся на нее надежды. Мощное звучание и широкий диапазон голоса позволяли ей без всяких усилий и с удивительной легкостью исполнять казалось бы такие далекие друг от друга партии, как «Кармен» и «Сантуцца». Впрочем, именно в образе последней Мария выразила с помощью вокала яростный гнев, отчаяние и величие своей героини, продемонстрировав такой накал страстей и такой высокий трагедийный пафос, что обнаружила дар драматической актрисы. В столь юном возрасте она уже заявила о себе как о незаурядной личности.

Встреча с Марией Тривеллой была даром небесным для будущей оперной дивы, почти таким же, как чуть позднее встреча с Эльвирой де Идальго, что позволило выявить скрытые возможности ее таланта. Речь больше не шла о воздушных замках, которые строила ее мать, подталкивая дочь на олимп, а о беспристрастном и в то же время восторженном заключении профессионалов, наслушавшихся на своем веку немало прекрасных голосов, однако еще ни разу не сталкивавшихся с подобным феноменом. И вот Мария погрузилась в работу с такой же жадностью, с какой обычно набрасывалась на еду. Она не

только хотела добиться успеха, стать лучшей из лучших, достигнуть вершины творчества, но делала это с твердой уверенностью в том, что преодолеет все преграды, устранит с дороги к славе любого конкурента.

Такой образ мыслей в подростковом возрасте может показаться довольно странным и его можно принять за излишнюю самоуверенность, если бы он не соответствовал возможностям и способностям Марии, а также ее страстному желанию во что бы то ни стало достигнуть намеченной цели, которая, как она полагала, ей была по плечу… Добровольный каторжный труд все более и более увлекал ее. Она стала не только самой прилежной ученицей на курсе у Марии Тривеллы в консерватории, но еще брала у нее дополнительные частные уроки. Ранним утром Мария отправлялась к своей преподавательнице в студию, где без устали повторяла вновь и вновь то или иное упражнение, получала указание, на лету схватывая преподанный урок.

Вернувшись домой, она устремлялась к пианино и до изнеможения повторяла уже усвоенное упражнение. Теперь она часто забывала о еде, что, зная ее привычки, говорило о многом.

И конечно же такая целеустремленность и всепоглощающая жажда самоусовершенствования не замедлили повлиять на характер амбициозной девочки; ведь путь к славе усеян не только розами. Оправданы ли были подобные издержки восхождения на олимп? Послушаем, что сказала по этому поводу мать гениальной певицы; при этом оставим за ней право быть ответственной за свои слова:

«К тому времени в характере Марии уже сформировались некоторые, не самые лучшие черты, которые особенно проявились во взрослой жизни. Еще ребенком она была подвержена вспышкам гнева и к тому же весьма скуповата; теперь же у меня создалось впечатление, что эти черты становились все более заметными. Она вела себя недопустимо оскорбительно по отношению к своим родным дядям и тетям, не исключая даже Эфтимиоса, так много сделавшего для нее. Она так же плохо обращалась и с прислугой, грубила старшим и раздавала пощечины более юным, чем она. Когда я упрекала ее за подобное поведение, она с усмешкой отвечала: «Ну и что дальше?» Кроме того, она ревновала к студентам консерватории так же, как впоследствии будет относиться к другим певицам, и потому многие недолюбливали ее. В гневе Мария снимала очки и бросалась с кулаками на обидчика совсем как мальчишка!»

Безусловно, следует принять во внимание, что Евангелия так откровенно высказалась значительно позднее тех далеких

событий. К тому времени мать и дочь окончательно рассорились. Впрочем, вполне вероятно, что Евангелия испытывала невольную зависть к другой женщине, Марии Тривелле, которая заняла ее место в жизни дочери, а она, увы, осталась на обочине дороги, ведущей на олимп. Однако нельзя не прислушаться и к словам матери. Некоторые однокашники Марии Каллас по консерватории подтверждали, что у восходящей звезды и тогда уже был неуживчивый характер; и все, что нам известно о его проявлении во взрослой жизни Марии, свидетельствует о том, что высказывания матери не были беспочвенными. Кроме того, представить будущую лирическую героиню мировых оперных сцен, размахивавшую в ярости кулаками, — зрелище весьма впечатляющее!

Глава 3
Появление волшебницы

В свои шестнадцать лет Мария уже не была ребенком. Впрочем, была ли она когда-нибудь ребенком? Нам уже известно, как порой она сожалела о своем детстве, оборвавшемся на дороге к славе. И все же смогла бы она стать великой Каллас без всяких потерь? С течением времени можно уже говорить о том, что, несмотря на мотивы, которыми руководствовалась Евангелия, и допущенные ею крайности, она была первой ступенькой лестницы, ведущей Марию к великой цели. Второй же ступенькой оказалась Мария Тривелла, затем эстафету подхватила Эльвира де Идальго. В дальнейшем на пути к успеху Марию сопровождали мужчины, влюбленные в нее как в женщину или как в актрису.

Однако в то время, пока она с огромным рвением усваивала уроки Марии Тривеллы, пока она, учась в консерватории, ежедневно с глубоким удовлетворением утверждалась в превосходстве над другими студентами, будущая примадонна уже знала, что способна добиться успеха. Она горела желанием как можно скорее пройти этот путь к славе. Между тем она отнюдь не была уверена в том, что сможет стать хозяйкой своей судьбы. И это сомнение будет сопровождать ее всю оставшуюся жизнь; и хотя у нее был сильный характер — и это меньшее, что можно сказать, — на протяжении всей жизни она будет испытывать потребность в присутствии человека, способного оказать ей поддержку, подставить свое плечо и направить ее шаги. Когда вокруг нее смолкли восторженные голоса и опустились руки у почитателей ее таланта, она почувствовала пронзительное одиночество, словно затерявшийся в пустыне путник…

А пока Мария работала, что называется, «не щадя голоса своего», настолько она была одержима стремлением к совершенству. Можно только восхищаться волей и целеустремленностью этой юной особы, уверенной в своих исключительных способностях, но отдававшей себе отчет, что без упорного труда одной только природной одаренности недостаточно, чтобы вознестись к намеченным высотам. И если в человеческом плане подобное упорство в достижении цели чревато негативными последствиями, в области искусства оно представляет собой прекрасный пример для подражания всем окружающим. Целый год Мария самозабвенно упорно трудилась. Она не строила иллюзий относительно своей внешности. В самом деле, была ли она уродлива в то время? Вполне возможно, в

любом случае она отказывалась от всех удовольствий, которым предавались девушки ее возраста: никаких балов, никакого флирта. Несмотря на то что молодые эллины способны томными взглядами и комплиментами вскружить голову юным особам, внешние данные Марии обеспечивали ей в этом плане полную безопасность. Все ее надежды и чаяния были связаны с разучиванием лирических оперных партий, которые однажды в ее исполнении должны были засиять ослепительным блеском. Ее музыкальная память, кажется, не знала границ. Часто случалось, что вечером Мария Тривелла давала своей ученице партитуру только для чтения, а на утро следующего дня девушка уже знала ее наизусть. Круглолицая и улыбчивая, Мария Тривелла не верила своим ушам! Еще ни разу в ее жизни не было ничего подобного и никогда больше не будет. И, к своему огромному огорчению, она совсем скоро потеряла свою ученицу — на следующий день после того, как будущая примадонна с легкостью добилась первого официального успеха, после первой оперной премии, полученной на конкурсе в консерватории.

Эта победа утешила Марию, горевавшую по поводу отъезда сестры. Прогнозы Евангелии относительно судьбы старшей дочери сбылись. В свои двадцать два года Джекки превратилась в настоящую красавицу; и нет ничего удивительного в том, что ее кто-то захотел взять в жены. И совсем не кто-то! Милтон Амбарикос был сыном богатого греческого судовладельца. Вот еще в какие времена речь зашла о судовладельце! За тридцать лет до того, как другой, еще более богатый судовладелец, перевернет судьбу Марии Каллас…

Джекки и молодой Милтон обручились; их помолвка затянулась на долгие годы, но так и не закончилась официальной свадьбой, поскольку родители Милтона считали, что их сын заслуживает лучшей партии. Однако когда жених Джекки пригласил будущую тещу совершить круиз по островам на его яхте, Евангелия не заставила себя долго упрашивать и взяла с собой Марию. Это были ее последние настоящие каникулы. Вернувшись, она с головой погрузилась в мир оперных героинь, жила их жизнью и бурными страстями, совсем не свойственными ее возрасту; способность Марии вживаться в образ своих героинь поражала воображение аудитории. Такое же эмоциональное потрясение пережила и Эльвира де Идальго, вошедшая в жизнь Марии как вестник судьбы.

Эльвира де Идальго — такое имя может носить только актриса — была знаменитой испанской певицей. К тому времени ее сценическая карьера уже пошла на убыль, но все же известности ей было не занимать; она пользовалась успехом во

всех уголках земного шара и выступала вместе с самыми выдающимися певцами, ее партнером был даже великий Карузо. Она наведалась в Афины всего на несколько месяцев, чтобы оттуда отправиться в Америку. Однако в мире произошли события, заставившие ее изменить свои планы. Шел 1939 год, и Соединенные Штаты почти закрыли границы. Теперь Атлантику уже не бороздили, как раньше, океанские лайнеры; вот так Эльвира де Идальго и застряла в Афинах, на что она не особенно жаловалась, поскольку согласилась вести курс в консерватории в Афинах.

Евангелия, стремившаяся к скорейшему восхождению дочери на вершину славы, добилась прослушивания Марии у нового преподавателя. Испанскую певицу внешний вид абитуриентки сразил наповал. Как можно играть лирических героинь с такой непривлекательной внешностью! Однако когда Мария, преодолев жуткий страх, охвативший все ее существо, запела, госпожу де Идальго в свою очередь охватил восторг от силы и красоты ее голоса. Впоследствии она, гордясь своей ролью в становлении гениальной певицы, вспоминала: «Я услышала каскад не совсем точно контролируемых звуков, но затем я закрыла глаза и представила себе, какое удовольствие я испытаю, когда я буду работать с таким металлом, придавать ему совершенную форму, открывать его обладательнице уникальные драматические ресурсы, о которых она еще и не подозревает…»

Встреча с Эльвирой де Идальго много значила и дня Марии, которая не долго раздумывала над тем, чтобы вручить свою судьбу этой замечательной женщине, вскоре ставшей для нее не только преподавателем, но чем-то большим: матерью, если бы у нее была возможность выбирать. Только встреча с настоящей матерью опоздала на целых шестнадцать лет. И, что самое удивительное, Мария пронесла это теплое чувство через всю свою жизнь. Женщина, так часто сжигавшая за собой мосты, способная в одночасье возненавидеть все, что она совсем недавно любила, никогда не упускала случая заявить во всеуслышание о том, чем она была обязана испанской певице, а портрет Эльвиры де Идальго будет занимать почетное место на стенах всех квартир Каллас.

Итак, Мария с легким сердцем согласилась на каторжные работы, к которым ее приговорила новая преподавательница. Вот что она впоследствии поведала нам: «Я была как атлет, стремившийся развить свою мускулатуру и находивший особое удовольствие в изнурительных тренировках, как бегущий ребенок, с радостью ощущавший прилив сил, как разучивавшая танец молодая девушка, получавшая удовольствие от того, что

танцует. Я пропадала на занятиях с утра до вечера. Мы начинали в 10 часов утра; затем следовал небольшой перерыв на обед, во время которого чаще всего приходилось ограничиваться одним бутербродом, после чего мы продолжали занятия до 8 вечера. Вернуться домой просто так от нечего делать было немыслимым для меня».

Это признание означает одно: Мария сознавала, что с каждым днем ей все труднее и труднее найти общий язык с матерью, и в итоге это привело к полному отсутствию взаимопонимания между ними. Евангелия не могла не чувствовать, как отдаляется от нее Мария, но не чинила ей никаких препятствий, поскольку понимала, что будущий успех дочери зависит от занятий с Эльвирой де Идальго. Впрочем, если бы она и выступила против, то это ни к чему бы не привело: Мария была буквально покорена своей преподавательницей; благодаря ей она не только удовлетворяла свою жажду знаний, но и потребность в любви, в чем отказывала ей Евангелия. Эльвира де Идальго не только выковывала, по ее выражению, голос Марии, но ставила перед собой задачу сформировать ее как личность, и в то же время она пыталась изменить в лучшую сторону внешний вид девушки.

За два года занятий со знаменитой испанкой из прыщавого угловатого подростка, стеснявшегося своей близорукости и робости, Мария превратилась в довольно миловидную девушку. Произошедшая перемена придала ей больше уверенности в себе. Конечно, она нисколько не похудела и не стала ниже ростом; и если вместо обеда она часто довольствовалась одним бутербродом, то вечером с лихвой наверстывала упущенное. Ее карманы были по-прежнему набиты сладостями. Однако благодаря советам Эльвиры де Идальго она теперь знала, как могла пристойно выглядеть девушка с такой нестандартной фигурой. Испанка научила ее одеваться со вкусом и грациозно передвигаться на сцене. Мария обрела женственность одновременно с вокальным мастерством. В самом деле, в области пения уроки Эльвиры де Идальго принесли свои плоды, что позволило Марии в будущем стать великой Каллас.

Мария Каллас, безусловно, являлась, что называется, природным вокальным феноменом; регистр ее голоса от колоратурного до драматического сопрано и даже, если того требовала роль, до меццо-сопрано позволял исполнять весь лирический репертуар. Как впоследствии написал Оливье Мерлен: «Каллас обладает трехоктавным диапазоном голоса: высоким, средним и нижним, образуя тремоло». Можно представить, какие неограниченные возможности открывались перед обладательницей подобного голоса. Однако, как заметил

Жан-Пьер Реми в своей замечательной работе, посвященной певице, «в то же время в ее технике пения были и изъяны: некоторая шероховатость звуков, недостаточный контроль над их объемом, короче говоря, слишком мощное вокальное звучание. Она пела так, словно обладала тремя голосами одновременно. Проблема заключалась в том, что между каждым из этих голосов от высокого к среднему, от среднего к низкому были разрывы и трещины, что представляло опасность при переходе из одной октавы в другую…».

Вот на эти «разрывы и трещины» и будут указывать злопыхатели, когда в конце своей карьеры на Марию сваливалась свинцовая усталость, и у нее не оставалось сил, чтобы справляться с погрешностями в технике исполнения.

И Эльвира де Идальго прилагала все усилия для того, чтобы устранить недостатки в пении своей ученицы и успешно развить ее исключительные природные вокальные данные. Она не спешила открыть ей все премудрости бельканто — техники, пережившей свой расцвет в XIX веке, но к тому времени вышедшей из употребления по причине своей сложности, — и начала с освоения легких партий и, что самое главное, используя врожденный талант Марии. Испанка справедливо полагала, что ее ученице были по силам самые сложные вокальные партии и ее задача как преподавателя состояла в том, чтобы постепенно подготовить Марию к их исполнению. Во время обучения Каллас добилась таких высоких результатов, о которых другая певица не могла и мечтать. Научившись полностью управлять своим голосом, Мария сумела сделать из него такой же послушный ее воле инструмент, как скрипка в руках виртуоза. Вот почему Эльвира де Идальго пользовалась таким большим уважением со стороны своей поистине приемной дочери, кем по существу и стала для нее Мария. По мере того как девушка все больше и больше по-дочернему привязывалась к Эльвире де Идальго, она, естественно, все больше и больше отдалялась от своей настоящей матери. К этому моменту она так же разочаровалась и в Джекки, упрекая ее в том, что та была всегда любимицей в семье. Речь не шла еще о полном разрыве с близкими ей людьми. Однако в отношениях Марии с матерью и сестрой возникла заметная трещина. И тогда, чтобы компенсировать семейные неурядицы — в любом случае, Мария искренне полагала, что ей не повезло с семьей, — она с неистовым упорством осваивала партии Нормы, Лючии, Джоконды, чтобы в скором будущем блистательно воплотить их на сцене. И в самом деле, эти знаменитые героини покорили сердце Марии с первого знакомства с ними. Ее воображение потрясла не только их трагическая судьба, но и

исключительный характер. Врожденное чутье подсказывало ей, что совсем скоро она сможет вдохнуть новую жизнь в исполнение этих ролей, в то же время каждая из них будет отдушиной для романтических чувств, которыми была до краев наполнена ее душа.

Благодаря небольшой роли в «Боккаччо», опере-буфф Франца фон Зуппе, известного публике как автор другого произведения, «Кавалерия Рустикана», Мария сделала первые робкие шаги на профессиональной сцене.

Первые аплодисменты в жизни Марии совпали по времени с трагедийными звуками войны, докатившейся до границ Греции. Мужественно отвергнув ультиматум Муссолини, крошечная героическая армия эллинов вошла в Албанию, порабощенную Италией год назад. Вот почему в тот ноябрь 1940 года в Афинах царила атмосфера патриотической эйфории. Однако внешние события, какими бы будоражащими они ни были, оказались неспособными повлиять на эмоциональное состояние Марии. Все свои чувства и переживания она собирала в копилку, чтобы открыть ее на оперной сцене. И даже в случае, если речь, повторим, шла о негромком успехе в пока совсем незначительной роли, Мария знала, что своим, пусть и малым еще успехом она была обязана только Эльвире де Идальго, ее материнской заботе и пониманию… Испанка все больше и больше заменяла Евангелию в жизни девушки. Впоследствии Евангелия пожаловалась: «Для поддержания голоса Марии был необходим некоторый излишек веса. Певицы редко имеют фигуру манекенщицы. Она начала упрекать меня в том, что была толстой по моей вине, что едой она компенсировала отсутствие внимания с моей стороны. Это не могло не повлиять на ее отношение ко мне. В нашем доме то и дело вспыхивали ссоры по самому ничтожному поводу и даже без повода, когда она в гневе осыпала меня несправедливыми упреками».

Нет ничего удивительного в том, что Евангелия была огорчена: она видела, как из ее рук уплывало богатство, в которое она вложила столько средств. Но для нас, восторженных зрителей артистки, интересен прежде всего результат. Помимо прочих советов, необходимых для становления певицы, Эльвира де Идальго подсказывала своей подопечной, с чего следовало начинать разучивание каждой новой роли и как вживаться в образ своего персонажа. На протяжении всей своей карьеры Каллас не изменила этому методу: у женщины, в которую ей надо было перевоплотиться на сцене, она прежде всего перенимала жесты, манеру держаться, ходить, носить одежду; она знакомилась со своими героинями в контексте эпохи, среды и стиля оперного

произведения, затем она переходила к изучению их внешности, выражения лица, взгляда. И когда ей наконец удавалось разгадать образ мыслей своих героинь, жить их жизнью, «влезть в их шкуру», она приступала к изучению партитуры. Однажды Жак Буржуа спросил Марию, хотела бы она полностью слиться со своим персонажем или же, напротив, предпочитала, чтобы ее героиня приспосабливалась к ней, Каллас четко сформулировала в ответ свою точку зрения на театральное искусство: «Я задаю себе простой вопрос, какой женщиной была бы та, которую я должна воплотить на сцене, если бы она была мною».

И, комментируя этот ответ, Жак Буржуа добавил: «Она чутьем угадывала, какой должна была быть ее героиня и что надо сделать для того, чтобы она обрела на сцене кровь и плоть».

Мария подтвердила этот природный дар с первых же шагов на театральных подмостках, поскольку вот-вот должна была выйти на арену, то есть на сцену Афинской оперы, и на этот раз уже не во второстепенной, а в главной роли — исполнить партию Тоски, и это будет грандиозная, патетическая, незабываемая Тоска. Марии еще не было и восемнадцати лет, когда она впервые перевоплотилась в эту героиню, и природная интуиция пришла ей на помощь, поскольку она еще не набрала профессионального опыта. В сорок с лишним лет она в последний раз споет в этой опере, и ее голос будет уже не столь богат оттенками и красками, чем он славился. Но в то время Мария изобразила такую неистовую страсть, предалась такому глубокому отчаянию, что напрашивался вопрос: как можно было игрой достигнуть подобной убедительности, заставить публику поверить в достоверность происходившего на сцене? Как потрясенный зритель на одном из последних представлений произведения Пуччини в 1965 году с Каллас в Париже, я мог представить, какой восторг у афинских любителей оперы в 1941 году вызвала эта юная исполнительница, так верно передававшая чувства, о которых сама не имела еще никакого представления.

Впрочем, все произошло неожиданно — это был тот самый счастливый случай, выпадающий только тем, кто обладает истинным талантом — по крайней мере в июле 1941 года именно случай помог ей начать восхождение к вершине славы. Заболела исполнительница главной роли, и Эльвира де Идальго предложила свою ученицу… Испанка слов на ветер не бросала! И если она с таким энтузиазмом говорила о какой-то Марии Калогеропулос, возможно, в самом деле, речь шла о редком даровании. Так Мария начала петь на сцене Афинского оперного театра.

Можно не сомневаться в том, что ее успех далеко не всем

пришелся по вкусу. Певица по имени Флери, которую заменила Мария, была отнюдь не в восторге от появления новой исполнительницы этой роли, которая сорвала аплодисменты, по праву принадлежавшие ей. Муж этой женщины стоял во время спектакля за кулисами; он не стеснялся отпускать критические замечания в адрес Марии, что дало ей повод продемонстрировать свой горячий темперамент в жизни, а не только на сцене. Между девушкой и язвительным супругом примадонны завязалась потасовка. В результате у вновь испеченной актрисы налился под глазом синяк, а у ее противника было в кровь расцарапано лицо. В другой раз она запустила табурет в машиниста сцены, неосторожно высказавшегося о ее внешности… Все эти инциденты свидетельствовали о том, что девушка была скора на расправу и умела постоять за себя, что было совсем не свойственно новичкам…

Между тем в Греции разворачивались драматические события. Итальянцы, похоже, топтались на месте, и Гитлер решил покончить с такой расстановкой сил в этой стороне Европы, прежде чем приступить к завоеванию России. Теснимая со всех сторон героическая армия эллинов не могла противостоять численному превосходству врага и, несмотря на спешно высланный англичанами небольшой контингент войск, сдалась на милость победителя. И вот немцы уже хозяйничали не только в Афинах, но и по всей стране вместе со своими союзниками — итальянцами, которым они милостиво разрешили совместными усилиями оккупировать Грецию: личный подарок Адольфа Гитлера своему другу Бенито Муссолини.

Как чувствовали себя женщины семейства Калогеропулос во время оккупации их родины и как терпели они гнет запретов и лишений? Подобно жителям многих оккупированных стран в этот сумрачный отрезок истории первые заботы Евангелии и ее дочерей, похоже, были связаны с продуктами. В главах воспоминаний, посвященных этому периоду, Евангелия с некоторым простодушием рассказала нам, что предпринимали вместе с ней ее дочери, чтобы раздобыть себе еду, недостаток которой больше других ощущала Мария. Мать и дочери не сошлись характером с родней и уже давно покинули семейное гнездо Димитриадисов и жили на улице Патиссон, 61, в просторной квартире, которая не нравилась Марии из-за того, что располагалась в современном, лишенном индивидуальности доме. Именно здесь они провели все годы оккупации, а вокруг них разворачивались поистине трагические события, обошедшие Марию стороной.

После войны госпожа Калогеропулос, разумеется, заявила,

что она принимала активное участие в Сопротивлении; собственно, кто в послевоенной Европе не заявлял о своем вкладе в победу? Если верить всем, спешившим объявить миру о своих героических подвигах, то что могли бы противопоставить нацистские полчища этим миллионам восставших против них людей?!

Почему бы и дамам Калогеропулос не подключиться к этому хору храбрецов? Евангелия сообщила в воспоминаниях, как в конце лета 1941 года к ним на улицу Патиссон явился греческий летчик из знакомой семьи. Он пришел не один, а с двумя английскими офицерами, только что сбежавшими из тюрьмы; не раздумывая, она предоставила им убежище в своей квартире. Оставим на совести мемуаристки рассказ о ее «подвигах»: «Мария и Джекки радовались их присутствию в доме, поскольку молодые люди были не дурны собой. Один из них, лейтенант Джон Аткинсон, отличался веселым нравом и мужественностью. Я относилась к нему, как к родному сыну; он называл меня мамой. Мы спрятали молодых людей в кладовке. Ни одна живая душа не знала о них, мы не говорили ничего даже Милтону, жениху Джекки. Однажды он услышал приглушенные звуки радио, включенного молодыми людьми; когда он спросил нас, нет ли кого в кладовке, Мария рассмеялась и, сев за пианино, запела «Тоску»… С тех пор, каждый раз, когда к нам приходил Милтон, Мария принималась петь…»

Вскоре и Мария внесла свой вокальный вклад в движение Сопротивления. После нескольких недель проживания в квартире трех женщин два английских летчика покинули гостеприимный дом; однако уже на следующий день в их дверь постучали другие военные; на этот раз не союзники, а итальянцы пожаловали к ним с обыском. Евангелию кто-то выдал оккупационным властям. Предоставим ей слово: «Нас спасла Мария. Она бросилась к пианино и запела «Тоску». Никогда еще я не слышала, чтобы Мария пела так, как пела в тот день. Итальянцы, заслушавшись, уселись на полу вокруг пианино и ушли только после того, как она закончила петь. На следующий день они пришли к нам снова, но вовсе не за тем, чтобы арестовать нас. Они принесли продукты для Марии: хлеб, ветчину, макароны. Они вывалили всю еду на пианино, словно приношение богине, и она опять пела для них».

Ее рассказ трогает душу и свидетельствует о том, что бельканто и макароны способны хорошо уживаться рядом; все зависит от обстоятельств. Впрочем, вокальные способности Марии еще не раз спасали их семью от голода. Как известно, итальянцы страстно любят оперное искусство; и вот некий полковник Марио Бональти, в свою очередь, выразил восхищение

пением в форме макаронных изделий и пармской ветчины и оказывал покровительство маленькому женскому коллективу вплоть до того момента, когда Италия изменила свои приоритеты и переметнулась в другой лагерь. Несчастного арестовали бывшие союзники и бросили в концентрационный лагерь.

Раз мы затронули тему отношения Марии Каллас к оккупантам, почему бы не внести полную ясность в этот щекотливый вопрос? После освобождения страны певицу упрекали за то, что она выступала перед аудиторией, состоявшей в основном из врагов ее родины; под этим предлогом дирекция Афинского оперного театра отказала ей в продлении контракта. Что же было на самом деле? Мария никогда не скрывала, что часто выступала в спектаклях, организованных итальянскими и немецкими военными властями; дважды она ездила в Салоники по просьбе оккупантов; и всякий раз она меняла духовную пищу, которой она потчевала солдат вражеской армии, на вполне земную еду. Как видим, «коллаборационизм» Марии объяснялся ее страхом голода. Так, 22 апреля 1944 года на сцене оперного театра она поет главную партию в немецкой опере «Долина» ученика Листа — Эжена д'Альбера, конечно же для немецких военных. Ее исполнение было настолько впечатляющим, что публика устроила ей оглушительные овации, эхо которых донеслось до самой Германии; в двух или трех местных газетах появились самые лестные отзывы о певице. В тот памятный вечер один немецкий офицер, узнав, что Евангелия приходилась матерью главной героине, попросил разрешения поцеловать ее, но мать Каллас с достоинством отказала ему: и в Греции, порой, вспоминали в то время о картинах Страшного суда.

Еще один эпизод в творческой жизни певицы, поставленный ей в упрек, произошел все в том же 1944 году. Мария согласилась исполнить «Stabat Mater» во время церковной службы для немецких военных. Евангелия, похоже, не без злого умысла рассказала нам такой случай: «Молодой и обходительный немецкий офицер, услышав пение Марии, прислал ей цветы; затем он пришел к нам домой. Молодому человеку было всего двадцать четыре года и звали его Оскар Ботман… Веселый парень пришелся всем нам по душе. В свою очередь, он был очарован Марией. Вспоминала ли когда-нибудь Мария своего восторженного ухажера? Мне порой кажется, что она до сих пор помнит его».

Как видим, в своих симпатиях мать певицы сохраняла полный нейтралитет, не делая различия между английскими и немецкими офицерами.

Если допустить, что все так и было на самом деле, можно

задаться вопросом: заслуживают ли эти люди осуждения? Этот вопрос возник на следующий же день после освобождения. За редким исключением, большая часть служителей Мельпомены, не поддерживая захватчиков, все же не отказывалась выступать в залах, битком набитых оккупантами; они вовсе не считали, что их выход на сцену расценивался, как поддержка новому режиму. Вот именно в этом-то их и следовало упрекнуть. Однако верно и то, что большинство артистов искренне желали разгрома гитлеровской армии и освобождения родины, несмотря на более чем скромный вклад в дело победы над врагом.

И, чтобы больше не возвращаться к этому вопросу, по всей видимости, Каллас владело стадное чувство: не примкнув ни к коллаборационистам, ни к героям Сопротивления, она выбрала роль пассивного зрителя, в ожидании того момента, когда враги «уберутся восвояси». Такую позицию заняли почти все народы Европы, в их числе оказалась и Мария Каллас. Дамы Калогеропулос с распростертыми объятиями встретили войска союзников, прибывших освободить их родину. Впрочем, как все другие европейцы…

Приспосабливаясь к послевоенным условиям жизни, Мария продолжила свою артистическую карьеру, которая, похоже, набирала обороты. Вот уже у нее был подписан контракт с Афинской оперой с месячным жалованьем в 1300 драхм. Конечно, ничтожная сумма, но это уже был первый шаг на пути к большим деньгам, и она была вполне достаточна для того, чтобы сердце матери наполнилось гордостью и надеждой. Кроме того, это было значительным подспорьем для трех нуждавшихся в деньгах женщин. Свой вклад в поддержание финансового положения семьи вносил и Милтон, многолетний жених Джекки. Работа с Эльвирой де Идальго, разучивание ведущих ролей из репертуара театра, участие в оперных спектаклях оттеснили повседневные заботы на второй план. Мария, вынужденная в силу сложившихся обстоятельств, умерить свой аппетит, похудела, и ее внешность значительно изменилась по сравнению с той, какой она была всего несколько лет назад. К двадцати годам Мария стала довольно миловидной девушкой с глубоким взглядом близоруких глаз, густой черной копной волос, а мелодичный голос придавал ей обаяние женщин Востока. Однако ее взрывной характер отнюдь не претерпел изменений, по крайней мере, если верить словам матери; когда Мария вместе с матерью отправлялась на афинский рынок, она отказывалась стоять в очередях и расталкивала всех, кто находился впереди, чтобы первой подойти к прилавку. Когда одна домохозяйка рискнула призвать девушку к порядку, Мария тут же поставила ее на место, разразившись

такой отборной бранью, которая отнюдь не украшала будущую светскую даму. Хорошо еще, что она не дала волю рукам!..

Нам следует с осторожностью относиться к откровениям матери, однако другие свидетели заставили нас поверить, что в словах Евангелии была доля правды. Строптивую необузданность ее дочери могла бы укротить только любовь к мужчине. Однако в сердце Марии не было места для любви… И тем не менее ее новая внешность, недавно свалившаяся на нее известность создавали предпосылки для того, чтобы девушкой начали интересоваться мужчины, но она, похоже, не придавала этому значения. Итальянский полковник Бональти был не прочь поухаживать за ней, но я искренне верю, что он не имел никакого успеха.

Приходится только гадать, почему столь юное создание, нуждавшееся, по ее собственному признанию, в любви, отказывалось удовлетворить столь естественную в ее возрасте потребность? Тут мы касаемся еще одной сердечной тайны, которую Каллас хранила за семью печатями. Она так и не открыла ее. Нам остается лишь строить гипотезы. Однако любые догадки относительно этой выдающейся певицы имеют право на жизнь, поскольку позволяют лучше узнать ее как личность: в двадцать лет, как и всю последующую жизнь, Мария, подобно всякой девушке, ждала прекрасного принца. Однако в отличие от других Мария предъявляла к своему избраннику повышенные требования. Какой-нибудь завалящий принц ей был вовсе не нужен. Много лет спустя она решила, что в лице Аристотеля Онассиса она нашла наконец принца своей мечты. Нам уже известно, к чему привела эта роковая ошибка. Двадцатилетняя Мария не могла влюбиться к тому же еще по одной причине: несмотря на свой изменившийся облик, она по-прежнему ощущала себя в глубине души неуклюжей долговязой девицей, грызущей ногти и безуспешно пытавшейся скрыть выступавшие на лице подростковые прыщи. К двадцати годам ей так и не удалось избавиться от этого комплекса. Она будет недовольна своей внешностью и тогда, когда восторженные толпы поклонников во всех концах земли принялись во весь голос превозносить ее красоту и в глазах многих мужчин она увидела тому подтверждение… Наконец, возможно, она пренебрегала вниманием сильного пола еще и потому, что оставляла в театре все свои силы и эмоции по мере того, как вживалась в образ своего персонажа, чье душевное состояние должна была воспроизвести на сцене. Когда чувствуешь себя Тоской, Джокондой или Лючией ди Ламмермур, то не сможешь ответить на ухаживания уличного музыканта, играющего на бузуки в

квартале Плака! Со временем Мария настолько слилась со своими персонажами, что перестала отличать реальную жизнь от вымышленной. Когда же она захотела вернуться к действительности, то было уже слишком поздно.

Однако не будем торопить события. Мария с каждым днем все больше и больше сил отдавала искусству, и это вскоре стало приносить плоды. В то лето 1944 года, когда на фронтах Европы кардинально изменилась расстановка сил и предчувствием скорой победы была пропитана атмосфера, она впервые исполнила главную роль в «Фиделио», единственной опере, написанной Бетховеном.

В декорациях величественного античного амфитеатра эта двадцатилетняя девушка слилась со своей героиней; она не играла Леонору, она была Леонорой. Публика, пришедшая послушать эту немецкую оперу, конечно же состояла преимущественно из немцев. Эти вояки доживали последние дни своих побед и вот-вот должны были познать горечь поражения и все связанные с ним унижения и лишения. О скором крахе немцев возвещала Мария посредством своей героини, освободившей своего супруга от оков тирании. Она бросала в лицо оккупантов страстный призыв к свободе… Ее пение настолько впечатлило публику, что по окончании спектакля весь зал аплодировал ей стоя. Под магическим воздействием музыки и вокальной интерпретации образа героини угнетатели и угнетенные смешались в общем восторженном порыве; это был первый триумф Каллас, каких, как мы знаем, впереди ее ждало великое множество.

Этот новый успех Марии и бойцовские качества ее характера вызывали волну зависти. Между певицей и ее товарищами по сцене — это расхожее выражение, не надо понимать его буквально — все больше расширялась пропасть, однако она, кажется, не придавала этому значения. «Эти люди наводят на меня тоску, — говорила она матери, — и я нисколько не боюсь их».

Не было ли это началом печально известной в театральных кругах «звездной болезни»? Нет, она вовсе не ставила себя выше других, а ее порой шокировавшее окружающих поведение можно было объяснить тем, что она понимала свое особое предназначение. Она словно предчувствовала, какую роль суждено ей сыграть в эволюции оперного искусства. Вот почему она отвергала все, что могло отвлечь от достижения поставленной цели или стать препятствием на ее пути. Впрочем, «звездная болезнь» ей будет несвойственна и в будущем. Резкие перепады настроения, вспышки гнева и раздражительность на

гребне славы были вызваны отнюдь не манией величия, а, напротив, свидетельствовали о терзавшей ее постоянно неуверенности, что со временем превратилось в навязчивую идею.

Как бы там ни было, Мария не имела в то время возможности заняться восстановлением своего душевного равновесия. Если дамы Калогеропулос сравнительно безболезненно пережили период вражеской оккупации, вскоре на их долю выпали страдания, без которых они предпочли бы обойтись. Однако вначале все складывалось для них как нельзя лучше: немцы наконец разбиты, Греция дышала воздухом свободы. Солдаты союзников прибывали с карманами, набитыми столь любимыми Марией лакомствами. Мария благодарила вновь прибывших своим пением. Она пела с таким же радостным подъемом, как несколько месяцев раньше пела для итальянцев. Короче, на улице Патиссон был праздник…

Но недолго музыка играла. Когда американцы и русские делили в Ялте зоны влияния, они договорились, что Греция останется в западном секторе. Однако, как известно, у Сталина были далеко идущие планы по захвату территорий. Он вынашивал их, когда еще вступал в сговор с Гитлером. Получив Гитлера в качестве противника, Сталин ничуть не умерил свои аппетиты. Он решил наверстать упущенное и направил на захват власти своих коммунистических вольных стрелков. Так, Греция после мук оккупации познала ужасы гражданской войны. 3 декабря 1944 года в исключительно холодную погоду — Мария надолго запомнила этот день, когда ей исполнился двадцать один год, — греческие коммунисты предприняли попытку военного переворота. Довольно быстро они захватили ключевые позиции в столице и потребовали отречения короля от престола. Королевские и английские подразделения сосредоточились в центре Афин вокруг крупных гостиниц и посольства Великобритании, откуда могли контролировать обстановку в городе. И тем не менее произошла нешуточная стрельба. К несчастью, дом на улице Патиссон оказался, что называется, на линии пересечения огня. Если Джекки повезло — ее жених Милтон, будто предвидев подобный поворот событий, переселился вместе с ней в гостиницу «Отель де Парк», находившуюся под надежной защитой греческих и британских войск, то Мария с матерью целых три недели жили без света, отопления и воды. Женщины оказались на грани нервного срыва, поскольку были оглушены не прекращавшейся стрельбой, к тому же из еды у них осталось только несколько банок консервированной фасоли. Можно представить, как такая еда пришлась по вкусу Марии. Кроме того, сцены кровопролитных

боев вряд ли радовали взгляд девушки, имевшей двадцать один год от роду. Несмотря на то, что Мария была отнюдь не робкого десятка, но когда однажды вечером увидела труп молодого английского солдата, долго не могла прийти в себя от страха. Со своей стороны, Евангелия, отличавшаяся, как мы успели заметить, в своих воспоминаниях особой эмоциональностью, рассказала нам, что трое мужчин были убиты на ее глазах на крыше соседнего здания. Как всегда она описывала события на грани правды и вымысла. Так, она повествовала, как однажды ночью к ней в дом явился один человек и попросил убежища: речь шла ни больше ни меньше, как о министре внутренних дел греческого правительства генерале Дурентисе, которого коммуниста хотели уничтожить.

Если верить откровениям Евангелии, то они вместе с Марией с угрозой для жизни приютили бедолагу генерала и даже поделились с ним остатками консервированной фасоли. Несмотря на подобную жертву с их стороны, гость остался недоволен и Мария, невзирая на его погоны, тут же поставила его на место.

К радости матери и дочери, генерал-министр покинул их гостеприимный дом несколько дней спустя. И сами они вот-вот должны были быть спасены. Однажды утром какой-то мальчик принес им билет: один английский офицер, любитель бельканто и большой поклонник Марии, пригласил ее вместе с матерью перебраться в британский сектор. Несмотря на то, что хождение по афинским улицам было весьма рискованным предприятием, Мария решила выйти из дома и пойти вслед за общительным мальчуганом. Два дня спустя Евангелия присоединилась к ней в посольстве Великобритании. Именно здесь они встретили Новый год. Здесь же Мария застала приезд энергичного улыбчивого господина преклонных лет в офицерской форме британской армии, курившего легендарную сигару: самого Уинстона Черчилля, который прибыл в Афины для того, чтобы на месте оценить масштабы понесенных потерь. Совершенно ясно, что юная Мария вряд ли могла предположить, что через каких-то пятнадцать лет, уже будучи великой Каллас, во время круиза на роскошной яхте Онассиса она вновь встретится все с тем же Уинстоном Черчиллем в тот момент, когда будет переживать еще более «исторический» момент своей биографии, чем спасение ее родины от коммунистической диктатуры…

После нескольких недель кровопролитных боев греческие правительственные войска при поддержке английской армии одержали победу над коммунистическими повстанцами, и страна наконец смогла вздохнуть полной грудью. Для Марии, напротив,

наступили не самые лучшие дни. Как мы уже знаем, дирекция Королевского оперного театра, ссылаясь на ее выступления перед оккупантами, не пожелала оставить ее в труппе. Однако истинной причиной такого решения театральной администрации была удивительная способность Марии настраивать против себя коллег по сцене.

Как бы там ни было, но она оказалась в положении витязя на распутье. Какую из дорог выбрать, чтобы поскорее подняться на следующую ступеньку лестницы, ведущей к славе? Эльвира де Идальго часто повторяла, что земля Италии, словно созданная для вокального искусства, будет для нее тем идеальным полем, где в будущем она сможет пожать самые обильные плоды своего таланта. Однако судьба распорядится по-своему. Выйдет так, что живший в Америке Георгиос Каллас — почти забытый отец — вдруг напомнит о себе. За океаном богатство — именно так, по его словам, случилось и с ним — могло на следующий день обернуться банкротством и наоборот: Георгиосу вновь удалось купить аптеку. Он выслал семье 100 долларов с пожеланием, чтобы его младшая дочь приехала к нему. В то же время посольство Соединенных Штатов уведомило Марию о том, что она рискует утратить американское подданство — не будем забывать, что она родилась в Нью-Йорке — в случае, если она не проведет какое-то время на своей родине. Девушка не стала сопротивляться столь необыкновенному совпадению. Кроме того, она была не прочь уехать подальше от Евангелии, чей постоянный контроль становился для нее все более и более тягостным. В конце концов, ее охватило внезапное желание увидеть своего родителя, которого она едва знала. Как нам уже известно, если она чего-либо хотела, никакая сила не могла заставить ее отказаться от своего желания… И вот было решено, что она едет в Нью-Йорк. Попутно с этим она впервые поступила наперекор воле Эльвиры де Идальго, поскольку та не отступала от своей идеи отправить ее в Италию.

В августе 1945 года Мария, заработав напоследок необходимые для поездки деньги, уложила чемоданы. Мэр Пирея дал в ее честь прощальный обед, на который она отказалась пригласить мать и сестру, словно отрезала пуповину… Вот почему на пристани порта Пирей Эльвира де Идальго в полном одиночестве провожала глазами отплывавший небольшой океанский теплоход «Стокгольм», увозивший Марию и ее мечты…

Глава 4
Певица и ее избыточный вес

На борту корабля, направлявшегося в Новый Свет, мысли Марии в основном были заняты размышлениями об отце. Для нее он был почти мифическим персонажем. Существовавший между родителями разлад по сути лишил ее возможности делить свою привязанность между матерью и отцом, что бывает у большинства детей. Ей мало что было известно об этом далеком родителе. Представление о нем она имела только со слов матери. Евангелия постаралась нарисовать дочери самый нелестный и весьма искаженный портрет отца. В действительности Георгиос Каллас — так отныне мы будем его называть, поскольку вот уже двадцать лет, как он носил эту фамилию, — вовсе не был таким чудовищем, как его обрисовала супруга. Конечно, он был далеко не ангел и ему были свойственны многие недостатки. Полностью лишенный честолюбия, он не хватал звезд с неба; в народе про таких говорят: «Добрый малый», что совсем не устраивало мечтавшую о славе и почете Евангелию. Однако Мария, давая волю своему воображению, хотела поскорее узнать своего отца и изо всех сил приукрашивала портрет этого вполне заурядного мужчины. Совсем недавно она ничего не хотела знать о нем, теперь же с нетерпением ждала встречи с ним. В этом была вся Мария: без особой причины она могла внезапно увлечься человеком, а затем легко отвернуться от него.

За несколько дней до отъезда она еще сомневалась, так ли хочется ей увидеть этого столь недостойного, по словам матери, родителя. Теперь же она считала дни до встречи с ним. Была еще и другая причина, по которой ей хотелось поскорее воссоединиться с отцом: антагонизм на уровне подсознания по отношению к собственной матери значительно усилился за последние два или три года. Когда Мария окончательно сожгла все мосты между собой и членами ее семьи, семейство Каллас можно было с уверенностью сравнить с их знаменитыми соотечественниками — артридами…

Во время путешествия через океан Мария не могла не думать еще об одной своей проблеме: избыточном весе. Ограничения, связанные с войной, повлияли на объем ее талии самым благоприятным образом. Эйфория освобождения с притоком восточных сладостей и американских конфет имела для ее фигуры печальные последствия. Впрочем, существуют противоположные высказывания о том, как она выглядела в то

время. Евангелия приписывала ей 110 килограммов; Менегини, ее будущий муж, не намного расходился с ней в подсчетах, поскольку позднее заявил журналистам — если только его слова не исказили газетчики, — что когда он встретил Марию, она весила 105 килограммов. Этот вес, впрочем, указывается чаще всего. Когда Каллас задавали вопрос на эту щекотливую тему, она всегда отказывалась отвечать. Из чего можно заключить, что она без особого удовольствия вспоминала о том, как выглядела в те времена. После многих сопоставлений можно с уверенностью сказать, что приписываемые ей 105 килограммов были некоторым преувеличением; Мария весила в то время всего 95 килограммов. Это свидетельствует только о том, что двадцатидвухлетняя девушка отнюдь не страдала худосочием. До сей поры она не сильно расстраивалась из-за своих пышных форм. Когда в Афинской опере она слышала колкости в свой адрес, то немедленно отвечала тем же. И все же никакие насмешливые замечания не могли умерить ее аппетит.

По мере того как она приближалась к берегам Америки, в ее душу закрадывалось некоторое беспокойство. В глянцевых журналах она видела немало голливудских кинозвезд, и теперь ее мучил вопрос, не станет ли ее полнота препятствием при поиске ангажемента. Однако эти заботы не мешали девушке объедаться в свое удовольствие на борту «Стокгольма».

И вот эта юная особа «в полной форме» — в прямом и переносном смысле — высадилась на берег в Нью-Йорке и попала в объятия шестидесятилетнего немного уставшего от жизни мужчины, изо всех сил старавшегося выглядеть бодрячком, своего отца Георгиоса Калласа. Увы, действительность не совсем соответствовала тому, что Мария представляла себе в мечтах: в отличие от того, что можно было ожидать, если судить по письмам Георгиоса, он не был владельцем аптеки, а работал там в скромной должности начальника отдела. Он жил в тесной квартирке на 157-й улице, а комната, которую он предоставил Марии, оставляла желать лучшего. В приподнятом настроении из-за того, что так кардинально она поменяла свою жизнь, Мария не обращала внимания на несоответствия. Не будем забывать, что Мария прибыла из страны, где бедность встречалась на каждом шагу, а в результате войны стала почти вопиющей. Как могла не восхититься молодая эмигрантка сверкавшим тысячами огней Нью-Йорком с его гигантскими небоскребами, с его роскошными магазинами на 5-й авеню? Конечно, Америка не была ей в диковинку, поскольку она здесь родилась, но ее увезли отсюда еще ребенком. И главное, после всех тяжких испытаний, выпавших на долю ее страны, не знавшая бед Америка на фоне

обескровленной Европы, тщетно пытавшейся возродиться, казалась девушке такой ликующей, живой и праздничной! В глазах Марии огни Нью-Йорка светились еще ярче, небоскребы увеличивались в размерах, а магазины на 5-й авеню выглядели еще шикарнее. Мария посчитала сказкой полученную возможность хотя бы одним глазком посмотреть на все эти сокровища; она была счастлива, ее не охватывали тайные мысли и сомнения; такое состояние души было совсем не свойственно Марии и не могло оставаться незамеченным.

Кроме того, там был еще один человек, способный скрасить тяготы ее повседневной жизни, — старый верный друг доктор Лонтцаунис, крестный отец, к которому в случае необходимости всегда можно было обратиться за помощью. Помимо того, как практикующий врач он пользовался доброй репутацией, что в Соединенных Штатах немедленно отражалось на банковском счете того, кто заслужил это. Доктор надумал жениться на Анне-Салли, своей медицинской сестре, много младше его по возрасту, то есть почти ровеснице Марии.

Эта девушка составляла Марии компанию в ее первые недели на американской земле. Они совершали длительные прогулки между 5-й авеню, Мэдисон-авеню и Центральным парком. Казалось, что такая беззаботная жизнь пришлась по вкусу Марии. Еще немного и уже можно будет поверить, что она забыла пение, свои амбиции и истинную причину своего приезда в Америку. И здесь мы ошибаемся. Мария не любила затянувшихся антрактов. Она прибыла в Америку потому, что в Афинах ей ничего не светило. Завоевать королевскую корону она могла лишь на самых престижных в мире театральных сценах. Новый Свет открывал перед исполнителем необозримые просторы для творчества и сулил сказочные перспективы. Итак, Мария высадилась на землю своей родины с огромным багажом иллюзий.

Очень скоро ее постигло разочарование. Америка — горн, где плавятся таланты, прибывающие со всех концов света, — не ждала Марию и не замедлила дать ей об этом знать. Импресарио, директора, театральные агенты нисколько не заинтересовались новой кандидатурой на олимп. Остается только гадать: произвели ли на них негативное впечатление внушительные формы молодой певицы? Стучать во все двери — тяжелое испытание для всех дебютантов, в особенности когда эти двери захлопываются перед самым их носом. Тут любой бы испугался… Любой другой, но только не Мария! Она знала, за что боролась; она видела свет в конце туннеля, даже если этот туннель казался бесконечным. И все же ее не обошли стороной ни унижения, ни разочарования. И самую жестокую обиду нанес ей один из ее соотечественников. В

Афинах Никола Москона, довольно известный певец, рассылался перед ней в любезностях. Узнав, что он находится в Нью-Йорке, окрыленная Мария попросила его о встрече. И тут ему представился случай открыть свое истинное лицо. Никола Москона прятался от нее, не подходил к телефону; однако если Мария принимала какое-либо решение, то ее не могли остановить никакие препятствия.

После нескольких недель упорной «осады» она добилась своего. Что же она ждала от Николы Москоны? Всего лишь чтобы он замолвил о ней слово перед Артуро Тосканини, под чьим руководством Никола спел не одну оперную партию! Однако в планы певца вовсе не входило ходатайствовать за кого бы то ни было перед «папой» вокального искусства; он категорически отказался и в ответ услышал:

— Никогда в жизни я не заговорю с вами!

Впрочем, по прошествии нескольких лет она нарушит свою клятву в Мексике, когда Никола Москона будет ее партнером.

Разочарования Марии на этом не закончились; наконец после многочисленных просьб ее согласился прослушать Джованни Мартинелли. Знаменитый тенор уже давно был гордостью «Метрополитен-оперы» в Нью-Йорке. С благосклонным участием он прослушал девушку, а затем с важностью оракула, чье мнение окончательно и бесповоротно, изрек:

— У вас имеются данные для того, чтобы стать певицей, но вам надо еще много работать. Приходите ко мне снова через год.

На этот раз Мария не возмутилась, как обычно. К тому времени она уже довольно самокритично относилась к себе. В ее душу закралось сомнение: что, если ее мечтам, а также возлагавшимся на нее надеждам Евангелии не суждено сбыться? Впоследствии она рассказывала одному из своих близких друзей, она уже готова была в тот момент отступить: «Я задавала себе вопрос: в конце концов, если я — певица, каких много… Если мой успех в Афинской опере был вершиной моей карьеры, может быть, самое лучшее, что я могу сделать, — это купить билет на ближайший теплоход и отправиться обратно в Грецию».

Да, Мария вдруг почувствовала усталость от гонки за ангажементом, а главное, от одиночества. До сей поры она постоянно чувствовала присутствие более волевой личности, чем она сама. Рядом с ней всегда находился тот, кто руководил всеми ее действиями и заставлял двигаться по намеченному пути. И всю оставшуюся жизнь она будет испытывать потребность в присутствии рядом с собой преданного ей человека. Даже если это оставалось лишь на уровне подсознания, она всегда нуждалась в наставнике, менеджере, духовнике и защитнике от

агрессивного внешнего мира.

Удивительная интеллектуальная зависимость женщины, обладавшей всеми чертами сильной личности, и эта странная зависимость позволяет нам понять, насколько она чувствовала себя неприкаянной в последние годы своей жизни, когда никто не протянул ей руку помощи. Евангелия и Эльвира де Идальго успешно играли эту роль, в то время как ее отец был не способен заменить их. Прежде всего потому, что Георгиос нисколько не интересовался оперным искусством. Главное, он всегда боялся осложнять свою жизнь и предпочитал беречь оставшиеся силы для покупательниц в аптеке, где он работал, поскольку еще не отказался от того, что составляло смысл его существования и было его любимым занятием.

И вот Мария, которая думала, что освободилась от опеки Евангелии, неожиданно для себя поняла, что ей не хватает ее; она, так спешившая поскорее уехать от матери, избавиться от некой рабской зависимости, в какой она жила до сей поры, почувствовала, что она нуждалась в Евангелии, притом немедленно! Однако еще не наступили те времена, когда желания оперной дивы становились законом… Георгиос вовсе не горел желанием воссоединиться с законной супругой. Кроме того, у него не было денег, чтобы оплатить Марии дорогу. Ей не оставалось ничего, как ждать. Но однажды произошло неожиданное событие, возможно, это было перстом судьбы: когда она уже потеряла всякую надежду, ее согласился прослушать Эдвард Джонсон, директор «Метрополитен-оперы». Она произвела на него такое впечатление, что он предложил ей в следующем сезоне исполнить партию Чио-Чио-сан в «Мадам Баттерфляй» и Леоноры в «Фиделио». Победа? Еще не совсем, поскольку обе партии надо было петь на английском языке, что не позволило бы Марии продемонстрировать в полном блеске свой талант. Именно это обстоятельство, по ее словам, стало решающим, когда она после долгих раздумий отказалась от этого шанса. Возможно и то, что ее отказ был продиктован и другими соображениями, но в любом случае такого решения нельзя было даже предположить от сидевшей без денег и без работы певицы. Джонсон предложил ей более чем скромное жалованье; Мария уже точно знала свою «рыночную» цену. К тому же ей вовсе не улыбалась перспектива играть в «Мадам Баттерфляй» роль хрупкой и стройной японки. Что бы сказали любители творчества Пуччини, когда бы увидели исполнительницу весом под центнер?

В декабре 1958 года в интервью «Нью-Йорк пост» Эдвард Джонсон, который уже не был директором «Метрополитен-оперы», заявил:

— Мы увидели в ней молодую перспективную певицу. Мы предложили ей контракт, она не согласилась, но не из-за роли, а потому, что ее не устроили условия контракта. Она была права, что отказалась. Если честно, то это был контракт для дебютантки. У нее было мало опыта, ограниченный репертуар, отсутствие рекомендаций… Она действительно была слишком толстой, но нас это не волновало. Молодые певицы почти всегда имеют лишний вес!

Но при этом необходимо принять во внимание, что в момент, когда Эдвард Джонсон делал это заявление, Каллас уже была звездой мировой величины и он предусмотрительно умолчал о том, что не все в те далекие времена складывалось так гладко, как он рассказал, в особенности когда он затронул финансовую сторону вопроса… И тем более он не смог признаться в том, что, раздосадованный отказом Марии, он проводил ее со словами, которые не принято произносить в светском обществе.

По прошествии многих лет, возвращаясь к тем событиям, Каллас как настоящая актриса нарисовала идиллическую картину, заслуживавшую кисти художника: «Я решила не соглашаться на лишь бы что, даже если умру с голоду. Тот, кто хочет остаться независимым, всегда умирает голодной смертью, не правда ли? Я отказалась дебютировать в Нью-Йорке несмотря на то, что мне предложили роли, о которых можно было только мечтать, на самых выгодных условиях… Меня сочли сумасшедшей, и я себе говорила: «Тебе никогда больше не представится такой случай». Но я знаю, что подобное решение свойственно моему характеру: я умею отказывать, я умею выбирать, я умею ждать, каким бы мучительным для меня ни было это ожидание. Когда я говорю «нет», это вовсе не каприз, а решение, принятое в результате зрелых размышлений, а также, возможно, благодаря моей интуиции…»

За время своей карьеры Каллас отвергла намного больше ролей, чем согласилась на них, и это главным образом потому, что всю жизнь была одержима идеей самоусовершенствования; в отдельных случаях причиной отказа была заниженная, по ее мнению, оценка ее таланта, который стоил очень дорого…

В заключение, чтобы закончить с «Метрополитен-оперой», добавим, что Мария еще раз продемонстрировала свой бойцовский характер, когда, выходя из кабинета Джонсона, бросила ему в лицо:

— Придет день, когда «Метрополитен» будет на коленях умолять меня спеть, и я не соглашусь петь задаром.

Эти слова оказались поистине пророческими! А пока суд да дело, она в ожидании лучших времен стала вновь обивать пороги

в надежде получить контракт. Новое прослушивание, на этот раз у директора оперы в Сан-Франциско Гаэтано Меролы, также не оправдало ее ожиданий. «У вас хороший голос, — вынес свой вердикт Мерола. — Но здесь никто вас не знает. Сначала сделайте себе имя в Италии, а потом я охотно подпишу с вами контракт».

Говорить такие слова Марии было с его стороны непростительной ошибкой: девушка тут же поставила его на место, как многих других до и после него.

— Когда я завоюю известность в Италии, вы мне будете не нужны! — заявила Мария.

Некоторое время спустя появился человек, который стал поощрять честолюбивые мечты Марии: в Нью-Йорк возвратилась Евангелия. Ее муж как всегда не располагал средствами, чтобы оплатить ей билет, но на помощь пришел старый добрый друг Лонтцаунис: доктор одолжил этой семье 700 долларов, которые ему вернут только много лет спустя.

Георгиос встретил супругу далеко не с распростертыми объятиями. И Евангелия, в свою очередь, не пребывала в восторге от встречи со своим благоверным. Впрочем, в своих мемуарах она уточнила, что «спала в комнате дочери». Что же касается Георгиоса Калласа, то он чаще всего проводил ночи с некой Александрой Папайон, ставшей несколько лет спустя его женой, после того как он развелся с Евангелией. Вот почему семейство Каллас встречало новый, 1946 год совсем не с праздничным настроением.

Между тем первые дни после возвращения Евангелии прошли в веселой суете. Мария радовалась встрече со своей деспотичной матерью, не позволявшей ей расслабиться с самых первых шагов на вокальном поприще. Евангелия вновь заставила дочь поверить в себя: ни при каких обстоятельствах Мария не имела права падать духом и сомневаться в своем великом предназначении. Если бы она вдруг потерпела фиаско, то тогда рухнули бы честолюбивые планы самой Евангелии. Мария прекрасно знала, что двигало ее матерью, и не могла с этим смириться. В конце концов она возненавидела мать за то, что та воспитывала ее с единственной целью — добиться через нее мирового признания и славы, чего была лишена сама. И все же в глубине души Мария чувствовала, что материнская целеустремленность была необходимым условием достижения успеха. Как нам уже известно, найти путь к сердцу Марии — задача отнюдь не из легких; она была сложной и крайне противоречивой натурой, а ее шокирующее поведение было не чем иным, как формой

самозащиты, когда ей казалось, что она становится объектом агрессии или же кто-то желает извлечь выгоду из ее популярности. Об этой черте своего характера она говорила со всей откровенностью. Когда ее спросили, как можно потерять ее дружбу, она ответила:

— Использовать Каллас?! Существуют две тесно связанные, но разные натуры: Мария и Каллас. Никогда нельзя использовать Каллас: вот из-за этого меня можно потерять. Без всяких объяснений. Есть бывшие друзья, с которыми я непонятно для них прервала всякие отношения. Они не желают поразмыслить над тем, что же оттолкнуло меня от них. Не меня, как таковую, а артистку. На женщину можно и наплевать! Мне кажется, что я — самое терпимое на свете существо, но что касается артистки, я не потерплю, чтобы кто-то причинял ей боль! Мне приходится часто корить себя за то, что я вынуждена так сурово поступать с людьми. Поскольку я не верю ни в какие объяснения, то веду очень замкнутый образ жизни, ибо знаю, что рано или поздно мне кто-нибудь причинит зло.

Весьма важное признание, даже в случае, если оно не совсем отражало положение вещей; Мария еще в большей степени, чем Каллас, никогда бы не потерпела, чтобы ей причинили боль, она тут же дала бы отпор обидчику. Однако она не обманывала, когда заявляла, что прежде всего считала себя артисткой, а уж потом — женщиной. По той простой причине, что она как женщина имела право на существование только потому, что была артисткой. Когда искусство перестало быть смыслом ее жизни, она покинула этот мир. Последняя фраза в ее заявлении заслуживала особого внимания: если в последние годы своей жизни Мария решила добровольно заточить себя в башню из слоновой кости, то это объясняется тем, что внешний мир пугал ее, она ощущала его враждебность. Вот откуда взялась гипотеза, которую мы выдвинули в начале этого исследования: Марию убили все ее тревоги и страхи в совокупности; за ее смерть в той или иной степени несут ответственность все главные действующие лица светской хроники тех дней, а также множество анонимных фигурантов.

И если заручиться дружбой с Марией было относительно легко, в особенности в те годы, когда ее юный возраст располагал к откровенности, то сохранить надолго дружеские отношения с ней было делом отнюдь не простым. Семья Багарози представляет собой тому наглядный пример.

В столь негостеприимном городе, каким оказался для девушки Нью-Йорк, не принявший ее, как певицу, Мария как никогда нуждалась в дружеской помощи; она была готова

поделиться богатствами своей души с каждым, кто пожелал бы этого. Вот именно в такой момент судьба и свела ее с Луизой Казелотти и ее мужем Эдди Багарози. Эта парочка представляла собой типичный пример искателей приключений, прибывших в Америку с целью разбогатеть. Эдди Багарози был адвокатом, чья карьера не удалась. Из-за своей жены он больше интересовался вокальным искусством, чем оттачиванием своих профессиональных навыков. У Луизы Казелотти был неплохой голос для опереточной артистки, к тому времени она снялась уже во многих голливудских музыкальных комедиях; затем супруги переехали из Калифорнии в Нью-Йорк, где Эдди рассчитывал напасть, наконец, на свою золотую жилу. Когда муж с женой услышали пение Марии, они сразу же решили, что удача сама идет к ним в руки. Перед ними была та самая курица, которая обещает принести им золотые яйца!

Их энтузиазм пришелся как нельзя кстати, ибо помог Марии, совсем было приунывшей из-за череды неудач, вновь воспрянуть духом. Для девушки наступили радостные дни «медового месяца». К новым друзьям она относилась так же тепло, как совсем недавно к Марии Тривелле и Эльвире де Идальго. Евангелии вновь пришлось распрощаться с ролью наставницы. Ее грубо оттеснили в сторону от прилавка, где были разложены сокровища.

Каждое утро Мария наведывалась к своим новым друзьям. Они пошли даже на то, чтобы снять квартиру на перекрестке Риверсайд-драйв и 145-й улицы, поближе к семейству Каллас. Целыми днями напролет Мария говорила с ними о музыке, а также занималась оттачиванием своего вокального мастерства, поскольку Луиза, знавшая о своих ограниченных возможностях, решила давать уроки начинающим артистам и в первую очередь занялась обучением Марии. Девушка с восторгом окунулась в работу. Эдди как дальновидный адвокат предложил ей подписать контракт, согласно которому она обязывалась выплачивать ему десять процентов от всех полученных в будущем контрактов; она не глядя поставила свою подпись, даже не подозревая о том, с какими трудностями столкнется впоследствии из-за этого необдуманного поступка. Она была уверена в том, что чета Багарози не подведет ее. Впрочем, Мария была совсем недалека от истины. Эти люди стремились только к одному: показать ошеломленной Америке редкое сокровище, которое они открыли. Неожиданно Эдди пришла в голову мысль создать в оперном театре Чикаго новую труппу, составленную исключительно из артистов старушки Европы, чтобы утереть нос Новому Свету. Первой работой, посредством которой они могли бы показать все,

на что были способны, должна была стать «Турандот», последнее творение Пуччини.

Следует отдать должное организаторским способностям Эдди: ему удалось сколотить труппу из молодых и талантливых исполнителей. Часть из них уже добилась известности — Макс Лоренц или Ани Конеини, остальные же на тот момент были еще слишком молоды, но подавали надежды, — Джулиано Мазини и Никола Росси-Лемени, пасынок великого итальянского дирижера Туллио Серафина.

Разумеется, у Эдди для осуществления его амбициозного замысла не было достаточно долларов в кармане, однако для него это не было препятствием. Артисты заразились его энтузиазмом и поверили ему. И первой среди них стала Мария. Надо сказать, что новые товарищи по сцене не скупились на комплименты в ее адрес; дирижер оркестра Сержио Фелони заявил, что никогда еще не слышал столь дивного голоса. Кто бы мог устоять перед столь лестными словами? Багарози прилагал все усилия, чтобы привлечь нужного ему позарез богатого мецената. Он раздавал направо и налево интервью, намекая журналистам, что нашел «чарующее сопрано, которое потрясет публику, но пока не может назвать имя певицы». «Именно она будет исполнять партию «Турандот»», — заявлял он.

У Эдди не было денег даже на аренду репетиционного зала, и в его трехкомнатной тесной квартирке собирались все шестнадцать певцов новой труппы. Они принимались за работу с таким рвением, с которым истинные бойцы выходили на тропу войны!

С первых репетиций Мария продемонстрировала незаурядные драматические способности и утвердилась как яркая, чувственная, романтически настроенная артистическая личность, чего и близко не было в повседневной жизни. Эдди Багарози стал первой жертвой ее сценического магнетизма, что совсем не понравилось Луизе Казелотти. Кажется — по крайней мере, впоследствии это подтвердит сама Мария, — между адвокатом-импресарио и начинающей оперной дивой не было ничего, кроме крепкой дружбы, родившейся из-за общей любви к бельканто. В то время Мария берегла свои чувства и душевные порывы исключительно для сцены.

Так, в веселой и дружеской атмосфере проходили репетиции на протяжении нескольких недель перед единственным зрителем по кличке Бальби, щенком Луизы. Эдди Багарози назначил первый спектакль на 6 января 1947 года, но вдруг профсоюз хоровых певцов потребовал внести предварительную плату, чтобы гарантировать будущее жалованье певцам. Несмотря на все

усилия, Эдди так и не удалось найти необходимую сумму; он перенес постановку «Турандот» на 27 января. Увы! И к этому числу денег по-прежнему не было; полный крах и банкротство. Эдди был вынужден, для покрытия хотя бы части своих долгов, продать машину, дом в Лонг Айленде и даже драгоценности Луизы. Певцы, которых он собрал под своей крышей, прибывшие в основном из Италии, с трудом нашли деньги на обратный билет, а сама Луиза Казелотти, узнав, что рухнули ее надежды на возвращение на сцену, слегла с нервным расстройством. И во время этой бури уцелели только двое непотопляемых: Эдди Багарози, чей авантюрный дух поддерживался за счет неиссякаемого врожденного оптимизма, и Мария Каллас, которая вопреки всем превратностям судьбы верила в свое лучезарное будущее.

На следующий же день после их общего финансового краха Мария пришла, как обычно, к Багарози. Она не отвернулась от этой семьи, а, напротив, поддерживала с ней еще более теплые отношения. И пока Эдди искал способ «раскрутить» свою «курицу, несущую золотые яйца», Мария ежедневно долгими часами до седьмого пота трудилась вместе с Луизой.

Спасение пришло извне. В феврале молодой певец Никола Росси-Лемени, не державший зла на чету Багарози за неприятности, которые она доставила ему, сообщил Эдди, Луизе и Марии, что в Нью-Йорке находится Джованни Дзенателло. После завершения успешной сценической карьеры тенора мировой величины Дзенателло был в свои семьдесят лет директором ежегодного фестиваля в Вероне. Он прибыл в Нью-Йорк в поисках певицы с сопрано, чтобы она солировала в опере Понкьелли «Джоконда», которую он собирался поставить несколько месяцев спустя в городе Ромео и Джульетты. У него уже были две кандидатуры на эту роль: Зинка Миланова и Эрва Нелли, но он еще не принял окончательного решения. Никола Росси-Лемени убедил Дзенателло не торопиться со своим решением и прослушать еще одну молодую и очень талантливую певицу — Марию Каллас. Старик согласился, и несколько дней спустя произошла его встреча с дебютанткой. Мария пришла к Дзенателло вместе с Луизой, которая должна была аккомпанировать ей на фортепьяно. Начинающая примадонна немного робела перед мэтром, но была полна решимости продемонстрировать свои таланты. С первых тактов аккомпанемента она постаралась показать все, на что была способна. Немного погодя Дзенателло прервал ее, открыл партитуру и начал петь вместе с ней дуэт Джоконды и Энцо неожиданно сильным для человека столь преклонных лет

голосом.

Не успели отзвучать последние ноты, как Дзенателло с чисто итальянским пылом заключил Марию в объятия и взволнованным голосом заявил:

— Дитя мое, такого голоса я ни разу не слышал за всю свою долгую карьеру!

Стоит ли удивляться, что после столь хвалебного отзыва он тут же пригласил Марию на роль Джоконды. Все происходило так, как предсказала Эльвира де Идальго: именно на итальянской земле должна была взойти звезда Марии Каллас.

До возвращения в Европу оставалось всего несколько месяцев. Мария работала как одержимая. Она знала, что настал поворотный момент в ее жизни. На карту были поставлены ее дальнейшая судьба и карьера. И в то же время, несмотря на то, что она по-прежнему проводила все дни напролет у четы Багарози, она уже начинала тяготиться их опекой. Чувствовала ли она, что ее друзья не были так уж бескорыстны в отношениях с ней, как уверяли? А может, как впоследствии с ней не раз случится, после первых восторгов после знакомства с кем-либо она очень быстро разочаровывалась, ей надоедали старые привязанности и хотелось видеть новые лица? Так она снова поступила и в отношении Евангелии; между Марией и ее матерью росло отчуждение, хотя на первый взгляд она вела себя как примерная и послушная дочь. Однако ее мысли были теперь заняты совсем другим. В той жизни, на пороге которой она стояла, не было места для Евангелии. Между тем мать развернула вокруг дочери бурную деятельность. Она была убеждена, что отъезд в Европу должен стать первой ступенькой к мировой славе. И хотя Евангелия оставалась в Соединенных Штатах, она взяла на себя все хлопоты по подготовке к отъезду Марии и, в частности, собрала ей новый гардероб. В то время девушка не уделяла большого внимания модной одежде, и Евангелия прилагала множество усилий, чтобы подготовить ей то, что она называла приданым. Однако, как и прежде, денег катастрофически не хватало. И, как всегда, они обратились к доктору Лонтцаунису. Он пошел им навстречу. Однако выделенная им сумма не позволяла разгуляться: Мария поехала за океан в скромном платье и с костюмом, напоминавшим школьную форму… И это никак не возвещало о том, что всего несколько лет спустя заправилы высокой моды найдут в ее лице самую активную клиентку.

Было решено, что Мария отправится в дорогу вместе с Никола Росси-Лемени и Луизой Казелотти. Супруга Эдди тоже надеялась получить на родине ангажемент, но, главное, Багарози

посчитали, что будет лучше, если они будут держать Марию в поле зрения. И в самом деле, за несколько дней до отъезда Эдди заставил девушку подписать новый контракт, еще более подробный, чем предыдущий, где подтвердил свое право на десять процентов от всех гонораров певицы в течение десяти лет. Впрочем, Эдди с большим трудом получил подпись своей протеже. Мария оттягивала это под любым предлогом до последней минуты. В ней уже тогда проглядывали черты Каллас, которая ко всем и ко всему относилась с крайним недоверием, часто вполне оправданным, что, впрочем, приносило ей немало душевных мук.

Наконец в конце июня 1947 года на пристани в порту Нью-Йорка Мария довольно холодно попрощалась с матерью и Эдди. Пароход взял курс на Неаполь, увозя на своем борту молодую актрису, у которой за душой не было ничего, кроме несравненного голоса и твердой веры в успех. Когда Мария вернется в Нью-Йорк, она будет встречена с королевскими почестями.

Глава 5
Выход на сцену господина Менегини

Было бы большим преувеличением назвать роскошной гостиницу «Академия», где по прибытии в Верону остановились Мария и Луиза. Да и переезд из Неаполя в переполненном душном вагоне второго класса отнюдь не походил на путешествие оперной звезды. Стоя в тесном коридоре, Мария едва не падала в обморок от духоты; однако она стойко переносила все тяготы пути, а ее мысли были заняты предстоящим испытанием. Она понимала, что в Италии, матери всех искусств и, главное, бельканто, должна была решиться ее судьба. Впечатление, которое она произведет на публику в театре «Арена ди Верона», определит ее артистическое будущее.

Волновалась ли она 30 июня 1947 года, отправляясь вместе с Луизой на ужин в ресторан «Педавена»? В тот вечер ей представилась возможность познакомиться со многими участниками труппы, в частности с Туллио Серафином. Он должен был дирижировать оркестром во время представления оперы «Джоконда». Маститому маэстро в то время было около семидесяти лет; он уже давно достиг вершины славы; на всех мировых оперных сценах он помог прославиться многим исполнителям, в том числе американке Розе Понсель, с которой впоследствии будут сравнивать Марию Каллас. Нет ничего удивительного в том, что у девушки от страха дрожали коленки, когда убеленный сединами мэтр с улыбкой говорил ей, что рассчитывает на ее молодые силы. Еще больше ее смущали слова Гаэтано Помари, которому доверительно сообщил Туллио Серафин, что, по мнению Дзенателло, она должна потрясти публику своим талантом. Помари был человеком достаточно любопытным. Режиссер-постановщик и одновременно… ресторатор. На его плечах тяжелым грузом лежала ответственность за организацию фестиваля в Вероне, поскольку Дзенателло частенько отсутствовал; в то же время Помари принадлежал ресторан «Педавена», где собирались приглашенные на фестиваль артисты.

В небольшой комнате над рестораном, куда поднимались все кухонные запахи, располагался его кабинет, где он работал над постановкой оперы.

На протяжении ужина Мария, смущенная присутствием незнакомых ей говорливых и шумных итальянцев, хранила молчание, словно набрала в рот воды. Между тем девушка

прекрасно владела итальянским языком: она освоила его, когда разучивала роли, а усовершенствовала во время оккупации своей страны солдатами Муссолини. Однако для тех, кто знал характер Марии, в ее молчании не было ничего удивительного: девушку сковывал безотчетный страх перед незнакомыми людьми, что будет повторяться с ней и в будущем. С годами эта странная черта характера Марии только усугубится. Певица сразу же подозревала каждое новое лицо, представленное ей, в недобрых намерениях по отношению к ней. И эти подозрения, как правило, оправдывались!

Итак, Мария скромно отсиживалась в своем углу, как вдруг в какой-то момент, а было уже довольно поздно, она услышала громкий возглас Гаэтано Помари:

— Посмотрите, кто к нам пришел!

И тотчас со всех сторон раздались крики, обращенные к вновь прибывшему:

— Баттиста, иди к нам за стол! Иди скорее!

Тот, кого приглашали разделить трапезу, был низкорослым пятидесятилетним господином самой заурядной внешности и с брюшком. Он уселся напротив Марии. Вот так, скорее в гастрономическом, нежели творческом контексте в жизнь Каллас вошел Джованни Баттиста Менегини.

Можно только гадать, что толкнуло рослую двадцатичетырехлетнюю девицу плотного телосложения в объятия такого коротышки. К тому же он был старше ее на целых тридцать лет! При виде этой парочки на ум тут же приходила карикатура, вышедшая из-под карандаша Дюбу. Возможно, Марию влекло к Менегини желание избавиться от собственных комплексов и обрести уверенность в себе. Внешность добропорядочного преуспевающего буржуа, обходительные манеры, мягкий вкрадчивый голос произвели на девушку самое благоприятное впечатление. Она поверила, что этот человек поможет справиться с терзавшими ее тревожными мыслями и сомнениями. Благодаря интуиции он догадался о тайных переживаниях Марии и нашел нужные слова, чтобы показать ей, насколько он восхищен ею, что особенно удивило и порадовало девушку. Столь пристальное мужское внимание представлялось чем-то новым для Марии, пребывавшей до сей поры в полном неведении относительно мужчин и страхе перед ними! К тому же Менегини был опытным дамским угодником — он умел расположить к себе женщину. Проживая в городе, навеки прославленном героями Шекспира, этот старый холостяк был самым настоящим провинциальным ловеласом. Богатый

промышленник, унаследовавший от своего отца небольшой кирпичный завод и со временем преобразовавший его в крупное производство, он с давних пор увлекался оперой… посредством общения с певицами и танцовщицами, что, безусловно, давало ему возможность так или иначе «соприкоснуться» со сценическим искусством. Кроме того, будучи старшим в семье, где было одиннадцать детей, и любимым сыном деспотичной матери, он до сих пор не допускал мысли о женитьбе; впрочем, до свадьбы с Марией было в тот момент еще очень далеко.

Вначале он активно ухаживал за девушкой. Ни разу не слышавший, как она пела, он осыпал Марию комплиментами по поводу ее таланта. Однако если верить его мемуарам, написанным несколько лет спустя после смерти бывшей супруги, в тот первый вечер Мария отнюдь не потрясла его мужское воображение: «Пока она сидела в своем углу, ее излишняя полнота не была заметна, но стоило ей привстать, как мне захотелось отвести глаза в сторону. Она была похожа на неуклюжую бесформенную тушу. Лодыжки ее ног были одной толщины, что и икры. Она с трудом передвигалась. Я не знал, что сказать, а насмешливые улыбки и презрительные взгляды некоторых приглашенных гостей говорили сами за себя. Это не ускользнуло и от ее внимания; она стояла молча в стороне, не поднимая глаз».

Похоже, что с годами у Менегини появилась склонность к преувеличению, а может, ему очень хотелось приукрасить свое значение в жизни Марии. Однако, как видим, хоть девицы с пышными формами и были в его вкусе, внешность Марии отнюдь не располагала его к любви с первого взгляда. Как, впрочем, и Марию. Огонь страсти, едва затеплившись, так никогда и не разгорелся между ними в полную силу. Мария познала земные радости только в объятиях Аристотеля Онассиса. Однако в то лето 1947 года в Вероне она не думала о плотской стороне любви и ее вполне устраивали платонические отношения, которые ей предлагал Менегини. Зародившаяся взаимная симпатия переросла в течение несколько дней в нежную дружбу.

Если верить все тем же воспоминаниям Менегини, вскоре он открыл для Марии свой кошелек, не преследуя при этом никаких личных целей. Поистине рыцарский жест! Однако Евангелия в своих мемуарах предупреждала читателей, чтобы они учитывали и его чисто итальянское стремление прихвастнуть, и отсутствие объективности при описании собственных действий и поступков. Когда Менегини трудился над собственными воспоминаниями, он старался изо всех сил приукрасить свой образ в глазах потомков. Ему хотелось предстать перед ними в самом лучшем виде,

поскольку многочисленные свидетели их отношений не раз высказывались в его адрес отнюдь не в положительном смысле. Впрочем, все, что нам известно о характере Марии, не позволяет допустить даже мысли о том, чтобы эта своенравная и гордая девушка согласилась принять материальную помощь от едва знакомого мужчины!

И все же не следует отрицать, что Менегини сыграл большую роль в карьере Марии Каллас. И даже если его вмешательство порой весьма негативно сказывалось на репутации Марии или же по его вине она совершала отдельные ошибки, Мария бесспорно нуждалась в Менегини точно так же, как еще раньше она нуждалась в Евангелии, Эльвире де Идальго, Багарози по причине странной потребности в спасительном плече. Именно в этом и состояла, повторяем, драма ее жизни: эта гордая, независимая, импульсивная женщина, восхитительная актриса, обладавшая выдающимся талантом, почитавшаяся публикой звезда мировой величины оказалась совершенно неспособной распорядиться собственной судьбой; как ребенок, который боится темноты, она всегда хотела позвать кого-то на помощь. Именно этим объясняются и успех Менегини у Марии, и события следующего десятилетия ее жизни. Вопреки всем заверениям Баттисты, эти годы были для него далеко не «медовым месяцем»; бедолаге пришлось проглотить немало горьких обид. Однако бесспорно и то, что его звездная супруга до самой встречи с Онассисом ни разу не помышляла о разводе. Более того, Мария часто заявляла во всеуслышание о своей нежной привязанности к мужу. В ее признаниях была определенная театральность, предназначенная произвести впечатление на публику. После смерти прославленной певицы Менегини поспешил опубликовать любовные письма Марии, как сертификат, подтверждавший неоценимые услуги, которые он оказывал ей. Рассказывая всему миру о том, как проходила их совместная жизнь, он с трогательной нежностью вспоминал, какие блюда Мария готовила ему порой на завтрак и, главное, какими роскошными подарками он осыпал ее с ног до головы, забывая при этом уточнить, что совершал он эти покупки не только за свои деньги, но и за счет Марии.

Однако в то лето 1947 года она была только дебютанткой, а он — весьма богатым человеком, что стало достаточно веским обстоятельством для покорения сердца невинной девушки, каковой до той поры оставалась Мария. Продолжительные автомобильные прогулки вдоль берега озера де Гард, вечернее катание в гондолах, вызывавшее восторг у Марии, с каждым днем все больше и больше усиливали влияние Титта, как нежно в

письмах она называла Менегини. Все же надо отдать ему должное. Если во время пребывания в Афинах, когда военные тяготы и проблемы с питанием позволили Марии сбросить несколько лишних килограммов, благодаря чему она иногда замечала во взглядах мужчин некоторый интерес к себе, то до встречи с Менегини она еще не рассталась с комплексами, мучившими ее с самого детства. И вот теперь, когда зрелый мужчина обращался к ней со страстными признаниями, звучавшими особенно пылко на итальянском языке, и заявлял, что он без ума от нее, это, безусловно, удивляло и радовало не привыкшую к такому обращению девушку. А если еще этот настойчивый ухажер был намного старше ее, то его слова звучали более чем убедительно. Она могла не бояться, что он посмеивается над ней. Если она, на взгляд Менегини, и была слишком толста, то он для Марии был слишком старым; в какой-то степени они были квиты…

Между тем репетиции Джоконды шли в ускоренном темпе. Мария понимала, что разыгрывалась ее козырная карта, и участие Менегини в ее судьбе вовсе не было лишним для обретения уверенности в себе, как и участие Туллио Серафина. Старый маэстро относился к ней с особой теплотой; между ним и Каллас установились, вплоть до смерти музыканта в 1968 году, самые доверительные отношения. И все же их дружба не избежала кризисов. Несколько лет спустя у Каллас нашелся повод, чтобы поссориться с Туллио Серафином, но их размолвка длилась недолго. Этих двух подлинных мастеров искусства слишком многое связывало, и они не могли длительное время обходиться друг без друга.

Ее пение привело в восторг Серафина, о чем он во всеуслышание заявил: «Как только я услышал ее, я понял, что у нее исключительный голос. Некоторые ноты звучали не достаточно чисто, но я тотчас осознал, что передо мной будущая великая певица».

Когда Туллио Серафин писал эти слова, Каллас уже была певицей с мировым именем и своим заявлением он не сделал открытия, однако в то время она была начинающей, но старый маэстро не жалел для нее ни ободряющих слов, ни комплиментов.

Этому событию Менегини дал свою оценку, заявив, что Туллио Серафин был вовсе не в восторге, когда впервые услышал пение Марии; милейший Менегини никогда не упускал случая подчеркнуть, что именно он стал истинным Пигмалионом этой оперной Галатеи.

Репетиции шли полным ходом, Мария вживалась в роль с

присущей ей страстью и воодушевлением, как вдруг произошла непредвиденная катастрофа. 3 августа, в самый канун генеральной репетиции, Мария, без очков видевшая только расплывавшиеся тени вместо предметов, оступилась на лестнице, ведущей со сцены, и сильно ушиблась. Всю последующую ночь Менегини самоотверженно оказывал ей помощь. Мария была тронута до глубины души таким вниманием с его стороны, о чем впоследствии заявила со свойственным ей пафосом: «Это был только незначительный эпизод, но достаточно показательный для характера моего мужа. Я готова, не раздумывая, с радостью, отдать за него жизнь. С того самого момента я поняла, что никогда не найду более великодушного человека. Если бы Баттиста захотел, я оставила бы свою карьеру без всякого сожаления, ибо любовь в жизни женщины важнее, чем все триумфы на сцене».

Возможно, в тот момент, когда Мария писала эти строки, она не кривила душой, но мы-то знаем, чем закончились эти пылкие клятвы. С Каллас никогда нельзя было быть уверенным в завтрашнем дне…

На следующий же вечер после падения с лестницы Мария вынуждена была петь с забинтованной ногой, и вполне вероятно, что именно поэтому ей не удалось показать на сцене все, на что она была способна. И хотя ее голос звучал порой необычайно мощно, певица еще не до конца использовала свои возможности. Все же большинство критиков высказались весьма положительно в ее адрес, однако их отзывы не шли ни в какое сравнение с тем потоком хвалебных слов, который совсем скоро обрушится на нее. Впрочем, и после пяти представлений в театре «Арена ди Верона» предложения о заключении контракта все еще заставляли себя ждать. И вот тут-то Марии представилась возможность оценить по достоинству новое плечо, на которое можно было опереться: Менегини не скупился на самые льстивые комплименты, целыми днями не уставал твердить ей о том, что она — самая великая оперная певица всех времен и народов. Он оказывал ей моральную поддержку, демонстрируя изо дня в день свое желание отдать ей все лучшее, что у него есть, начиная с личного времени. В тот момент Марии как никогда необходимо было такое участие, что будет ей требоваться и впредь: всегда ей будет нужен кто-то, способный поднять ее дух и настроение, исполнить все ее желания и прихоти, даже если для этого ему не будет хватать и двадцати четырех часов в сутки.

Поведение Баттисты, полностью посвятившего себя служению певице, осуждалось семьей промышленника. И в первую очередь его матерью, которая всегда смотрела сквозь пальцы на любовные

похождения сына, лишь бы у него не возникло постоянной привязанности; не встретил он также понимания у своих многочисленных братьев и сестер. Что же касалось его закадычных друзей и приятелей, с кем он раньше проводил время, то они пребывали в шоке от мощной фигуры его избранницы. В своих воспоминаниях Титта рассказал, как однажды один из его приятелей, не удержавшись, указал на Марию и воскликнул: «Но это же настоящая корова!» Не слишком-то лестное мнение, хотя и не далекое от истины. К тому же Менегини взял на себя роль покровителя молодого дарования не без задней мысли: он не мог отказать себе в удовольствии свести счеты с одной дамой, которая бросила его ради другого мужчины.

Несмотря на неприятную обстановку в семье, Менегини держался молодцом. Он мечтал сделать из Марии знаменитую оперную диву, что, собственно, и произойдет в самом ближайшем будущем. Однако в тот момент она была звездой только в его глазах.

Около двадцати пяти тысяч зрителей, присутствовавших на каждом представлении «Джоконды», оказывали певице довольно теплый прием, но не более того. Что же касалось специалистов, возможно, талант молодой певицы не оставлял их равнодушными, но порой в своих оценках они проявляли достаточную сдержанность. Так, певец Мирто Пикки впоследствии воспоминал, «что в тот вечер было невозможно угадать, как сложится дальнейшая карьера Каллас. Публика была еще не готова принять некоторые слишком резкие звуки, характерные для этой выдающейся певицы». Столь же сдержанным было и мнение доктора Милани, известного авторитета в области бельканто: «Голос мощный, но порой резкий с гуттуральным звучанием». Харольд Розенталь, знаменитый английский музыковед, основавший журнал «Опера», с самого начала заявил о себе как о страстном поклоннике певицы, вместе с тем отметив «непривычный для слуха металлический тембр».

Пребывавшая в постоянных сомнениях, всегда недовольная всем, что она делала, Мария восприняла бы эти высказывания не иначе как приговор, если бы рядом с ней не оказался Менегини, спешивший в любом случае прийти к ней на помощь. Пятидесятилетний коротышка расшибался для нее в лепешку: он обивал пороги многочисленных импресарио, стучался в двери директоров оперных театров. Баттиста даже забросил собственный завод со всеми его кирпичами, чтобы служить верой и правдой своему капризному и требовательному кумиру.

«Я познакомилась с мужчиной, который влюбился в меня без памяти. Он хочет на мне жениться. Я не знаю, что ему ответить.

Ему пятьдесят три года и он очень богат и обожает меня. Что ты думаешь об этом?» — писала матери Мария, похоже, не в ожидании материнского совета; скорее, ей не терпелось сообщить, что она покорила сердце мужчины.

И вот уже без всякой ложной скромности она стала принимать материальную помощь от своего дорогого Титта. Впрочем, что ей оставалось делать, если после пяти представлений «Джоконды» она заработала всего несколько тысяч лир? Менегини не заставил себя долго просить и вложил свои деньги в обеспечение светлого будущего молодой певицы. Для начала он раскошелился на одежду, достойную будущей примадонны.

Баттиста очень надеялся, что все его затраты окупятся с лихвой, когда она пробовалась на роль в «Бале-маскараде» у Марио Лаброка, художественного руководителя миланского театра «Ла Скала». Однако эта роль уплыла у нее из-под носа. Не важно! Неугомонный Менегини представил певицу сеньоре Франчини, директрисе театра «Павио». И он же в ярости захлопнул за собой дверью, как только услышал о смехотворной сумме гонорара в 15 тысяч лир за спектакль!

Вдобавок ко всему на Менегини усиливалось давление со стороны его многочисленного семейства. Суровое осуждение родных и близких ему людей стало для него тягостным испытанием. Он не знал, на что решиться. Марию вдруг охватил страх. В течение каких-то нескольких месяцев Баттиста занял настолько большое место в ее жизни, что она приходила в ужас при одной только мысли, что он бросит ее. Она боялась остаться одной в стране, которая не торопилась раскрыть ей свои объятия. Мария направляла Баттисте нежные послания, которые он с великим удовольствием опубликовал после смерти Каллас, словно с помощью этих писем спешил взять реванш у покойного Онассиса.

«Весь прошлый день и прошлую ночь я переживала смертные муки. Я решила уехать, поскольку мне показалось, что я надоела тебе. Я уже наполовину наполнила вещами свой чемодан, как вдруг остановилась. Разлука с тобой будет для меня слишком тяжелым наказанием. Я нуждаюсь в тебе и твоей любви…» — писала она.

Они еще не жили вместе, и у Марии возникла мысль уговорить Менегини остаться у нее на всю ночь до утра. Наконец ей удалось осуществить свой замысел, в чем она простодушно призналась: «Я почувствовала бы себя такой несчастной, если бы прошлой ночью ты ушел от меня. Твое присутствие было необходимо мне, чтобы уснуть в твоих объятиях. Ты — весь мой,

и я благодарю тебя за это. Мне нужна твоя нежность и твоя любовь. Мой Баттиста, все мои чувства и все самые тайные мысли принадлежат тебе. Я живу одним тобой…»

Одна только мысль о том, как эта рослая и отнюдь не хрупкого телосложения девица засыпала в объятиях пятидесятилетнего коротышки, вызывает улыбку, а главное, ее пылкие слова о любви никак не соответствуют тем представлениям, которые сложились у нас о будущей звезде мировой оперной сцены, о гордой независимой женщине со взрывным темпераментом… И тем не менее ее слова открывают нам вторую сторону медали: на протяжении всей жизни нежный садовый цветок, каким в душе была Мария, будет уживаться с дикорастущим колючим растением, каким была Каллас, и это соседство создало в будущем большие трудности как для самой певицы, так и для всех, кто соприкасался с ней по жизни.

В те дни, когда фортуна упорно не желала повернуться к Марии лицом, а мечты о мировом признании и славе не спешили претворяться в жизнь, она спешила уцепиться за Баттисту, как утопающий хватается за соломинку. И в тот момент, когда она меньше всего этого ожидала, ей вдруг улыбнулась удача. Счастливый случай ускорил превращение Марии в великую Каллас: Нино Каттозо, представитель театра «Ла Феничи» в Венеции, предложил ей исполнить партию Изольды в опере Вагнера «Тристан и Изольда». Кто стоял за спиной этого венецианского музыканта? Менегини уверял, что он. Туллио Серафин признавался в том же. В то же время Мария утверждала, что она сама взяла инициативу в руки и позвонила Каттозо. Известно лишь одно, что первый шаг сделал именно Менегини: когда он вышел в гневе из кабинета сеньоры Фрачини, то с чисто итальянским темпераментом хлопнул дверью, не заметив Каттозо.

Несчастный венецианец получил прямой удар в лицо! Похоже, Менегини как всегда преувеличивал, сообщая, что сломал Каттозо нос. Но если в его словах есть хоть доля правды, то картина была и в самом деле впечатляющей…

Как бы там ни было, но этот несчастный случай, возможно, помог Каттозо запомнить молодую певицу, выступавшую на сцене «Арены ди Верона», поскольку он сообщил Туллио Серафину, что хотел бы пригласить ее к себе в Венецию. Но знала ли Мария эту роль? Она поспешила дать Серафину утвердительный ответ, хотя ей пришлось солгать. И это была поистине ложь во спасение. Всегда недовольная собой, переживавшая непреодолимый страх перед выходом на сцену, застенчивая от природы и неуверенная в себе девушка настолько прониклась идеей своего божественного

предназначения во что бы то ни стало стать великой певицей, что, ни секунды не раздумывая, держала перед судьбой это неслыханное пари: за два дня она выучила сложнейшую роль, отправилась на прослушивание к Туллио Серафину и привела в неописуемый восторг старого маэстро. Он тут же позвонил Каттозо, чтобы тот без всяких проволочек принял в труппу театра молодую певицу. Каттозо согласился, и Мария подписала контракт на сумму в 50 тысяч лир за каждый спектакль. Премьера должна была состояться 30 декабря в театре «Ла Феничи» в Венеции. Отныне путь к славе был открыт.

Вот именно с этого момента и начался для Марии смертельный бег по кругу, от роли к роли, от одного персонажа к другому, отсчет вызовам, брошенным в лицо публике, требовавшей от певицы отдачи всех ее жизненных сил, заставлявшей всякий раз демонстрировать невероятные вокальные достижения и виртуозное владение голосом, легко переходить с лирического на колоратурное сопрано с мастерством, обезоруживавшим самых придирчивых критиков. И им не оставалось ничего, как петь ей дифирамбы. И тут мы в который раз можем задаться вопросами: что вынуждало Каллас работать с такой самоотдачей? Жажда известности? Погоня за деньгами? Какими тайными мотивами руководствовалась она, чтобы исполнять роли самых известных оперных героинь? Желание перепеть все ведущие партии в музыкальных произведениях таких выдающихся композиторов, как Верди, Вагнер, Пуччини, Визе, Россини, Доницетти, чтобы навсегда наложить на них печать своей гениальной личности?

Отвечая на эти вопросы, многие биографы Каллас употребляют такой термин, как «булимия». И в самом деле, в той жадности, с которой она набрасывалась на роли, можно было увидеть последствия обжорства, чем она страдала с детства. Однако имеется еще и другая, более глубокая и скрытая причина: пение представлялось Каллас основой существования. Я уже упоминал о ее убежденности в особой «миссии» на этой земле, и это вовсе не кажется мне большим преувеличением. Если бы в душе Каллас не горел этот живительный огонь, она не достигла бы таких высот в своем творчестве и не смогла бы создать столь незабываемые сценические образы. Похоже, что ею руководила какая-то неведомая высшая сила, которую она до поры до времени держала под контролем. Это позволяло певице перевоплощаться целиком и полностью в своих героинь. Когда эта божественная сила вышла из-под ее контроля, или, скорее, когда Мария захотела пойти наперекор своей судьбе: не отличаться от других земных женщин, остановить свою бешеную гонку по

кругу, — она в тот же момент лишилась смысла жизни…

Стоит ли подходить к Каллас с меркой, пригодной для других исполнителей? Силой своего таланта певица заставляла нас забыть обо всех издержках ее характера, которых Мария так и не сумела изжить. Если женщина в повседневной жизни не всегда оказывалась на той же высоте, что и актриса, если ее чувства порой не соответствовали тем возвышенным эмоциям, которые она показывала на сцене, стоит ли бранить ее за это? Да и можно ли в реальности жить такими же страстями, какими жили героини «Тоски» или «Нормы»? Все, чего публика хотела от Каллас, она ей безвозмездно отдала; ее личность следует воспринимать через драматургию, которой она жила на сцене, потому что именно на сцене она открывала нам свое истинное лицо. И какое значение имели ее вспышки гнева, капризы и вздорность характера?.. Настоящая Каллас жила только сценой и на сцене…

Вот в таком душевном настрое Мария Каллас в конце 1947 года начала гонку за славой, продлившуюся почти двадцать лет. Впрочем, вспоминая однажды, как все началось, она призналась: «Я была гордой, полной сил и уже имела достаточный сценический опыт. Мне предстояло покорить весьма избалованную публику. Впрочем, я не люблю подарков судьбы. Я борюсь за искусство, а не за себя лично. Вот если бы я работала только на себя, все было бы гораздо проще. Я не стремлюсь потрясти публику ради личного успеха, я только хочу придерживаться правил, принятых в искусстве. Вот почему мне выпала участь преодолеть немало трудностей… Я поняла, что создана для того, чтобы отдавать, нежели чем брать. Мне нравится и получать, но увы! Я много отдаю, а у других вовсе нет желания отдавать…»

На пороге 1948 года венецианская публика принимала молодую певицу с большим воодушевлением. И, как следствие ее оглушительного успеха, в том же 1948 году она еще семь раз спела в «Тристане и Изольде», шестнадцать раз в «Турандот», семь раз в «Аиде», четыре раза в «Силе судьбы», два раза в «Норме»; помимо Венеции она выступала в Удине, Риме, Вероне, Генуе, Флоренции, Триесте, Турине, Ровиго… Какая сумасшедшая гонка! Даже у тех, кто лишь следил за ее передвижениями, могло перехватить дыхание, но только не у нее… Исполнение каждой оперной партии требует особой драматической силы, глубины чувств и эмоций, что обычно бывает результатом длительного вживания в роль, в то время как Мария пела их в первый раз. Повсюду, где она выступала, зрительный зал встречал ее восторженными аплодисментами, особенно громкими, если

учитывать итальянский темперамент. В хоре хвалебных отзывов потерялось замечание Луизы Казелотти о том, что «высокие звуки, воспроизводимые сравнительно легко во время уроков, не совсем ей удаются, из-за чего теряются средние».

Это критическое замечание не испортило настроения Марии, поскольку к тому времени она перестала прислушиваться к советам Луизы. Менегини нашел для своей подруги другого преподавателя в лице итальянца Лузинатти. Впрочем, и помимо этого Луизе было от чего огорчаться: как она ни старалась, получить в Италии ангажемент ей не удалось. Когда Мария под влиянием Менегини посоветовала своей бывшей наставнице возвратиться к мужу в Америку, та быстро согласилась с ней, не забыв перед отъездом получить проценты по контракту, подписанному, как мы помним, Марией с Эдди Багарози в Нью-Йорке.

И все же самым судьбоносным событием, произошедшим все в том же 1948 году, была встреча с Франческо Сицилиани. Последний только что оставил директорский пост в театре «Сан Карло» в Неаполе, чтобы занять кресло директора в оперном театре Флоренции. Когда Туллио Серафин привел к нему на прослушивание Марию, она, как это часто случалось с ней даже в моменты самого оглушительного успеха, испытывала крайнюю неуверенность в себе. Дрожа от страха, она спела отрывок из оперы Беллини «Пуритане». Ее исполнение настолько покорило Сицилиани, что он перекроил программу всего театрального сезона. В соответствии с репертуаром ему надлежало показать флорентийской публике «Мадам Баттерфляй». Он решил заменить «Нормой» это произведение Пуччини. Так, 30 ноября под руководством все того же Туллио Серафина Каллас спела свою первую «Норму» из девяноста других, исполненных за всю ее сценическую карьеру. В творчестве певицы партия Нормы, безусловно, была ключевой, в ней Мария в полную силу проявила свой выдающийся талант певицы и актрисы.

Прослеживая весь творческий путь Каллас, отмеченный бешеной гонкой к вершине славы, невольно задаешься вопросом: безумное рвение, с каким она приступала к разучиванию каждой новой роли, порой, диаметрально противоположной предыдущей по тембру, новые персонажи, с которыми ей надлежало не только ознакомиться, но и вдохнуть в них жизнь, разве не требовали от нее непомерных усилий, сказавшихся впоследствии так губительно на ее таланте? В шестидесятые годы прошлого столетия, когда певице еще не исполнилось и сорока лет, ей стало ясно, что она уже не располагает всей полнотой исполнительских средств. Не стало ли это расплатой за проявленную в молодости

безудержную расточительность творческих сил? Не было ли безрассудством с ее стороны принимать все поступавшие предложения? Это были роли в операх Вагнера, Беллини, Пуччини, Верди, которые она исполняла с одинаковым старанием. Не стали ли одолевавшие ее все чаще и чаще недуги, заставлявшие отменять спектакли, следствием того каторжного труда, на который она себя добровольно обрекла? На эти вопросы имеется жесткий ответ. Есть такие безумные поступки, которые не может позволить себе даже сама фея. И за все, что с ней случилось, большая часть ответственности, безусловно, лежит на Баттисте Менегини. С того самого момента, когда он полностью посвятил жизнь будущей супруге, забросив ради нее собственные дела, он торопил ее принимать любые предложения, если они, по его мнению, достойно оплачивались. «Чтобы получить Каллас, надо платить!» — заявлял он.

И певица гастролировала по всему миру. Справедливости ради следует отметить, что в этом была не только вина Менегини. Марию обуревала невероятная жажда деятельности. Когда она, измученная гастролями, возвращалась отдохнуть на какое-то время домой, то не проходило и нескольких дней, как ей не терпелось вновь приняться за работу; все ее мысли были обращены к будущей роли. Возможно, ей не сиделось дома потому, что вопреки громким заявлениям о любви к мужу она не испытывала к Баттисте особых чувств. Она просто нуждалась в его присутствии.

Как уже было сказано, он поднимал ее дух, оказывал моральную поддержку, ограждал от забот и тягот повседневной жизни, только и всего…

Мария и сама не понимала, в чем состояла разница между истинной любовью и тем, что она принимала за любовь. Вероятнее всего, ей казалось, что Баттиста был именно тем мужчиной, к которому она испытывала до сей поры неведомое ей чувство. Она была уверена, что в ее жизни ничего другого уже не могло произойти. И только по прошествии двенадцати лет, после встречи с Онассисом, в ее сердце пробудится настоящая страсть. И все же Баттиста, так мало похожий на сказочного принца, в тот момент отвечал сентиментальным представлениям молодой девушки. Впрочем, в тот ноябрь, когда она согласилась петь партию Нормы, все ее мысли были заняты предстоящим испытанием. Вот что она писала Баттисте 11 ноября: «Плохая новость: надо, чтобы в «Норме» я носила парик. Меня хотят видеть рыжеватой блондинкой. Какой ужас! Меня затянут в нечто, похожее на корсет, обнажающий грудь. Весь костюм будет очень прозрачным… Бедная я, бедный ты, представляю, как ты будешь

переживать…»

Осваивая эту важнейшую для ее карьеры роль, Мария в буквальном смысле слова перевоплотилась в свою героиню, анализируя все тайные движения ее души, изучала все ее самые сокровенные мысли и поступки, будто предчувствовала, что до конца своих дней уже не сможет расстаться с этой ролью. «Вполне возможно, что в «Норме» есть что-то от моего характера, — признавалась она впоследствии. — Эта женщина слишком гордая, чтобы показывать свои чувства; надо ждать до самого конца, чтобы она открыла свое истинное лицо. В ситуации, сложившейся в основном по ее вине, она не могла быть ни злой, ни несправедливой. Всякий раз, когда я пою «Норму», мне кажется, что я это делаю впервые».

Понятно, что накануне своего выступления она чувствовала себя так, словно собиралась кинуться головой в омут. С момента создания шедевра Беллини в 1831 году самые выдающиеся певицы мира брались за исполнение партии Нормы. Первой исполнительницей была Паста, затем последовали Гризи, Патти и Понсель. Следует ли после этого говорить о том, что Мария не имела права на малейшую оплошность.

Первое выступление Марии Каллас в «Норме» стало поистине триумфальным и принесло ей славу певицы с неограниченными вокальными возможностями. 30 ноября 1948 года под руководством Туллио Серафина на небосклоне оперного искусства взошла новая звезда. Музыкальные критики были единодушны в своих высоких оценках, публика забросала Марию цветами. Певица закрепила свой успех 5 декабря во время второго представления «Нормы».

Журналист из «Насьон» в своей статье так проанализировал произведенное на него впечатление: «Мы ничего не знали о Марии Каллас. Однако стоило ей выйти на сцену, как мы тут же поняли, что перед нами сопрано высочайшего класса. Голос мощный, уверенный, звучный в форте, с очень нежными переходами; прекрасное владение голосом и высокая техника исполнения; совершенно особенный тембр голоса. Каллас создала персонаж, отмеченный печатью утонченной и волнующей воображение женственности. Она показала нам Норму не только суровой жрицей, но и влюбленной и разочарованной женщиной, матерью, подругой».

Вот так заканчивался 1948 год, ознаменовавшийся открытием Марии Каллас как великой певицы, и в течение пятнадцати лет она будет непрерывно приумножать свои победы, ни на секунду не останавливаясь на достигнутом. Женщина в ней все больше и больше будет уступать место актрисе…

Глава 6
Когда встречаются два священных чудовища

Все тот же 1948 год, завершившийся триумфальной постановкой «Нормы», которой Мария Каллас в буквальном смысле дала новую жизнь, подарил ей нового страстного поклонника ее таланта — Лукино Висконти. Этот человек сыграет позднее ключевую роль в развитии ее актерского мастерства. Поначалу же Лукино Висконти был всего лишь потрясенным и очарованным зрителем, бурно выражавшим свой восторг, как это умеют делать итальянцы.

«После каждого спектакля он присылал мне неимоверное количество цветов. В какой-то момент я подумала: он — сумасшедший», — скажет позже певица.

Что же касается самого Висконти, то он признавался: «Каждый вечер, когда она пела, я брал ложу в театре. Скорее всего, я был похож на буйно помешенного, когда преподносил ей цветы».

Со скрупулезностью энтомолога, изучающего поведение насекомого, он анализировал, расчленял, вскрывал каждое движение, каждое выражение лица Марии: «Ее жесты приводили нас в дрожь. Где она научилась этому? Нигде; она сама их придумала».

Напомним, что в то время оперная дива весила почти центнер, но на это слишком мелкое и незначительное для него обстоятельство знаменитый режиссер не обращал внимания: «Она была такой прекрасной на сцене; мне нравилась ее полнота, придававшая ей величественный вид. Ее нельзя было спутать ни с кем другим».

Весьма простодушное заявление, но у Висконти был собственный взгляд на женскую красоту; он уже мысленно представлял, как будет работать со столь «плавким материалом».

Так возникла любовь с первого взгляда, которая со стороны Лукино Висконти никогда не выйдет за рамки творческих отношений, однако Мария, не признаваясь в этом самой себе, переживала все перипетии романтической привязанности. Стоит ли говорить о том, что волновавшие и будоражившие кровь чувства носили только платонический характер.

Впоследствии эти две исключительные творческие личности сблизятся настолько, что в их сердцах заполыхает огонь

наивысшего духовного единения. Но пока Висконти получил возможность восхищаться талантом Марии, а ей представился случай в очередной раз совершить невозможное.

Менегини отправился в Верону, где его ждали крики, скандалы и сплетни многочисленной родни с его матушкой во главе. Тем временем Мария приехала в Венецию. Здесь по просьбе Туллио Серафина она взялась за оперное наследие Вагнера. Очевидно, певице, в венах которой текла горячая кровь жителей Средиземноморья, предстояло для исполнения роли Брунгильды, героини «Валькирии», перевоплотиться в совершенно далекий ей персонаж. Однако она обожала подобные метаморфозы. Помимо всего прочего, это было желанием самого Туллио Серафина. В то время Мария беспрекословно подчинялась воле маэстро.

Одновременно с «Валькирией» Туллио Серафин включил в репертуар оперу «Пуритане» Беллини с Маргаритой Кариозо в роли Эльвиры. В дни, предшествовавшие первому представлению «Валькирии», Мария работала над ролью с полной ответственностью и огромным воодушевлением, как всякий раз, когда впервые бралась за смелый театральный проект. Диапазон ее вокальных возможностей позволял ей разучивать даже не свойственные ее манере пения партии. По просьбе Марии в номере гостиницы «Реджина», где она проживала, было установлено пианино, за которым она ежедневно проводила много часов. В Венеции стояла зима, придавая городу дожей угрюмый вид. Мария почти не выходила из гостиничного номера. Вечером 7 января она решила немного отвлечься от оглушительных звуков музыки Вагнера и взялась для души за партитуру «Пуритан» Беллини — не надо забывать, что Мария очень хорошо играла на пианино — и мало-помалу так увлеклась, что во всю силу своего голоса начала исполнять арию Эльвиры. Она и не ведала, что у нее была внимательная слушательница: супруга Туллио Серафина. Некоторое время спустя появился и сам маэстро, которому жена все рассказала. Он попросил девушку снова спеть ту же арию. Мария охотно исполнила его просьбу, не догадываясь о том, что попала в ловушку… Однако речь шла о той самой ловушке, которая не могла ей не понравиться. Часом ранее Туллио Серафин узнал о том, что Маргарита Кариозо не сможет петь в «Пуританах». Установившаяся в Венеции сырая и холодная погода вызвала эпидемию гриппа, и певица пала его жертвой, что явилось настоящей катастрофой для Туллио Серафино. Всю ночь он размышлял над тем, как ему выйти из создавшегося положения, и в итоге принял решение.

8 января около десяти часов утра Мария еще нежилась в постели. Вечером ей предстояло петь в «Валькирии», и она

берегла силы. Неожиданно раздался телефонный звонок: Туллио Серафин попросил ее подняться в его номер.

— Но мне надо одеться! — сказала Мария.

— Неважно! — ответил музыкант тоном, не терпящим возражения. — Приходите, в чем есть!

Мария отправилась к Туллио Серафину в халате и в таком домашнем виде узнала, что всего через неделю должна будет исполнять роль Эльвиры в «Пуританах».

«В тот момент меня охватила паника, — рассказывала позднее Мария. — Вечером я должна петь в «Валькирии», а затем должны были последовать еще два представления подряд. Кроме того, я ничего не знала о «Пуританах» в целом… Ни либретто, ни музыки… Я подумала, что это безумная затея. Но Серафин уверял, что я справлюсь… Его ли доверие вдохновило меня на подвиг? Или же меня соблазнила идея совершить невозможное?.. Внезапно я почувствовала, что эта роль непреодолимо влечет меня к себе так, как пропасть стоящего на ее краю путника, у которого закружилась голова… И я заключила пари…»

Мария выиграла это пари. За одну неделю она выучила произведение Беллини, исполнив в то же время роль Брунгильды в опере Вагнера «Валькирия». О ее героическом подвиге лучше всякого комментария говорят простые строки в программе: в среду и пятницу она была Брунгильдой, одновременно разучивавшей, как одержимая, роль Эльвиры; в воскресенье утром она была Эльвирой на генеральной репетиции «Пуритан». И в тот же вечер она была снова Брунгильдой на последнем представлении «Валькирии»; на следующий же день, во вторник 19 января, она была Эльвирой, представшей впервые перед восторженной публикой и Тулио Серафином, потрясенным тем, с какой уверенностью она справилась с казалось бы невыполнимой задачей.

Надо заметить, что это первое представление оперы не обошлось без казусов: Мария успела разучить вокальную партию, но у нее оставались некоторые «пробелы» в запоминании текста оперы. В тот памятный вечер она с непринужденностью настоящего профессионала часто обращалась к помощи суфлера. Это обстоятельство сыграло с ней злую шутку: в какой-то момент ей надо было спеть «sono vergin vezzosa», что означает «я — прелестная девственница»… Возможно, суфлер недостаточно четко произнес эти слова, или же Марии послышалось что-то другое, но она пропела «sono vergin viziosa», то есть «я — порочная девственница!». И если эта нечаянная оплошность и вызвала несколько насмешливых улыбок, то ни в коей мере не повлияла на триумфальный успех, многократно усиленный

знанием совершенного ею подвига. Помимо трудностей, связанных со сценическим воплощением такого сложного персонажа, как Эльвира, Каллас должна была в то же время исполнять партию Брунгильды, что потребовало от нее пения в двух диаметрально противоположных регистрах.

Ничего удивительного не было в том, что итальянская пресса увенчала вновь испеченную королеву лавровым венком. В одной газетной статье была приведена параллель между невероятными вокальными возможностями певицы и ее драматическим талантом: «Вот уже несколько дней, как многие любители оперы вскакивают со своих мест, прочитав имя блистательной исполнительницы роли Брунгильды рядом с именем Эльвиры. Вчера вечером мы все услышали ее. Даже самые скептически настроенные слушатели с самых первых нот были вынуждены признать, что перед ними звучало вовсе не классическое традиционное сопрано. Мария Каллас, благодаря пластичности своего восхитительно прозрачного и сверкающего, как бриллиант, голоса совершила настоящее чудо. Кроме того, ее пение отличается особой теплотой и человечностью, что тщетно искать у других исполнителей роли Эльвиры».

Высказанное мнение совпало с тем, что думала сама Мария по поводу артистической стороны своего творчества. Однажды певица сказала своему большому другу Мишелю Глотсу, который впоследствии передал мне ее слова: «Я не певица, которая изображает на сцене актрису. Я — актриса, которая поет».

Что же касается Франко Дзеффирелли, непосредственно познакомившегося в последующие годы с творчеством прославленной певицы, то он был настолько потрясен феноменальными способностями Каллас, что не смог не поделиться своими впечатлениями, оставшимися у него на всю жизнь: «То, что Мария совершила в Венеции, поистине невероятно. Надо быть посвященным в тонкости оперного искусства, чтобы по достоинству оценить масштабы творческого достижения, совершенного в тот вечер. Представьте, если бы кто-то попросил Биргит Нильсон, прославившуюся исполнением арий Вагнера, заменить на следующий день Беверли Силлс, одну из лучших сопрано нашего времени».

Мария же наслаждалась обрушившейся на нее славой. Ее радовал поток хвалебных отзывов в ее адрес, но истинную гордость она испытывала от того, что все ее усилия и труды не пропали даром. Через несколько лет она, вспоминая события того исторического вечера, не смогла справиться со своим волнением: «Вначале я согласилась выполнить то, о чем меня просил Туллио Серафин, потому что это была его просьба, а я не могла отказать

ему. Но затем я поняла, что истинным мотивом моего согласия была необходимость испытать себя, открыть в себе такие способности, о существовании которых я и не подозревала. Естественно, что меня охватил жуткий страх при одной только мысли о том, что меня ожидало, но в то же время этот страх погрузил меня в состояние некой эйфории, что прекрасно для того ремесла, которым я занимаюсь. Именно страх способен на подобное эмоциональное воздействие».

В этих нескольких фразах Мария открывает нам много нового о себе: непреодолимое желание добиться совершенства в своей профессии, подняться к вершинам творчества, дать больше, чем взять. Именно это и объясняет, почему она занимает в человеческой памяти столь значительное место, а также то, почему она предпочла отказаться от всего достигнутого, когда поняла, что не может больше отвечать тем требованиям, какие предъявлялись к живой легенде.

Тем временем в качестве своеобразной расплаты за успех Мария выступала на всех оперных сценах Апеннинского полуострова. В Палермо и Турине, а также в Неаполе, где она пела на сцене знаменитого театра «Сан-Карло», и в Риме, где она вновь демонстрировала всю мощь своего артистического таланта, исполняя роль волшебницы Карди в другом произведении Вагнера, «Парсифаль», — повсюду публика принимала ее с одинаковой теплотой.

В зале присутствовал Лукино Висконти. Как и раньше, он не скрывал своего восхищения и не жалел самых восторженных эпитетов в адрес певицы: «Во втором акте она предстала полуобнаженной, едва прикрытой лоскутом прозрачного муслина. Столь соблазнительная картина заставила полностью забыть об импозантной полноте ее тела: настоящая искусительница… Вокруг ее головы был повязан тюрбан, который сползал всякий раз, когда она брала высокую ноту, и ей приходилось то и дело поправлять его…»

Эти эмоциональные, пылкие слова были произнесены выдающимся деятелем искусства, находившимся под впечатлением только что увиденного на сцене. Несмотря на высокое мнение о сексуальной привлекательности Марии, нам не следует обольщаться: Висконти восхищался ею как женщиной только как эстет… Мария в какой-то момент ошибочно приняла похвалу со стороны утонченной артистической натуры за сексуальное влечение мужчины… Остается только сожалеть, что имело место столь досадное недоразумение, поскольку это не лучшим образом отразилось на взаимоотношениях двух гениальных творцов и оставило неприятный осадок в женском

сердце.

Кстати, что творилось в душе певицы, вовлеченной в водоворот творческой деятельности, оглушенной аплодисментами и ушедшей с головой в работу? На личную жизнь у нее не оставалось ни времени, ни возможности: театр требовал от нее отдачи всех жизненных сил. Мария уже принадлежала не себе самой, а своему творчеству. Она не отличалась крепким здоровьем, как это ни казалось со стороны: уже тогда у нее были нарушения сердечно-сосудистой системы, но она и не думала лечиться. Туллио Серафин требовал, чтобы она ложилась в постель не позднее 10 часов вечера. Она делала вид, что подчинялась, но продолжала работать до рассвета над партитурой.

Сохранилось ли при такой безумной гонке хоть немного места для Баттисты в сердце Каллас? Менегини в своей книге, посвященной супруге, пытается нас убедить, что да. Однако имеются беспристрастные свидетели, не разделяющие его оптимизма. Обратимся вновь к высказыванию Мишеля Глотца, чье мнение является для нас особенно ценным, поскольку он вел с Марией долгие и откровенные разговоры: «Она относилась к Менегини с большим уважением; в нем она нашла отца, поскольку ее настоящий родитель проживал в Америке, а она нуждалась в отцовской любви. Менегини занял в сердце Марии место отсутствовавшего отца, но это чувство не имело ничего общего со страстной любовью к мужчине».

Однако после смерти бывшей супруги Менегини из кожи вон лез, чтобы убедить весь мир в том, что примадонна оперной сцены испытывала к нему самые пылкие чувства. Он доходил до того, что рассказывал, как делил с ней постель в отеле «Режина» в Венеции, когда Туллио Серафин вызвал певицу к себе. К тому моменту Менегини уже вернулся в Верону, где улаживал скандал с родственниками, в то время как Мария пребывала в городе дожей в полном одиночестве. Позднее певица все так же без Менегини, по всей видимости, не слишком переживая из-за его отсутствия, колесила по всей Италии. В то время Туллио Серафин уже взял ее под свое покровительство и руководил не только ее работой, но и проявлял заботу о ее самочувствии. Выходит, что Мария, по крайней мере тогда, вовсе не нуждалась еще в одном опекуне.

Впрочем, она нам представила самое веское доказательство на следующий же день после свадьбы. В конце концов Менегини решил, что настало время придать их взаимоотношениям официальный характер, даже если ему и придется пойти на разрыв с семьей. Что же касалось Марии, то помимо уважения к

нему она считала, что ее Титта заслуживал некоторого поощрения за служение ей верой и правдой на протяжении двух лет. И все же этим решением она лишний раз доказала, что не имела мужества самостоятельно управлять своей жизнью. Ей было хорошо известно, что покровительство Туллио Серафина носило временный характер: все зависело от того, как долго она будет петь под его руководством, — в то время как узы брака обеспечивали ей стабильные отношения с Баттистой. Однако главным обстоятельством, ускорившим принятие решения как Марии, так и Менегини и являвшимся более важным, чем соображения сентиментального характера, был стремительный взлет карьеры молодой женщины. Распространившийся по всей Италии слух о головокружительном успехе певицы, словно след кометы, вырвался за пределы границ этого государства. Престижный театр «Колон» в Буэнос-Айресе пригласил ее участвовать в постановке сразу трех опер: «Турандот», «Норма» и «Аида». Спеть арии Пуччини, Беллини и Верди перед искушенной публикой на сцене, видавшей всех мировых оперных звезд, когда в распоряжении имелся всего только месяц с небольшим для разучивания их музыки, — вот что представлялось Марии захватывающе интересным, являясь новой пробой сил, а вместе с тем и испытанием для нервной системы.

Отъезд был назначен на 21 апреля того же 1949 года. Менегини оставался в Италии, и потому было решено сыграть свадьбу, которая не обошлась без комических приключений. Свадьба Каллас напоминала комедию времен немого кино, где герои все время бегают за каким-то необходимым им предметом, но так и не находят его.

В самом деле, после того как Мария дождалась наконец документов, подтверждавших ее гражданское состояние, из Соединенных Штатов и из Греции, Менегини обратился в Ватикан с просьбой о разрешении на брак. Поскольку Мария была православного вероисповедания, а он — приверженцем Римско-католической церкви, церковный брак между ними без разрешения Ватикана был совершенно немыслимым в Италии. Однако Ватикан не торопился выдать столь необходимый документ. В конце концов Менегини узнал, откуда ветер дул: одному из его братьев удалось через Римскую курию заблокировать его досье. И теперь всякий раз, когда Баттиста звонил в Рим, он получал разные варианты одного и того же ответа: либо не хватало какой-то печати, либо подписи того или иного важного должностного лица… Несчастный жених уже не знал, какому святому молиться — и это меньшее, что можно сказать! Он удвоил свои хлопоты перед высшими церковными

властями и молитвы перед Пречистой Девой, однако Ватикан по-прежнему тянул с разрешением на брак.

Между тем неумолимо приближалась дата 21 апреля — день отъезда Марии. Нервы молодой женщины были на пределе. Нам известно, что певица была весьма суеверной особой: в затягивании сроков свадьбы ей начало мерещиться дурное предзнаменование. И она уже подумывала об аннулировании контракта с импресарио из Аргентины! Можно догадаться, что сказал Туллио Серафин, когда она сообщила ему по телефону о таком повороте событий. Короче говоря, развертывалась настоящая драма по-итальянски… И вдруг произошло настоящее чудо: именно 21 апреля, в полдень, некий фабрикант, занимавшийся производством электрических плит, по имени Марио Орланди с торжествующим видом принес Менегини долгожданное разрешение на брак. Мы знаем, что пути Господни неисповедимы, но какими кривыми дорожками прошел этот достойный торговец электроплитами, чтобы раздобыть столь ценную бумагу, никто не узнает вовеки. Деньги способны делать чудеса даже в приемной Ватикана…

Как бы там ни было, бракосочетание было назначено на 4 часа дня в церкви Филиппини, родном приходе Менегини. Неожиданно возникло новое препятствие — на этот раз со стороны кюре. Дон Отарино — подобное имя встречается только в водевиле — разбушевался не на шутку: он отказывался венчать в стенах своей церкви православную и католика! К счастью, священнику пришла в голову удачная мысль, способная все уладить. Помещение старой ризницы, служившее ему кладовкой, где он хранил вышедшие из употребления статуи святых и сломанные стулья, не утратило своего статута освященного места, и достаточно было навести небольшой порядок, чтобы дело могло быть сделано. Проще говоря, он решил провести церемонию бракосочетания в помещении старой ризницы. Вот так посреди самых разнородных предметов и старого хлама Мария Каллас стала госпожой Менегини в присутствии всего двух свидетелей. Один из них и был тот самый сеньор Орланди, торговец электроплитами, который по праву заслужил эту честь…

Сразу же по окончании церемонии новоиспеченные супруги отправились из Вероны в Геную, где Марию с нетерпением ожидал Туллио Серафин. Ровно в полночь пароход «Аргентина» поднял якорь и отплыл в направлении Буэнос-Айреса, увозя на своем борту молодую жену господина Менегини. Таким образом, Мария отправилась в свадебное путешествие… без мужа. Вот что позднее написал Баттиста: «На генуэзском пирсе я испытал одно из самых тяжелых расставаний в моей жизни. Прошло всего

восемь часов после того, как мы с Марией поженились. К нашей радости примешивалась горечь предстоящей разлуки».

Этот медовый месяц, мягко говоря, был довольно странным. Мы лишний раз убеждаемся в том, что для Марии карьера была превыше всего. Впрочем, она и сама этого не отрицала: «У меня не было личной жизни. Актриса должна принадлежать своему искусству…»

И это было правдой… до встречи с Онассисом. Однако всему свое время. А пока Мария, дрожа от нетерпения поскорее пережить новые музыкальные впечатления, в приподнятом настроении направлялась на пароходе в Южную Америку. Но молодая женщина не забывала и своего Титта, которого оставила на причале в порту Генуи. Она отправляла ему одно нежное послание за другим, на что впоследствии будет ссылаться Баттиста, уподобляясь нанимающемуся на работу служащему, предъявляющему рекомендательные письма. Мы можем процитировать отрывки из них:

«Мой Баттиста, почему ты отпустил меня? Надеюсь, ты больше не позволишь мне уехать так далеко и так надолго. Помни, любимый, что я по-настоящему живу только тогда, когда ты рядом со мной».

Или вот еще:

«Любовь моя, моя любовь, моя великая любовь! Похоже, что Бог решил покарать меня за любовь к тебе. Почему я должна находиться в разлуке с тобой в то время, как я не могу жить без тебя?..»

Столь нежные признания могут навести на мысль о том, что Мария испытывала к Баттисте самые пылкие чувства. Однако следует учитывать вообще склонность певицы к высокопарным высказываниям. В обычной жизни она продолжала вести себя так, словно находилась на сцене. В действительности же, как однажды признался мне Марио дель Монако, путешествовавший на том же пароходе вместе с Марией, она пребывала в отличном настроении, шутила с коллегами, с помощью Туллио Серафина усердно изучала партитуру «Травиаты». И вовсе не потому, что должна была петь в этой опере, а просто так, «для души»… Короче говоря, на протяжении всего путешествия она никому не портила настроения и не играла роль женщины, льющей слезы из-за разлуки с любимым мужем, даже несмотря на то, что погода отнюдь не была благоприятной, и Мария много дней страдала от морской болезни.

Впрочем, когда она спускалась с трапа в Буэнос-Айресе, у нее был весьма усталый вид. К тому же у нее вновь обострилось сердечно-сосудистое заболевание. И понятно, что, вынужденная

петь в таком состоянии на первом представлении оперы «Турандот» в театре «Колон» 20 мая, она не набрала привычных ей очков. Критик в «Насьоне» — крупнейшем издании Буэнос-Айреса — отметил, что она преодолела огромные трудности, однако не затмила в этой роли своих знаменитых предшественниц. Он восхитился ее средним регистром голоса, но отметил «несколько форсированных высоких звуков» — упрек, который уже однажды высказывался в адрес Марии и будет высказываться еще не раз. Вместе с тем критик, без сомнения, был очарован ее артистическим мастерством, поскольку добавил в своей заметке: «Однако, бесспорно, она искупает все своим магнетическим присутствием».

17 июня, исполняя партию Нормы, Каллас уже объединила в восторженном порыве и зрителей, и критиков. Она выступила с блеском и как певица, и как драматическая актриса. В этот вечер ее репутация звезды мировой величины поднялась на новую высоту, а роль Нормы превратилась для нее в амулет, приносивший успех за успехом на протяжении многих лет.

2 июля она исполнила Аиду на сцене все того же театра «Колон», а 9-го спела на аргентинском телевидении и могла наконец вернуться в старую добрую Европу… к своему старому мужу.

Тем временем Баттиста обустроил просторную квартиру, выходившую окнами на «Арену», непосредственно над служебными кабинетами своего предприятия на улице Сан-Фермо в Вероне. Посетивший «молодоженов» Дзеффирелли не пришел в восторг от увиденного. Обилием «режущей глаз» позолоты, розовых портьер и ковров, обоев самых кричащих расцветок, мебели, представлявшей смешение всех стилей, без учета какой-либо гармонии, интерьер домашнего очага четы Менегини показался ему образцом вопиющей безвкусицы. Можно ли верить Баттисте, когда он надменно заявил, что не нес ответственности за внутреннее убранство апартаментов? Впоследствии он будет утверждать, что госпожа Менегини не захотела никому уступать возможности обустроить ее семейное гнездышко и собственноручно выбирала ткани, мебель и безделушки. Более того, годы спустя он все еще будет облизываться при воспоминании о тех вкуснейших блюдах, которые ему готовила его прославленная супруга. По его словам, у Каллас открылся талант искусной поварихи и она проводила на кухне больше времени, чем за пианино, хотя известно, что уже с 18 сентября она находилась в Перузе, чтобы петь ораторию, единственную в ее творческой карьере. Некоторое время спустя она записала ее на двух пластинках в 78 оборотов в Турине для итальянской

фирмы «Сетра», Затем исполнением роли Абигаль в «Набукко» Верди она открыла оперный сезон в театре «Сан-Карло» в Неаполе. Так что, похоже, ее дорогому Титта, чтобы не умереть с голоду, приходилось питаться в ресторане. Кроме того, никто из опрошенных мною друзей Каллас не вспомнил, чтобы она проявляла какой-либо интерес к кулинарии. С той поры, когда вначале своей карьеры она еще могла приготовить себе яичницу, ее привычки сильно изменились. Очевидно, что в этой области, как и в некоторых других, Менегини принимал желаемое за действительное. Однако не следует делать из этого вывод, что их брак был неудачным. В первые годы совместной жизни Мария и Титта создавали впечатление дружной семейной пары, хотя порой и выставляли напоказ свою нежную дружбу. Однако мало-помалу эта гармония разрушалась; по мере того как Каллас приобретала известность звезды мирового значения, она все больше и больше задавала тон в семье, в то время как Менегини постепенно превращался в некого «семейного импресарио», проявлявшего твердость характера только перед директорами оперных театров, когда обсуждал с ними сумму контрактов своей знаменитой супруги, торгуясь со скупостью мелкого лавочника.

Имеется еще одно обстоятельство, вносившее разлад в отношения между супругами: певица зарабатывала все больше и больше денег, в то время как бывший промышленник все больше и больше их терял. В итоге Баттиста продал свое предприятие, чтобы полностью заняться делами жены. Несмотря на то, что все денежные расчеты находились в его руках, в какой-то степени он потерял свою финансовую независимость. На средства Каллас уже была построена вилла Сирмион на озере Гард, ее же деньгами оплачивались и многочисленные роскошные украшения Марии. Так, Баттиста постепенно превращался в «господина Каллас»; певица в качестве моральной поддержки супруга на протяжении десяти лет подписывала все контракты как Мария Менегини-Каллас.

Интересно, о чем думала Евангелия в то время, когда ее дочь все выше и выше поднималась по лестнице, ведущей к славе? Конечно, ее мечта сбылась: дочь стала звездой. Однако это произошло без ее участия, вдали от нее, почти назло ей. Разумеется, мать и дочь продолжали вести переписку через Атлантический океан, но их письма не отличались особой душевностью. Как уже говорилось, после знакомства с Баттистой Мария поставила мать в известность о своих планах относительно замужества. И тем не менее на следующий день после бракосочетания Мария поспешила сообщить эту новость Эльвире де Идальго в длинном послании, изобиловавшем признаниями в

глубоком уважении, в то время как матери она удосужилась послать только короткую телеграмму на итальянском языке: «Мы поженились, и мы счастливы».

В своих мемуарах Евангелия рассказала о том, как в ответ послала дочери букет белых цветов вместе с письмом, где дала ей весьма показательные наставления: «От всей души я пожелала ей счастья с этим мужчиной, но напомнила, что прежде всего она в долгу перед публикой, а не перед мужем. Она мне ответила, что Менегини целиком и полностью согласен со мной. Я была рада, что рядом с Марией находился такой великодушный человек. Я написала об этом моему зятю, который был старше меня по возрасту. Он мне ответил, что отныне у Марии имелись два любящих ее человека: ее мать и он сам. Я никогда не встречалась с Менегини, но уверена в том, что с этого момента мы понимали друг друга так, как понимали Марию. Мы знали, что моя дочь, такая уверенная в себе на первый взгляд, будет всегда нуждаться в том, чтобы кто-то любил и опекал ее».

Евангелия, как никто другой знавшая свою дочь, была в курсе всех ее скрытых от посторонних глаз комплексов. Матери хотелось навсегда остаться единственной наставницей оперной дивы, и потому она едва скрывала досаду из-за появления в жизни Марии более близкого человека, называя его «зятем, который старше меня». Вопреки собственным словам Евангелия отнюдь не была в восторге от замужества дочери. Рассказывая в воспоминаниях о том, как в Нью-Йорке был устроен прием в честь новоиспеченных супругов, Евангелия пыталась заставить публику поверить в то, что в ее материнском сердце наконец-то улеглась тревога за дочь. Она обманывала себя и нас. В действительности Евангелия отныне будет относиться к Баттисте Менегини не иначе как к сопернику. И он отплатит ей той же монетой. Они открыли миру свои истинные взаимоотношения после смерти Марии, когда затеяли яростную базарную склоку из-за наследства певицы.

Впрочем, все это случится в будущем, а пока очень скоро карьера певицы потребует ее возвращения на американский континент. Встреча двух женщин, вместо того чтобы сблизить, разведет их навсегда в разные стороны.

Глава 7
Гнев и слезы

Настал черед Мексики пригласить к себе новую звезду. Однако не успела Мария откликнуться на это предложение, как произошло событие, которое могло бы стать судьбоносным в карьере певицы: первое выступление на сцене самого престижного оперного театра «Ла Скала» в Милане. По какой причине приглашение выступить в «Ла Скала», свидетельствовавшее о мировом признании исполнителя, Каллас посчитала рядовым событием в своей творческой жизни, в то время как зал этого прославленного в истории театра, вплоть до пятого яруса был набит до отказа самой изысканной публикой? Когда в зале присутствовал сам президент Итальянской республики? Первый блин, как говорится, вышел комом, так как в тот момент об ангажементе певицы не шло и речи: двери «Ла Скала» перед Марией не распахнулись широко, а лишь слегка приоткрылись. Директор знаменитого театра Антонио Гирингелли пригласил оперную диву исполнить партию Аиды в одноименной опере Верди вместо внезапно заболевшей Тебальди, которая совсем скоро станет главной конкуренткой Марии. В тот момент Гирингелли был вынужден обратиться к Марии. Я говорю «вынужден» отнюдь не случайно, поскольку директор «Ла Скала» терпеть не мог молодую исполнительницу. Она платила ему той же монетой. Они и не пытались скрывать от посторонних глубокую взаимную неприязнь. Впрочем, Антонио Гирингелли был еще тем фруктом… Он чаще наведывался за кулисы к молоденьким танцовщицам и хористкам, чем заглядывал в свой директорский кабинет. Его «благосклонное отношение» к женской части персонала театра было известно всему Милану. Существовала еще одна, не менее веская причина — Каллас не любила роль Аиды, как, впрочем, и все это произведение Верди. Такой вывод можно сделать из интервью, которое она дала журналистам, пришедшим узнать о том, какое впечатление произвел на нее миланский оперный театр. «Ла Скала» — большой театр, — заявила она, — но я — близорука, и потому для меня все театры одинаковы».

О миланской публике она высказалась также без особой теплоты: «Что вы хотите, чтобы я сказала о публике? Если я пою хорошо, люди аплодируют; если им что-то не нравится, они свистят. Во всех городах одно и то же…»

Когда кто-то из присутствовавших осмелился намекнуть ей

на некоторые вокальные погрешности в ее пении, она с раздражением заметила: «Легче всего критиковать. Я пою, как могу. Тем хуже для тех, кому это не нравится».

Столь резкие высказывания певицы перед спектаклем отнюдь не способствовали установлению благожелательной атмосферы как при встрече с журналистами, так и в зрительном зале, где ей предстояло выступать. Слова певицы лишний раз подтверждают, какой ужас она испытывала перед выходом на сцену. Своими дерзкими ответами Мария неумело маскировала свой страх.

Марио дель Монако, выступавший в том же составе исполнителей оперы Верди, поделился однажды со мной своими воспоминаниями о первом выступлении Марии в «Ла Скала»: «В момент выхода на сцену она дрожала как осиновый лист, однако умение владеть собой, свидетельствовавшее о ее высочайшем профессионализме, помогло ей взять себя в руки, и публика ничего не заметила. Впрочем, ее пение было превосходным, однако она не была принята публикой с тем же триумфом, который до этого сопровождал каждое ее выступление».

Зрители, безусловно, наградили певицу аплодисментами, но не столь бурными, как обычно. Вероятно, оперных фанатов остудили неосторожные высказывания певицы перед представителями прессы. И журналисты, в свою очередь, не были щедры на похвалу. Что же касается Гирингелли, то он хранил молчание. Пришлось забыть о долгосрочном ангажементе, на который рассчитывали Мария и ее муж. Последний в своих воспоминаниях рассказал, как, стоя у двери в гримерную жены, он ждал визита Гирингелли, однако тот, не замедляя шаг, прошел мимо. Кроме того, Менегини с возмущением привел цитату из наиболее едкой статьи, появившейся на страницах «Курьер Ломбардо».

«Мария Каллас, хотя уже и ветеран (!) на сцене, но впервые спевшая в «Ла Скала», не произвела на меня большого впечатления, — писал критик. — Если она и проявляет недюжинный темперамент и высокую музыкальность, то в регистре ее голоса нет гармонии. Певица, похоже, импровизирует от одной ноты к другой, издавая звуки, совершенно не связанные между собой; она берет высокие ноты в ущерб общей тональности».

Позднее в одном из интервью, опубликованном в «Экспрессе», Мария Каллас высказалась по поводу своего первого выступления на сцене «Ла Скала» с полной объективностью: «Это был вовсе не провал. В то время в «Ла Скала» было не так-то легко пробиться; здесь выступали певцы, уже добившиеся мирового признания. Мне ничуть не было обидно. Передо мной была слишком

избалованная публика. Мне случалось и раньше получать оплеухи. Еще в ранней юности я вызывала зависть: мало кому нравилось, что пятнадцатилетняя девчонка получала первые роли…»

Мария не кривила душой, когда признавалась, что главное в ее жизни — служение искусству, независимо от того, какой ценой ей это давалось. Впрочем, что касалось «Ла Скала», то вскоре она возьмет реванш за неудачный дебют на сцене этого театра. Но в тот момент она вновь торопилась «вырваться из супружеских объятий», согласившись на ангажемент во Дворце искусств в Мехико. Однако для начала она решила заехать в Нью-Йорк, чтобы повидаться с родственниками, в том числе со своим крестным отцом доктором Лонтцаунисом, проявлявшим по отношению к ней в детстве поистине отеческую заботу. Вспомним хотя бы то, что семейство Каллас до сих пор еще не вернуло ему 700 долларов, которые позволили в свое время Евангелии возвратиться вместе с дочерью в Грецию.

Мария мечтала предстать перед матерью в новом качестве звезды, но в аэропорту ее встречал только отец. Евангелия находилась в больнице, где лечила какую-то глазную болезнь. В сопровождении отца Мария поспешила навестить мать.

«Когда Мария вошла, я с трудом узнала ее, — вспоминала позднее Евангелия. — От нее веяло ледяным холодом, она похудела и выглядела слишком тощей для певицы, имеющей столь сильный голос. Присев у моего изголовья, она слегка оттаяла. Мария повторила, что хотела бы увезти меня с собой в Мексику, чтобы я послушала, как она поет, и дать мне денег на дорогу. Я ответила, что, наверное, этими деньгами было бы лучше расплатиться за мое лечение в больнице, чем заставлять раскошеливаться ее отца.

— Я возмещу его расходы, — сказала она, — а эти деньги для тебя…»

И в этом случае не следует принимать на веру слова Евангелии. Сочиняя свои воспоминания, она изо всех сил старалась скрыть свою размолвку с дочерью. По меньшей мере, странным кажется ее замечание относительно худобы Марии. Если она и сбросила несколько килограммов веса, назвать молодую женщину тощей на тот момент было большим преувеличением. Если только глазная болезнь не лишила Евангелию зрения! Метаморфоза произойдет с Марией только в середине пятидесятых годов, когда певица с более чем избыточным весом превратится в соблазнительную стройную красотку. Кроме того, Евангелия ошибалась, когда говорила о предполагаемой поездке в Мексику в 1949 году. Это произойдет

годом позже.

Во время недолгого пребывания Каллас в Нью-Йорке произошел трагикомический случай, который мог иметь самые печальные последствия. В этой поездке Марию сопровождала молодая певица Джульетта Симионато. После посещения Евангелии в больнице Георгиос отвез молодых женщин в свою квартиру. Симионато мучила жажда, и отец Марии налил ей в стакан… средство для уничтожения тараканов! Он перепутал в холодильнике бутылки. Удивительная оплошность для дипломированного фармацевта! Несчастной, разумеется, стало плохо, и Мария даже опасалась самого худшего. К счастью, яд, убивавший наповал тараканов, оказался безвредным для человека, и уже на следующий день обе певицы смогли продолжить свое путешествие.

«В Мехико нас встретил директор оперного театра Пани, — написала Мария мужу. — В гостинице я приняла ванну и проспала до половины второго; затем меня разбудили, когда принесли цветы, присланные Пани от театра. Здесь все со мной носятся как с писаной торбой, и мне бы хотелось, чтобы так продолжалось всегда…»

Однако ее радость была недолгой. Не прошло и двух недель после того, как ее муж получил это письмо, а Мария уже взывала к нему о помощи: «Я нахожусь в полной изоляции, совсем одна, как последний пес. К счастью, со мной находится Симионато, которая составляет мне компанию. В этом театре невозможно работать, так как нет репетиционного зала. Уверяю тебя, что здесь есть от чего лишиться разума. Прошлым вечером «Аида» прошла как по маслу. Публика была в восторге, но аплодировала только мне и Симионато на зависть всем остальным. Я стараюсь изо всех сил, чтобы избежать нервного срыва, иначе плохо придется и мне и моему окружению».

Весьма красноречивое признание, показывающее, что Мария знала себя, как никто другой. Над ней словно тяготело проклятие: обстоятельства упорно складывались не в ее пользу; даже когда она пребывала в самом благодушном настроении, всегда происходил какой-либо инцидент, напоминавший греческую трагедию!

Это случилось и в Мехико. В «Аиде» партнером Марии оказался довольно известный певец из Германии Курт Баум. Можно сказать, что он был не очень, а точнее сказать, очень не симпатичен Марии, на что отвечал ей взаимностью. И вот в первом акте партнер решил перепеть Марию перед публикой. Он тянул высокие ноты дольше положенного, отчего Мария пришла в ярость. В антракте она организовала настоящий заговор против

Баума. Певица привлекла на свою сторону Николу Москона, того самого, который в начале певческой карьеры Каллас смотрел на нее свысока, и тогда Мария дала себе слово никогда не петь с ним на одной сцене. Но мы уже знаем, что к словам примадонны никогда нельзя было относиться всерьез. И вот она, помирившись и договорившись с Москоной, во втором акте взяла контр-ми-бемоль и тянула эту ноту так долго, как только могла. Теперь наступил черед Баума прийти в ярость. Забегая вперед, скажем, что певец поклянется никогда больше не петь в паре с Марией, но и он не сдержит слово. А пока что в третьем акте он попытался взять реванш и перепеть Каллас, но она, разгадав его намерение, не стала чинить ему препятствий. И исполнение оперы начало больше походить на цирковое представление. Публика, включившись в игру, поддерживала аплодисментами то одного, то другого «акробата», в конце концов падавших на колени.

Подобная игра в кошки-мышки между артистами мировой известности могла показаться чистым ребячеством, что так и было на самом деле. Но это не вызывает удивления. Мелочные склоки, закулисные интриги, «кровавые» разборки, фальшивая дружба против того или иного соперника на фоне сплетен и неискренних комплиментов — такова темная сторона едва ли не каждого оперного театра. Мария Каллас не была исключением из этого досадного правила. Величайшая певица второй половины XX столетия вела порой против своих соперников настоящую, если можно так выразиться, партизанскую войну, недостойную исключительной личности и таланта. Здесь женщина затмевала в ней звезду…

Что касалось семейной жизни, то пребывание Марии в Мехико ознаменовалось одним весьма примечательным событием — последней встречей с матерью. Евангелия после болезни восстанавливала свои силы быстрее, чем можно было предположить. Едва встав на ноги, она поспешила в дорогу. В аэропорту, куда она приехала в сопровождении мужа, между супругами вспыхнула очередная ссора: Георгиос, не утративший чувства реальности, хотел, чтобы его жена обзавелась страховым полисом, в то время как Евангелия, испытывавшая панический страх перед первым в своей жизни полетом, опасалась, что подобный документ принесет ей несчастье, и потому категорически отказывалась.

Если же говорить о приеме, который устроила Мария своей матери, то на этот раз мнение женщин почти совпало. В своих воспоминаниях Евангелия писала: «Мария ждала меня на аэродроме. У нее, как мне показалось, был какой-то отчужденный вид. На первый взгляд она была вполне доброжелательна по

отношению ко мне. Однако между нами исчезла былая теплота. Мария отдавала мне дань уважения, словно я была для нее дальней родственницей, к которой относятся по принципу: чем реже видишь, тем больше любишь…»

В свою очередь, Мария призналась Менегини в письме: «Приехала моя мать, и мы снова вместе. По правде говоря, я очень нервничаю и терроризирую бедняжку. Я сейчас переживаю самый неприятный период в моей жизни; надо вооружиться терпением».

Терпение и в самом деле являлось самой необходимой добродетелью для того, кто хотел сохранить добрые отношения с Марией. Настроение оперной дивы могло испортить множество факторов. Например, в тот июнь 1950 года ее угнетала удушающая жара, стоявшая в Мехико. Кроме того, ссоры с Куртом Баумом, а также с другими артистами труппы, в том числе и с верной подругой, имеющей, кстати, ангельский характер, Джульеттой Симионато, создали вокруг Марии самую неблагожелательную атмосферу. Ко всем мелким неприятностям, выводившим певицу из душевного равновесия, то и дело добавлялись другие: то вскакивал прыщик на лице, то ей не нравился темный грим, который приходилось наносить на лицо, чтобы играть Аиду. Единственное утешение: она сбросила еще несколько килограммов веса. Да и публика, так же как и пресса, с восторгом принимавшая каждую ее новую роль, доставляла ей глубокое удовлетворение.

Если Евангелия порой на что-то и жаловалась, то в это же время с видимым удовольствием играла роль матери примадонны, с гордостью принимая все связанные с этим знаки внимания. Позднее в своих воспоминаниях она рассказала о том, как во время своего пребывания в Мехико душой и телом была предана дочери, как прислуживала ей во веем: одевала ее, стирала ей чулки и лифчики и каждый вечер после выступления делала ей массаж. Ее отношения с дочерью походили на раскачивание на качелях в зависимости от настроения оперной дивы. И все же следует отметить, что в этот раз хорошего между ними было больше, чем плохого, поскольку Мария сама ходила по магазинам, выбирая для матери в подарок норковое манто и вовсе не стараясь сэкономить на его качестве. И десять лет спустя Евангелия будет все еще щеголять в этом вошедшем в историю манто, замечая в своих воспоминаниях, «что оно до сих пор имеет эффектный вид».

В начале июля, после последнего представления «Трубадура», где Мария и Курт Баум вновь затеяли свою излюбленную игру в «того, кто споет громче и дольше», оперная дива собиралась в

Мадрид, чтобы оттуда направиться в Милан. В аэропорту — и как вовремя! — Мария передала матери 700 долларов, взятые когда-то в долг у доктора Лонтцауниса, которого можно назвать образцом долготерпения.

Евангелия, решив использовать до конца возможность пожить на широкую ногу за чужой счет, осталась погостить в Мехико еще на несколько дней. Догадывалась ли Мария, прощаясь с матерью, что это была их последняя встреча? Можно лишь сказать, что расставание с Евангелией нисколько не опечалило ее. Похоже, отношения между двумя женщинами к тому времени были уже настолько натянутыми, что могли вот-вот порваться. Кто мог тогда предположить, что через тридцать лет смерть дочери сделает мать миллионершей?

Между ними разверзлась еще большая пропасть благодаря полемике, поднятой желтой прессой. Если Мария, казалось, нисколько не интересовалась судьбой матери, то Евангелия, жаловавшаяся всем, что жила в полной нищете, в то время как Мария зарабатывала миллионы долларов, не долго думая, написала об этом в своих воспоминаниях, чтобы свести счеты с собственной дочерью. И ужаснее всего то, что рассказал мне Мишель Глотц, во время одного из выступлений Марии в «Метрополитен-опере» в Нью-Йорке собственными глазами видевший, как Евангелия освистывала дочь… Мария, в свою очередь, не осталась в долгу и написала своей сестре письмо, порадовавшее желтую прессу, ибо мать тут же опубликовала его в газетах — весной 1952 года. А обстоятельства появления такого письма были следующими. Когда Мария вместе с мужем жила в Вероне, ее старшая сестра Джекки написала ей, что окончательно порвала отношения с Милтоном, с которым, как помним, была помолвлена более десяти лет. Пользуясь случаем, она попросила у сестры денег. Эта просьба более чем не понравилась Марии, что она выразила в ответном послании, сообщив Джекки, что вовсе не собирается оказывать ей материальную помощь, и прося впредь больше ее не беспокоить. Закончила же она свое письмо весьма красноречивым «советом»: «Теперь стоит хорошая погода, так как наступило лето. Отправляйся проветриться на пляж. Если, как ты говоришь, у тебя нет денег, то тебе не остается ничего, как броситься в воду и утопиться».

Более прямолинейного ответа не придумать! По правде говоря, не следует принимать всерьез заявление оперной дивы: настроение порой диктовало ей слова, нисколько не соответствовавшие ее чувствам.

Отвечая газетчикам на критику в свой адрес, Мария посчитала необходимым расставить все точки над «i»: «Правда

состоит в том, что в конце 1950 года моя мать потребовала у меня денег, а я отказала ей. Немногим раньше она жила вместе со мной и на мои средства в Мехико. Я купила ей норковое манто и сделала много других подарков. Я оплатила один из ее долгов на сумму около тысячи долларов. Еще тысячу долларов я дала ей на личные расходы, посоветовав, чтобы она тратила эти деньги, по крайней мере, на протяжении года. Она вполне могла обойтись этой суммой, поскольку уже сэкономила целых 1500 долларов. Таким образом, из 3 тысяч долларов, которые я рассчитывала привезти из Мехико, у меня на руках не осталось и тысячи. Однако этой суммы мне бы хватило. Но вот не проходит и двух месяцев, как моя мать потребовала еще денег, что разозлило меня. К тому времени уже год, как я была замужем и не могла делать из своего супруга дойную корову. Далее моя мать надумала развестись и бросить моего старого и больного отца. Тогда я решила, что с меня хватит».

Не вдаваясь в подробности столь неприглядной истории, все же хочется сделать два замечания: «почти 1000 долларов» долга, возмещенного Марией, представляли собой именно те 700 долларов, возвращенных доктору Лонтцаунису. Она же сама и воспользовалась этими деньгами, поскольку они были потрачены на дорогу для ее возвращения в Грецию вместе с Евангелией. Что же касалось «старого и больного отца» Георгиоса Калласа, то развод не принес ему больших огорчений, так как вскоре он снова женился. Из этого следует, что острая неприязнь Марии к матери имела какие-то другие, более веские причины. Нам известно, что в детстве Мария чувствовала себя обделенной материнской любовью. Кто способен оценить обиду, нанесенную неокрепшей детской душе, когда родная мать отдавала предпочтение старшей дочери только из-за того, что та была красивее и способнее ее? Несмотря на все уверения Евангелии в обратном, у нас имеются неоспоримые доказательства того, что именно Джекки была ее любимицей, а вовсе не Мария.

Дотошная скрупулезность, с которой Мария подсчитывала свои расходы перед журналистами, заставляет нас задаться вопросом: Каллас была скупой? Знавшие ее близко люди, в частности Мишель Глотц и Жак Буржуа, единодушны в своем мнении: да, это было так. Звезда бельканто очень не любила тратить деньги. Памятуя о пережитых тяжелых временах, она испытывала постоянный страх перед нищетой, как это часто происходит с теми, кто бедствовал в юности.

Семейные неурядицы ничуть не повлияли на профессиональную карьеру Марии. Отныне и впредь она будет

большими шагами идти к всемирной славе. Не успев прибыть в Старый Свет, Мария вновь подтвердила свою всестороннюю одаренность. Лукино Висконти, как помним, давний поклонник ее певческих способностей, познакомил ее с людьми из творческого союза «Амфипарнас», куда входили представители римской творческой интеллигенции, придерживавшейся левых взглядов. Висконти и сам не делал секрета из того, что вступил в коммунистическую партию, несмотря на то, что был сыном герцога, а может быть, именно из-за этого… Бравада денди.

Надо отметить, что новое высоко интеллектуальное окружение Каллас нисколько не походило на то общество, в котором до сих пор она вращалась. У нее установились самые доверительные и теплые отношения с членами «Амфипарнаса», который решил возобновить постановку оперы «Турок в Италии», сочиненную Россини в 1814 году и нигде с той поры не исполнявшуюся. Эта опера с ее светлой и жизнеутверждающей музыкой, как и многие другие произведения автора «Севильского цирюльника», должна была войти в серию спектаклей, организованных творческим союзом «Амфипарнас», и поставлена на сцене театра «Элизео», который со своим залом на тысячу триста зрительских мест по сравнению с «Ла Скала» больше походил на камерный театр.

Впервые Марии было предложено исполнить роль комического персонажа. Кроме того, в партитуре была ссылка на колоратурное сопрано. Переход от исполнения произведений Вагнера, Беллини и Верди к героине Россини был весьма рискованным предприятием. Но Каллас как раз был свойствен подобный вызов судьбе. Никогда еще она не пребывала в столь приподнятом и веселом настроении… и не была такой дисциплинированной, как во время репетиций этого спектакля. Когда очередная репетиция подходила к концу, она иногда просила дирижера оркестра Джанандреа Гавадзени поработать с ней еще два или три часа. Это лишний раз демонстрирует высочайшее творческое рвение, не покидавшее ее никогда, по крайней мере до встречи с Онассисом.

В результате надежды на успех Марии и ее новых друзей из «Амфипарнаса» оправдались с лихвой. 19 октября 1950 года публика театра «Элизео» с радостным изумлением узнала, что исполнительница Турандот и Изольды способна с такой легкостью перевоплощаться в соблазнительную и веселую кокетку, коими отличаются произведения Россини. Можно сказать, Мария ощутила прилив творческой свободы от того, что у нее открылся талант комической актрисы. Что же касалось вокальной части исполнения, то здесь Каллас чувствовала себя

как рыба в воде, будто никогда ранее не пела партии совершенно другого регистра. Комментируя ее блестящее выступление, итальянский критик Бенедуччи писал: «Существует определенное представление о том, как пели сопрано в те далекие времена; она удивила всех своим ми бемолем, взятым вовремя и в нужном месте в конце очень трудной арии».

В 1954 году, на этот раз на сцене «Ла Скала», Мария повторила и подтвердила свою редкую способность исполнять партии комических персонажей. Выступление в опере Россини стало событием в творческой жизни Марии: «Турок в Италии» привел к тому, что Мария и Висконти объединились в творческом союзе на весь театральный сезон 1954/55 года. К глубокому удовлетворению… и некоторому огорчению того и другого. Во всяком случае, Мария не переставала восхищаться режиссером-постановщиком спектакля, о чем заявила во всеуслышание.

«Настоящий восторг испытываешь от того, что тобой руководит такой великий человек, — говорила она в интервью. — Работа с Лукино доставляет мне истинное удовольствие. Каждый жест, каждая подсказанная им интонация добавляют персонажу новые яркие краски. Когда с ним репетируешь, то не замечаешь, как проходит время».

В то время Менегини нисколько не огорчался театральными увлечениями супруги; совсем скоро ему предстоит изменить свое мнение. Впрочем, на небосклоне появилось новое созвездие. Я не оговорился, так как речь идет именно о созвездии, когда мы упоминаем имя такого величайшего маэстро, «папы» музыкального мира, как дирижер Артуро Тосканини. Похоже, знаменитость до этой самой поры еще ни разу не слышала пение Марии. Тесные узы связывали Тосканини с миланским театром «Ла Скала» и, в частности, с Ренатой Тебальди. И вот в сентябре все того же 1950 года супруги Менегини получили телеграмму от дочери мэтра, в которой сообщалось о том, что он ждет их в Милане накануне своего отъезда в Америку.

Они отправились на улицу Дюрини, где жил Тосканини. Было заметно, что Мария нервничала. Ее приводила в трепет одна только мысль о том, что ей вот-вот предстояла встреча с мировой знаменитостью и пение перед ним. Если верить Менегини, — хотя можно ли принимать на веру то, что скажет этот человек тридцать лет спустя? — Тосканини, который был вначале весьма сдержан, пришел в восторг, стоило ему только прослушать отрывки из оперы «Макбет». По случаю пятидесятилетия со дня смерти Верди, что мировое сообщество собиралось отмечать в следующем году, великий дирижер выразил желание поставить это произведение на сцене «Ла Скала», естественно, с Марией в

главной роли. По его словам, в передаче все того же Баттисты, Мария оказалась той «женщиной, которую он давно искал. Он поставит «Макбет» с ее участием. Уже на следующий день он встретится с Гирингелли, чтобы договориться с ним».

Мария сказала мэтру, что директор «Ла Скала» на дух ее не выносит. В ответ знаменитый музыкант назвал того ослом. Однако этому проекту не суждено было осуществиться. Марии, к ее великому сожалению, так и не представился случай спеть под руководством этого дирижера. Менегини полагал, что виной тому были происки недругов его жены и закулисные интриги. Вполне возможно, что и так, и все же следует заметить, что загоревшийся этой идеей Тосканини вскоре охладел к певице, из-за чего проект так и не претворился в жизнь.

Что бы там ни было, уже неважно: на пути к мировой славе перед Марией открылись новые горизонты… Она полетела в Мехико, где ее вновь ждали с большим нетерпением. На суд восторженной и восхищенной мексиканской публики она вынесла свое видение роли Виолетты в опере «Травиата». Певица представила произведение Верди в совершенно новом ключе. В образе бедной девушки, чьи душевные силы настолько подточила любовь, что она умерла, Мария открыла самые трагические грани своего таланта.

Еще ни в одной роли певица не отождествляла себя до такой степени со своим персонажем. Так, в книге, посвященной Каллас, Жан Пьер Реми указал на тесную связь между личностью реальной Каллас и вымышленным персонажем Виолетты. Он нашел слабое звено, оказавшееся фатальным для той и другой женщины: глубокую душевную ранимость, скрывавшуюся под внешней высокомерностью.

Во время выступления во Дворце искусств — на этот раз речь идет об «Аиде» — со своим партнером Марио дель Монако певица напрягла голос, чтобы как можно дольше протянуть финальную ноту. Не успел опуститься занавес, как за кулисами между певцами произошла некрасивая ссора, не имевшая ничего общего с творчеством. Приходится лишний раз удивляться тому, как низко могут пасть звезды такой величины, когда они бранятся как базарные торговцы. Кроме того, желтая пресса всегда готова раздуть малейший инцидент, чтобы вынести его как сенсацию в заголовки газет. Вот так на протяжении всей своей жизни Каллас имела репутацию скандалистки, чего, конечно, не заслуживала, несмотря на острый язык.

Перед отъездом Мария написала отцу, чтобы тот приехал к ней в Мехико. Это должно было позволить Георгиосу познакомиться с ее мужем, поскольку на этот раз Титта

отправился на гастроли вместе с ней. Похоже, Менегини окончательно решил завязать с собственной предпринимательской деятельностью и следовать по пятам за женой.

Пригласив Георгиоса Каллас в Мехико, Мария руководствовалась не только сентиментальными чувствами, хотя певица всегда с большой теплотой относилась к отцу, — своим жестом она прежде всего хотела дать понять матери и сестре, что окончательно порвала с ними. Из ее письма, адресованного крестному отцу доктору Лонтцаунису, мы можем представить, в каких отношениях были тогда мать и дочь: «Моя мать написала мне ругательное письмо, надеясь получить что-нибудь. Она заявила, что родила меня не просто так и теперь я обязана содержать ее. Мне очень жаль, но мне трудно переварить эту фразу. Поверь мне, я сделала и сделаю для них все, что могу. Однако я не позволю им сесть мне на шею. Я должна думать о своем будущем, поскольку хочу родить ребенка…»

Упоминание о будущем ребенке свидетельствует лишь о том, что Мария время от времени переживала очередной «приступ материнства», но в глубине души она вовсе не строила конкретных планов, которые могли нанести ущерб ее карьере. Отметим также, что в своих воспоминаниях Евангелия только мимоходом упомянула о денежных просьбах, с которыми периодически обращалась к дочери. Мария достигла известности, превзошедшей все самые смелые мечты матери. Последняя конечно же хотела получить свою долю от этого пирога. Евангелия мечтала играть при дочери роль «серого кардинала». Со своей стороны, Мария приходила в ярость всякий раз, когда кто-то заглядывал в ее кошелек.

Если между матерью и дочерью были сожжены все мосты, то Георгиос чувствовал себя рядом с Марией самым близким родственником. С Менегини у него сразу же установились дружеские отношения, несмотря на то, что мужчины с трудом могли понять друг друга. Менегини плохо говорил на английском языке, а Георгиос ни слова не знал по-итальянски. Супруги Менегини с сожалением попрощались с Георгиосом; последний еще на несколько дней остался в Мехико. Он решил, как двумя годами раньше сделала Евангелия, воспользоваться преимуществами, предоставляемыми ему в качестве… отца звезды!

Турне Марии Каллас продолжилось в Бразилии, вначале в Сан-Пауло, а затем в Рио-де-Жанейро. И повсюду ее сопровождал супруг. Отныне он выполнял обязанности импресарио. И надо отметить, что делал он это очень хорошо. Менегини до хрипоты

обсуждал каждую строчку в контракте и порой добивался того, чтобы его жене платили… золотом. Он и в самом деле не особенно доверял южноамериканской валюте. И правильно делал.

Однако в Сан-Пауло Мария пребывала не в самой лучшей форме; беспокоившие ее и раньше нарушения сердечно-сосудистой системы обострились, что вынудило ее аннулировать уже объявленное выступление в опере «Аида». Болезненное состояние тем не менее не помешало ей спеть в «Травиате», также заявленной в программе. Случай свел ее с главной соперницей по сцене Ренатой Тебальди. Предусматривалось, что две звезды должны были выступать поочередно в одной и той же роли. Я не знаю, кому пришла в голову такая смелая идея, но это было аналогично тому, если впустить разъяренного слона в посудную лавку… Со своей стороны, южноамериканские газеты подливали масла в огонь, и не только критикуя отказ Марии выступить в «Аиде», — повторю, что у этого поступка было веское оправдание, — а тем, что печатали некоторые высказывания Каллас по поводу исполнения Тебальди роли Виолетты. Бразильская пресса, с присущей ей словоохотливостью, без всякого сомнения, несколько преувеличивала резкость слов Марии, хотя она все же отпустила в адрес коллеги несколько колких замечаний. Давнее тайное соперничество между двумя женщинами отныне стало явным. К тому же каждая певица имела своих поклонников, что только усугубляло и без того тяжелую обстановку.

В Рио-де-Жанейро соперничество двух знаменитых певиц обострилось до предела. 14 сентября в самом конце благотворительного гала-концерта в городском театре, где выступали обе артистки, Мария, сорвавшая бурю аплодисментов, исполнила на бис арию из «Травиаты». Награжденная в свою очередь аплодисментами Рената совершила, по мнению Каллас, самое настоящее преступление, спев целых два раза арию на бис. Следует ли говорить о том, что, возвратившись за кулисы, обе дамы разругались в пух и прах. Марии не понравилось, что ее соперница выступала на сцене больше времени, чем она.

Дело осложнялось еще и тем, что обе певицы все последующие дни вынуждены были часто сталкиваться друг с другом не только во время выступлений. Перед тем как петь в «Тоске», Мария дала согласие присутствовать на обеде, куда была также приглашена Рената. Обед проходил в спокойной обстановке, однако в самом конце слово за слово между ними вспыхнула ссора; оскорбления с легкостью сыпались с той и с другой стороны, и дамы вцепились бы друг другу в волосы, если бы присутствовавшие на обеде гости вовремя не разняли их…

С этого момента вокруг Марии и ее мужа начали плестись интриги, вдохновительницей которых была Тебальди. Возможно, супруги Менегини преувеличивали значение затеянной против них кампании, но их подозрения в некоторой степени подтвердились. После премьеры «Тоски» Марию вызвал к себе в кабинет директор оперного театра Баррето Пинто. К нему певица отправилась в самом воинственном настроении, но то, что она услышала в директорском кабинете, привело ее в изумление: Баррето Пинто объявил, что она не справилась со своей ролью в опере «Тоска», и потому он вынужден аннулировать ее ангажемент. Можно было с полной уверенностью предположить, что Мария закатит директору грандиозный скандал, но ничего подобного не произошло. Что заставило Марию столь спокойно «проглотить» эту обиду?

Мария отнюдь не была лишена деловых качеств. Она взяла себя в руки и, не повышая голоса, потребовала оплату за аннулированный контракт; к тому же она настаивала на выступлении в двух спектаклях «Травиаты», предусмотренных в договоре. Скрепя сердце Баррето Пинто согласился.

Вместо Марии в «Тоске» пела Тебальди, и супруги Менегини не без основания обвиняли ее в организации заговора, в котором Баррето Пинто был только рядовым исполнителем. В последующие дни напряжение достигло опасных пределов. По неизвестной причине Баррето Пинто недолюбливал Каллас. На прощание он сделал ей весьма едкое замечание. Передавая певице причитавшийся ей гонорар, он бросил ей в лицо: «Итак, деньги вам нужны больше, чем слава?»

Это была та последняя капля, которая переполнила чашу терпения! Мария, с трудом державшая себя в руках на протяжении уже нескольких дней, наконец дала выход накопившемуся гневу: она схватила с директорского стола тяжелый чернильный прибор и уже готова была обрушить его на голову несчастного Баррето Пинто, когда ему на выручку пришел некий присутствовавший при этой сцене свидетель, не давший Марии совершить фатальный для директора театра жест. Если верить Менегини, то его супруге все же удалось нанести удар коленкой в директорский живот со всей силой ее девяноста килограммов веса! Следует добавить, что, оказавшись лицом к лицу с этой разъяренной амазонкой, тощий Баррето Пинто имел весьма жалкий вид.

Инциденты подобного рода легли в основу легенды о «тигрице». Газеты с удовольствием подхватывали и раздували малейший скандальный эпизод с участием Каллас. Вскоре певица прослыла настоящей «фурией» в глазах своих многочисленных

недоброжелателей. Эта репутация будет сопровождать ее всю оставшуюся жизнь, что бы она ни говорила и что бы она ни делала. Такое положение вещей превратится, в конце концов, в навязчивую идею и еще более нарушит душевное равновесие Марии.

По правде говоря, и сама Мария не раз будет давать своими выходками повод для сплетен. Так, в мае 1951 года во время музыкального месячника во Флоренции, где она пела в «Сицилийской вечерне» Верди, она успела одновременно поссориться с дирижером оркестра Эрихом Кляйбером и одним из своих партнеров, болгарским басом Борисом Христовым. Последний даже хотел было «уничтожить Каллас»… К счастью, в театральном закулисье драмы недолго длятся, а затем их участники целуются как ни в чем не бывало. Следует отметить, что во время спектакля Мария достигала такого высокого уровня исполнения, какого еще ни разу не показывала. Кроме того, на публику производила глубокое впечатление ее незабываемая манера держаться на сцене.

Лорд Хэрвуд, известный английский критик, отметил: «Она заворожила зал, только выйдя на сцену, еще до того, как начала петь».

В роли трагической героини Мария дала волю своему драматическому таланту. Но и певица ни в чем не уступала трагической актрисе. Ее голос содержал все оттенки звуков. После высокого «си» она переходила на контральто пианиссимо, затем на две с половиной октавы до «фа диес» низкого контральто. Далее, не переводя дыхание, она уже пела болеро со всеми колоратурами и трелями, указанными Верди, и наконец заканчивала триумфальным «контр-ми». Итак, за один вечер Мария пела в диапазоне трех октав, одновременно используя все приемы игры драматической актрисы, что случается довольно редко в оперном театре. Критики по-прежнему отмечали резкое звучание высоких нот и заметные разрывы между регистрами. Однако все эти досадные мелочи отходили на второй план благодаря ее виртуозному владению голосом и совершенству техники исполнения.

На этот раз, независимо от личных пристрастий Гирингелли, двери миланского театра «Ла Скала» распахнулись во всю ширь перед Марией с подписанием контракта на сумму в 300 тысяч лир за спектакль. Вот это реванш! Мария наслаждалась своей победой еще и потому, что всего лишь год назад смотревший на нее свысока Гирингелли теперь расшибался в лепешку для того, чтобы исполнить любой ее каприз. За все старания Мария наградила директора театра следующим прямолинейным

высказыванием: «Когда Гирингелли кто-то нужен, то он превращается в самого преданного подхалима; когда он больше не нуждается в человеке, то он бросает его без всякой жалости. Интересно знать, что бы нам рассказали артисты, выступавшие в «Ла Скала» в послевоенные годы, если бы набрались храбрости раскрыть рот».

Глава 8
Метаморфоза и взятие штурмом «Ла Скала»

В Милане Мария с Баттистой поселились в гостинице «Гранд-отель» на улице Сан-Рафаэль. Расположенное неподалеку от «Ла Скала» здание имеет свою историю: именно здесь в 1901 году скончался Верди. В этих исторических стенах на сцене самого престижного в мире оперного театра Мария стала готовиться к выступлению в «Сицилийской вечерне».

Верная своим привычкам певица потребовала установить в ее номере пианино, поскольку ей, как закоренелому трудоголику, не хватало плановых репетиций. Профессиональное рвение заставляло ее работать на износ. Кроме того, она знала, что против нее что-то затевалось. Ее недруги, а в их числе были не только поклонники Тебальди, не упустят случая, чтобы навредить ей. Мария готовилась получать «отравленные стрелы», которые должны были ранить ее как человека и как певицу. Всю жизнь она доказывала свое умение «держать удар», что больше подходит боксеру, чем певице.

Много лет спустя, в интервью, данному Мишелю Клерку, Мария рассказала о ловушках, подстерегающих звезд мирового масштаба: «Да, я не ангел; у меня вспыльчивый характер; мне не нравится, когда мне наступают на ногу. Однако я — примадонна. Вы знаете, что такое примадонна? Это — первая дама в опере, и я горжусь этим. Пока будет опера, будут и примадонны. Примадонна является первым инструментом оркестра. Имеются пианино, виолончель, скрипки, и имеется примадонна. Я могу выступать в «Травиате» и держать в напряжении весь зал. Я не говорю о том, как это трудно. Мне только хочется сказать, что «примадонна» и «каприз» — понятия несовместимые. На примадонне лежит огромная ответственность, и ей поневоле приходится соблюдать самую жесткую дисциплину. Работа, репетиции, абсолютная точность, постоянный самоконтроль».

В другом интервью, опубликованном в «Экспрессе», она возвратилась к своей концепции роли артиста: «Я с огромным воодушевлением берусь за любое дело и убеждена, что по-другому нельзя. Это происходит помимо моей воли. Я не стремлюсь навязывать другим свои идеи, но я могу помочь им разобраться в том или ином вопросе и согласиться со мной… Я сама прислушиваюсь к чужим советам, все зависит от того, от

кого эти советы исходят. Большие начальники могут давать только общие указания, но им ни в коем случае не следует вдаваться в технические подробности. В «Ла Скала» всегда был кто-то в зале с блокнотом в руке. Он делал записи, а затем говорил: «Вот здесь ты ошиблась». Нам необходима критика в качестве предохранительного клапана. Сцена прививает нам дурные привычки. И дело не только в успехе и друзьях, которые вам говорят: «Все было отлично», — в то время как произошла настоящая катастрофа…»

Как всегда, певицу терзали сомнения, она по-прежнему находилась во власти своих навязчивых идей. «Вначале вам нечего терять, — добавляла она, — однако, когда люди купают вас в славе, надо совсем выжить из ума, чтобы не испугаться этого. У меня еще не перевернулись мозги и не ушла из-под ног земля, но и мне неизвестно, что на уме у публики. Слава — опасная вещь, я хорошо знаю, что не смогу вечно так высоко, как сейчас, держать планку. Я отношусь к своей работе с полной отдачей, но все же ничто человеческое мне не чуждо. Вместе со славой ко мне пришел страх: за себя, за других…»

Когда 7 декабря 1951 года перед первым актом «Сицилийской вечерни» поднялся занавес, Мария Каллас находилась во власти самых противоречивых чувств. К счастью, это не отразилось ни на ее игре, ни на ее пении.

Театральная публика, так же как и критики, встретила певицу с большим энтузиазмом, возможно, не совсем с таким восторженным, на который претендовал Менегини в своих воспоминаниях, но который предвещал ее совсем скорый триумфальный успех на этой же сцене в 1954 году.

Среди хвалебных отзывов, посвященных Марии, выделяется статья Франко Аббиати, опубликованная в «Карьере делла сера»: «Нет, не дрогнул волшебный голос Марии Менегини-Каллас во всей искрящейся красоте своего диапазона и звучания, в частности в низком и среднем регистрах, не говоря уже о его редчайшей гибкости и уникальной технике».

Пресса еще не кричала о чуде, но это было совсем не за горами. Антонио Гирингелли как истинный флорентиец понял, в какую сторону дует ветер, и тут же повернулся в его направлении. Он уже не мог нахвалиться на свою новую примадонну, о чем заявлял во всеуслышание, не забывая подчеркнуть, что заполучить в театр эту редкую птицу ему помогло его известное всем чутье.

Однако не успели утихнуть аплодисменты после семи представлений «Сицилийской вечерни», как между дивой и

директором театра вновь вспыхнула ссора. Мария, подписывая контракт, объявила ему о своем желании спеть в том же сезоне в «Травиате». Гирингелли сделал вид, что не возражает. В действительности же он и не собирался с ней соглашаться. Причин было много, главная из которых заключалась в том, что директор «Ла Скала» собирался дать эту роль Ренате Тебальди. Делая Марии комплименты и ничего не говоря о своих планах, он стремился выиграть время. Но, как мы знаем, Мария была не из тех, кто отступал. И чем больше он старался уйти от конкретного ответа, тем настойчивее она требовала выполнить обещание.

Дело доходило до того, что она грозила отказаться от участия в «Норме» и в «Похищении из сераля», где должна была петь в том же театральном сезоне 1951/52 года. И тут на помощь пришел Менегини. К счастью, супруг певицы обладал чувством реальности. Он отдавал себе отчет в том, к каким негативным последствиям приведет поступок Каллас. Своими же руками она захлопнет только что распахнувшиеся перед ней двери прославленного театра. В тот момент он еще обладал значительным влиянием на Марию. Ему удалось убедить жену уступить, что было отнюдь не легким делом. По правде говоря, было и еще одно обстоятельство: Гирингелли оплатил Марии выступление в «Травиате» несмотря на то, что она не пела в этой опере. Для супругов Менегини это был самый веский аргумент!

Оглушительный успех, сопровождавший каждый ее выход на сцену, заставлял Марию продолжать дьявольскую гонку, затянувшуюся на долгие годы. Закончив свое выступление в «Сицилийской вечерне», она тут же отправилась во Флоренцию, чтобы петь в «Пуританах», затем вернулась в Милан для участия в «Норме». В промежутках между спектаклями она успела исполнить главную роль в «Травиате», которую поставили в Парме и Катанье и от участия в которой ей отказал Гирингелли. Затем последовали три выступления в «Пуританах» в Риме и еще три во Флоренции. Возвратившись в Милан, она приняла участие в четырех представлениях «Похищения из сераля» на сцене «Ла Скала», где ее выступлению сопутствовал исключительный успех, несмотря на то, что, по словам певицы, музыка Моцарта казалась ей «скучной, потому что она слишком вялая, в ней мало движения». Это был настоящий марафон, который продолжился в мае 1952 года, когда Мария отправилась в Мехико, где участвовала в семнадцати оперных представлениях, причем семь из них были совершенно разными по жанру. Затем, вернувшись в Италию, она, не переводя дыхания, продолжила свой опасный и изнурительный марафон.

Голова идет кругом, когда следишь за столь бурной

творческой жизнью певицы. По прошествии времени не раз задаешься вопросом: не в этом ли кроется основная причина ипохондрии, которая впоследствии обрушится на Марию и подточит ее жизненные силы? Безудержное желание перепеть самые разные оперные партии, постоянное стремление выступать везде, куда только ее ни позовут, перед толпами восторженных поклонников, не было ли это неотъемлемой частью ее гениальности? Стала бы уравновешенная и здравомыслящая женщина настоящей Каллас? Безусловно, нет.

Вскоре уже директор нью-йоркской «Метрополитен-оперы» должен был нижайше попросить Марию приехать, хотя до самого 1952 года Рудольф Бинг, директор этого театра, был все еще скептически настроен относительно редкого дарования певицы, в чем он чистосердечно признался в своих воспоминаниях: «Особа, которую я увидел во Флоренции весной 1951 года, имела весьма отдаленное сходство с известной впоследствии всему миру Марией Каллас. В то время она была чудовищно толстой и неуклюжей. Я написал Людвино Бонару, который был театральным агентом: «Я прослушал ее и имел с ней долгий разговор. Без всякого сомнения, она обладает исключительным дарованием, но ей надо еще очень многому научиться, прежде чем претендовать на место примадонны в «Метрополитен-опере». Мы с ней весьма дружелюбно поговорили и на том разошлись без всяких обязательств с той и другой стороны. Я писал ей в сентябре и октябре, чтобы узнать, могу ли я предложить ей ангажемент на сезон 1952/53 года и на каких условиях. Надо, чтобы она сообщила о своем решении… Подождем еще несколько месяцев»».

В действительности дело обстояло несколько иначе: узнав, каким ошеломляющим успехом пользовалась Каллас в свой первый театральный сезон на сцене «Ла Скала», милейший Рудольф Бинг вдруг посчитал необходимым во что бы то ни стало пригласить новую звезду в Нью-Йорк и предложить ей петь в «Травиате» весь театральный сезон 1952/53 года. Что же Мария? Она… отвергла столь лестное предложение! Очередной каприз? Ничего подобного! Просто Менегини по неизвестной причине отказывали в американской визе, а Мария больше не желала разъезжать по странам и городам без своего Титта. Сентиментальные причины? Вполне возможно. Скорее всего, ей нужна была его постоянная поддержка.

При появлении перспективы сорвать большую кассу господин Бинг, так же как и многие другие театральные менеджеры, обладал способностью мгновенно менять свое мнение на противоположное. Так произошло и в начале 1954 года, когда

директора «Метрополитен-оперы» словно подменили. Он внезапно превратился в воинствующего сторонника Каллас. Вот что впоследствии он сказал: «В то лето Каллас сбросила не меньше двадцати пяти килограммов. Она превратилась в стройную, дивную, потрясающую женщину, покорившую оперный мир. И это меньшее, что можно сказать. Так бывает только в сказках Андерсена. Вопреки тому, что обычно происходит с внезапно похудевшими людьми, ничто в ее облике не напоминало о том, что совсем недавно она была невероятно толстой женщиной. Она держалась на удивление свободно и непринужденно. Казалось, точеный силуэт и грация достались ей от рождения. «Метрополитен-опере» необходимо было срочно подписать с ней контракт…»

Позже мы еще вернемся к псевдочудесному превращению толстушки Марии в стройную красавицу, так же как и к ее дебюту на сцене «Метрополитен-оперы». А сейчас снова обратим свои взоры к «Ла Скала», поскольку именно на сцене этого прославленного театра певица утвердилась как звезда мировой величины, что до сих пор оспаривают некоторые ее недруги.

Жан Пьер Реми весьма справедливо отметил, что великая Каллас потратила три года жизни и спела десять разных оперных партий, чтобы покорить «Ла Скала». Окончательную победу она одержала именно во время театрального сезона 1954/55 года. Однако с обретением нового привлекательного облика и статуса самой знаменитой в мире оперной звезды Каллас отнюдь не освободилась от своих прежних комплексов: боязни новых и незнакомых лиц, отсутствия веры в себя и в свои силы, потребности в постоянном наставнике рядом с собой. И только несколько лет спустя, когда Мария встретит Онассиса, она, наконец, поймет, что превратилась в желанную женщину.

Вернемся, однако, к ее гастролям в Мексике в июле-августе 1952 года. Здесь, в Мехико, 10 июня она впервые спела Лючию ди Ламмермур. Когда в конце спектакля в последний раз опустился занавес, восторженная публика поднялась с мест в едином порыве и аплодировала ей на протяжении целых двадцати минут. Вот как скупо прокомментировала сама певица этот оглушительный успех: «Безусловно, премьера оперы «Лючия ди Ламмермур» в Мехико прошла совсем неплохо… Мне удались несколько красивых арий. И все же это не совсем то, что я могла бы сделать…»

Подобную постоянную неудовлетворенность своей работой можно было бы принять за разновидность гордости или же за ложную скромность, которую проявляют порой некоторые исполнители, любящие напрашиваться на комплименты. В этом

не замедлят обвинить певицу ее хулители. В действительности все было не так. Если Мария не слишком бурно радовалась своему триумфальному успеху в «Лючии ди Ламмермур», то это происходило потому, что с самого приезда в Мексику ее тревожило предстоявшее через неделю выступление в опере «Риголетто». Она не «чувствовала» роли и уже хотела отказаться от нее. Это стало причиной споров с директором театра. Последний стоял на своем: Мария была обязана выполнить полностью свой контракт. Согласно условиям договора она должна была петь партию Джильды. Нельзя сказать, что это было ее лучшее выступление. В свою очередь, критика высказалась крайне сдержанно, и это испортило певице впечатление от гастролей в Мексике. Она забудет о хвалебных статьях в прессе после выступлений в «Лючии ди Ламмермур» и «Норме», чтобы без конца упрекать себя за относительный провал в «Риголетто». И вот она уже поклялась, что никогда больше не будет публично исполнять это произведение Верди. На этот раз певица сдержит слово, ограничившись лишь совместной записью, сделанной три года спустя, имея в качестве партнеров Джузеппе ди Стефано и Тито Гобби. Остается только сожалеть о подобном решении, поскольку при достаточном количестве репетиций она замечательно исполнила бы партию Джильды.

Возвратившись из Мексики в июле 1952 года, Мария получила письмо от Евангелии, в котором та сообщила ей о своем намерении развестись с мужем. По правде говоря, родители Каллас расстались уже давным-давно, но это не помешало испортить Марии настроение… тем более что в письме вдобавок содержалась просьба выслать деньги не только для самой Евангелии, но и для Джекки. Нам уже известно, какими «теплыми» словами откликнулась на просьбу матери Мария, категорически отказавшись и той и другой помогать деньгами. С того дня между матерью и дочерью закончились все отношения, но отголоски этого скандального разрыва еще долго будут давать пищу для желтой прессы и пересудов недоброжелателей.

К счастью, в том же июле 1952 года в творческой жизни Марии произошли и радостные события. Прежде всего речь идет о выгодном контракте, предусматривавшем исполнение ею роли в опере «Джоконда» в театре «Арена ди Верона». Еще более важным для певицы стал контракт со студией звукозаписи «ЭМИ». Когда Мария поставила свою подпись, обязуясь записать несколько арий, Вальтер Легге, художественный руководитель студии, вздохнул с облегчением. И ему было из-за чего волноваться! Вот уже более чем полтора года супруги Менегини своими обещаниями водили за нос незадачливого директора. И всякий

раз, когда Мария вроде бы была готова подписать контракт, она находила причину отложить это. К тому же Баттиста постоянно вмешивался в ход переговоров со своими замечаниями. Видно, что они добивались повышенного гонорара.

В книге, посвященной оперной диве, Арианна Стасинопулос привела слова Вальтера Легге: «У меня до сих пор болит рука всякий раз, когда я вспоминаю о том, как вместе с Дарио Сориа таскал охапки срезанных цветов и растений в кадках в ее квартиру в Вероне».

Супруги Менегини остались равнодушны к языку цветов. Переговоры растянулись на долгие месяцы. Несчастный директор, казалось бы, уже привыкший к запросам оперных певиц, поскольку сам был женат на знаменитой Элизабет Шварцкопф, потерял всякую надежду. Неожиданно ему позвонил Баттиста Менегини, чтобы сообщить, что его супруге понравились последние предложения и она подпишет контракт. Не поверив своим ушам, директор студии звукозаписи тут же отправился в Верону. Он явился в дом Менегини с еще большей, чем все предыдущие, корзиной цветов, затем вынул из кармана контракт и протянул авторучку певице… И тут Менегини артистично и с заметным удовольствием исполнил свой коронный «итальянский» или, скорее, «китайский» номер.

«Моя супруга очень суеверна, — сказал он, — она имеет привычку не подписывать сразу представленный ей на подпись контракт. Она считает, что это приносит ей несчастье. Но самое позднее недели через две мы вышлем вам подписанный контракт, который будет составлен по всей надлежащей форме. Даю вам честное слово!»

Разумеется, и через две недели Вальтер Легге все еще ждал этот злополучный документ. Он вновь примчался в Верону. И все повторилось с той же единственной целью: вытрясти из директора студии звукозаписи как можно больше денег! Бедолаге ничего не оставалось, как согласиться с кабальными условиями договора, навязанными Баттистой Менегини.

Когда многие годы спустя Баттиста Менегини все с той же неуемной энергией будет отстаивать свои права на наследство бывшей супруги и судиться с Евангелией по поводу раздела доставшегося им праздничного пирога, он по-прежнему останется в душе импресарио, требовавшим свой процент.

Что же касается Каллас, то в ее жизни ожидалось совсем другое, чисто творческое событие, следствием которого станет признание певицы лондонской публикой, перед которой она еще никогда не выступала.

Прибытие Марии Каллас в Лондон напоминало приезд

королевы. На оперную диву, появившуюся в сопровождении семенившего за ней Титта и двух секретарей, набросилась толпа журналистов. Перебивая друг друга, они задавали ей десятки вопросов, на которые она отвечала с ангельским терпением. Поселившись в самом роскошном номере «Савойи», она дала пресс-конференцию. 8 ноября 1952 года ее ждала премьера в «Ковент-Гардене», на престижнейшей оперной сцене, повидавшей на своем веку великое множество знаменитостей. Мария пела в «Норме». Ее игра достигала такого драматического накала, а голос был насыщен такими эмоциональными красками, что очарованная публика устроила ей овацию, которую было слышно далеко за пределами зрительного зала. Она дала пять представлений при полном аншлаге, а британская критика высказала всеобщее мнение. «Великая и прекрасная, словно дива Викторианской эпохи, сошедшая с полотен Милле», — написал Филип Хоуп-Уоллесс.

На Марию обрушился поток самых лестных отзывов. Радужную картину портило только одно темное пятно: некоторые критики отмечали излишнюю полноту певицы. Насмешкам подвергалась, конечно, не певица, а женщина. И она воспринимала мелкие уколы недоброжелателей так, словно речь шла о пущенных в нее отравленных стрелах. Следует отметить, что пересуды по поводу полноты бедер оперной дивы или внушительной толщины ее икр велись в прессе далеко не в первый раз. Один итальянский журналист из Вероны после того, как она спела в «Аиде», превзошел в язвительности всех своих коллег по перу. В книге «Мария Каллас по ту сторону легенды» Арианна Стасинопулос привела его слова. «Было невозможно отличить ноги находившихся на сцене слонов от ног Марии Каллас», — написал этот грубиян.

Не прекращавшаяся полемика вокруг ее внешнего вида все больше и больше задевала самолюбие Марии. Даже превратившись в стройную женщину, Каллас-сильфида никогда не сможет забыть Каллас-толстушку.

И все-таки, как известно, оперная публика прежде всего ценит в исполнителе голос. Любители оперы готовы были закрыть глаза на полноту певицы, если своим голосом она ласкала их слух. Так, миланская публика с нетерпением ожидала Марию на новый сезон в «Ла Скала». В декабре 1952 года для певицы начался второй этап восхождения на самую престижную в мире оперную сцену. Похоже, ей предстояло выдержать жестокую борьбу с конкуренткой, поскольку поклонники бельканто разделились на два противоположных лагеря: сторонников Тебальди и поклонников Каллас. Те и другие поддерживали своих

кумиров с таким неистовым пылом, что атмосфера в зале всегда обещала накалиться до предела. Глава клакеров, который по обязанности остается беспристрастным и выполняет волю того, кто ему платит, пользовался ситуацией, чтобы постоянно переходить из одного лагеря в другой. В зависимости от суммы взятки, полученной от «тебальдистов» или от «калласистов», он организовывал в зале бурю аплодисментов или оглушительный свист.

Директор театра Гирингелли сделал хитроумный ход, чтобы соперничество двух группировок поклонников не закончилось потасовкой. Он разделил театральный сезон на две части: в первой выступала Мария, а во второй — Рената.

В своей части сезона наша оперная дива пела в трех операх: «Макбет», «Трубадур» и «Джоконда». Роль леди Макбет уже не первый раз внушала ей недоброе предчувствие. Следует отметить, что положенное на музыку произведение Шекспира отнюдь не способствовало поднятию настроения Марии. Настраивала на мрачный лад и музыка Верди. И вот Мария, за которой пристально следила не только публика, но еще и не полностью покоренные ее талантом критики, в тот вечер, 7 декабря, когда пела партию леди Макбет, заткнула рот последним злопыхателям, произведя незабываемое впечатление на истинных любителей оперы. Жан Пьер Реми, описывая игру и голос примадонны во время этого спектакля, говорил об «охваченном страхом демоне, о сопрано на грани человеческих возможностей, способном одновременно звучать то по-звериному исступленно, то чрезвычайно нежно… Призрак, издающий нечеловеческие вопли, и светская дама, предлагающая выпить у нее в доме тому, чью бдительность она желает усыпить…» Во славу гения Каллас от партера до балкона на протяжении целых двадцати минут раздавался гром аплодисментов.

Мария также навсегда запомнила этот восторженный прием. Многие годы спустя во время одной нашей беседы она вдруг начала вспоминать то представление. «Я подошла к самому краю оркестровой ямы. Публика аплодировала, с балконов доносились крики «браво». В этот момент я не отдавала себе отчет в том, что все это было в мою честь… Это походило на океанскую волну, бьющуюся о стену волнореза… Мне понадобилось несколько минут, чтобы понять, что вся эта буря разразилась из-за меня. К чувству, которое я испытывала в тот момент, возможно, примешивалась гордость. Однако прежде всего меня переполняло чувство глубокой удовлетворенности из-за того, что мне удалось преодолеть все препятствия и обойти все многочисленные ловушки, которыми изобиловала эта роль. На протяжении всего

спектакля я отождествляла себя с этой ужасной леди Макбет, и мне доставило неописуемое удовольствие превратиться снова в Марию Каллас, то есть в выполнившую свою миссию оперную певицу, оправдавшую надежды публики… Я была так счастлива, что, оказавшись в своей артистической уборной, помню, долго плакала…»

В стройном хоре хвалебных голосов в прессе все же прозвучало несколько фальшивых нот. Так, Рубенс Тедечи, журналист, ведущий рубрику в газете «Унита», писал: «Госпожа Менегини-Каллас чередовала удачные пассажи с менее удачными. Ей не удалось показать величие леди Макбет, без чего она не могла существовать».

К тому же яростные противники певицы направили в зрительный зал своих посланников, чтобы сорвать спектакль. Однако не тут-то было! Бедолаги затерялись среди восторженных поклонников певицы, и им не осталось ничего, как «спрятать свои кинжалы в ножны».

Вот что по поводу того памятного вечера писал журналист Теодоро Селли на страницах «Карьере Ломбардо»: «Возможно, никакая другая опера так не подходит к Каллас, как «Макбет», ради которой Верди в свое время отказался от певицы с мелодичным голосом. Он остановил свой выбор на Барбьери-Нини, великой актрисе, которая была способна издавать «почти дьявольские» звуки, по выражению самого Верди. Единственным результатом выходки двух или трех человек, пришедших на спектакль со свистками и попытавшихся освистать певицу, стало то, что теплый прием зрителей вылился в бурю долгих восторженных оваций».

Так Каллас имела триумфальный успех не только благодаря своему исключительному дарованию, но и из-за своих недостатков, которых, кстати, тоже хватало.

«Джоконда», вторая опера, в которой Мария спела на сцене «Ла Скала», была исполнена в более спокойной обстановке. Невооруженным глазом было видно, что певица очень устала. И прежде всего потому, что между двумя миланскими спектаклями она успела съездить во Флоренцию, Венецию и Рим, где спела в других операх. Как всегда, ее мучили две неутолимые жажды — петь… и зарабатывать деньги. И все же главная причина ее усталости была в ином — после испытанного во время представления «Макбета» необычайного напряжения она находилась на грани нервного срыва. Отсюда и участившиеся недомогания, и вечные проблемы со стороны сердечно-сосудистой системы. К счастью, успех ее последних выступлений в «Ла Скала» в феврале-марте 1953 года утвердил музыкальный

мир во мнении, что среди исполнителей никто не мог сравниться с ней. Противники певицы, воспрянувшие было духом после «Джоконды», были вынуждены снова спрятать в карманы свои свистульки.

На этот раз певица уже знала, что покорила «Ла Скала». И это был всего только предвестник той славы, которую она завоюет на миланской сцене. Мария была в то время состоявшейся звездой, но еще не идолом публики. Терпение! У нее все было впереди. И это время было отнюдь не за горами. Впрочем, она приближала его, как могла. Титта также вносил свой вклад в это светлое будущее. Бывший хозяин кирпичного завода превратился в настоящего импресарио.

Не успев до конца испить чашу славы в Милане, Мария поспешила во Флоренцию, где ей предложили выступить в новой для нее роли, которая была ей по плечу — или, точнее, выше ее продемонстрированных пока возможностей: спеть партию Медеи в одноименной опере. На протяжении полувека произведение Керубини не ставилось на сцене прежде всего потому, что трудно было найти актрису, способную воплотить эту героиню из древнегреческой мифологии, героиню, которую предательство любимого толкнуло на чудовищные преступления. Актриса должна была кожей чувствовать дыхание рока, ощущать трагедию, передать голосом пароксизм терзавших героиню страстей, и ее величие, и злодейство, и пафос. Вот где Мария могла проявить в полной мере свой взрывной темперамент, дать волю своему гневу, докопаться до истинных причин трагедии Медеи.

Один из счастливчиков, которому повезло присутствовать на спектакле во Флоренции, и тридцать пять лет спустя все еще не мог справиться с волнением: «В третьем акте Каллас удалось перевоплотиться в свой персонаж до такой степени, что я забыл, что речь шла об опере. Она была настоящей Медеей, женщиной, одержимой внезапным желанием убивать… Присутствовавшие в зале зрители затаили дыхание, захваченные полностью нереальным зрелищем, происходившим перед их глазами… Я помню, как по моему лицу стекал пот и как я задыхался от волнения посреди толпы, скандировавшей имя Каллас».

Пресса в один голос приветствовала выступление певицы. Джузеппе Пуглез писал в «Газетино»: «Мария Каллас выдержала экзамен, который, возможно, не способна выдержать ни одна современная певица. Она продемонстрировала такую широту своего диапазона, как вокального, так и артистического, что в это трудно поверить».

Ему вторил Джулио Купалоньери в газете «Ля Патрия»:

«Мария Каллас показала себя великолепной певицей и актрисой благодаря точности вокального исполнения, глубокого проникновения в образ своего персонажа и правильной расстановке акцентов. Ее голос, столь непокорный по определению, похоже, полностью адаптировался к чудесной экспрессивности Керубини».

Можно до бесконечности цитировать статьи, написанные в едином хвалебном тоне. Все они сводились к одному: оперную диву называли феноменом. Впрочем, успех в «Медее» позволит Марии окончательно покорить «Ла Скала», поскольку именно в этом театре она рассчитывала начать сезон 1953/54 года.

Однако не Мария начала этот сезон в «Ла Скала», а ее основная соперница Рената Тебальди. В последний раз. Таковой была договоренность между супругами Менегини и Антонио Гирингелли.

Супруги Менегини появились в директорской ложе театра «Ла Скала» 7 декабря 1953 года. И всякий раз, как только Тебальди выходила на сцену, Каллас начинала аплодировать. Она так громко хлопала в ладоши, что злые языки задавались вопросом, хотела ли она в действительности продемонстрировать свое восхищение Ренатой или же столь бурный энтузиазм был вызван желанием вывести соперницу из равновесия…

Как бы то ни было, Мария добилась того, чего желала в глубине души. В будущем сезоне Тебальди только на очень короткое время выйдет на сцену «Ла Скала».

Когда было принято решение ввести в репертуар этого театра «Медею», возникла серьезная проблема: не было ни одного свободного от контрактов маститого дирижера. Директор театра уже был готов отказаться от постановки «Медеи», как вдруг сама Мария нашла решение. Несколькими днями раньше она услышала по радио концерт классической музыки и запомнила имя музыканта, великолепно владевшего дирижерской палочкой. Это был молодой американец Леонард Бернстайн. Будущий автор музыки к «Вестсайдской истории» в то время был еще малоизвестен широкой публике, и Антонио Гирингелли не очень хотел его приглашать. Он опасался доверить управление престижным оркестром «Ла Скала» этому «коту в мешке». Однако, если Каллас хотела чего-то, директора театров вынуждены были исполнять ее желания! Когда дозвонились до Бернстайна, он ответил отказом, поскольку еще не был знаком с этим произведением Керубини и не хотел ввязываться в эту авантюру. Мария, как всегда решительно, взяла инициативу в свои руки. Она вырвала телефонную трубку из рук Гирингелли и что-то долго объясняла музыканту на английском языке. Ни

Гирингелли, ни Менегини не понимали ни слова. Однако результат превзошел все ожидания. Бернстайн согласился приехать в Италию, чтобы дирижировать «Медеей». Небывалый успех будет наградой участникам переговоров, а молодой американец станет одним из самых знаменитых дирижеров в мире.

Каждый выход Каллас на сцену «Ла Скала» зимой 1953-го и весной 1954 года становился ее очередной творческой победой. Выступление Марии в «Лючии ди Ламмермур» производило на публику такое же неизгладимое впечатление, как и в «Медее». Сцена безумия давала ей возможность лишний раз продемонстрировать потрясенной публике недюжинный талант драматической актрисы. И зрителям надо было прилагать усилия, чтобы вспомнить, что они сидят в зрительном зале, а раздираемая страстями, заходящаяся в крике от мучительных страданий и погружающаяся в беспросветный мрак женщина — всего-навсего актриса, играющая роль… В том и состоял секрет Каллас, что она обладала удивительной способностью выходить за рамки спектакля, заставлять публику забывать о картонных декорациях, условностях драматического действия, чтобы задевать зрителя за живое и заставлять его сопереживать всему, чем в данный момент жила она. Если подумать, то все воплощенные певицей героини, все эти женщины с трагической судьбой, погибавшие страшной смертью, хладнокровно убивавшие своих мужей, любовников и даже своих детей, словом, все эти оперные персонажи были весьма далеки от действительности. В наши дни невозможно представить подобных героинь. И все же Марии Каллас удавалось на протяжении всей ее творческой жизни погружать публику в этот фантастический и нереальный мир одной только магией своего чарующего голоса и таланта драматической актрисы.

Было еще одно вещество в волшебном напитке, которым потчевала публику оперная дива: в самой устаревшей концепции оперного спектакля она оставалась удивительно современной. В ее исполнении старомодные чувства обретали новые силы и краски и благодаря ее мастерству становились понятными и близкими современной публике. Убившая своих детей Медея, сходившая с ума Лючия были в исполнении Марии Каллас не героинями из старых сказок и мифов, а вполне современными женщинами. Зрители понимали их страдания и крайности, на которые они шли, сопереживали их душевным мукам так, словно речь шла о них самих… Парадокс: вернув бельканто утраченное им место, что позволило оперному искусству обрести былую славу, потерянную за годы рутинного исполнения, Каллас придала этому искусству современную окраску. Я присоединяюсь

к тем, кто, проанализировав феномен Каллас, считал, что после нее никогда больше опера не будет такой, какой она была до нее.

Это поняли работавшие с Марией музыканты, так же как и публика. Поначалу побаивавшийся оперной дивы Леонард Бернстайн сказал после их первой встречи: «К моему великому удивлению, она тотчас поняла, почему я решил убрать отдельные сцены и сократить некоторые арии, в том числе и с ее участием. Во время всех репетиций мы поддерживали самые теплые дружеские отношения. Она понимала все, чего я хотел от нее, а я понимал все, чего она желала».

Те же хвалебные слова, тот же энтузиазм и в суждении великого и ужасного Герберта фон Караяна, дирижера и постановщика спектакля «Лючия ди Ламмермур»: «Она продемонстрировала такие редкие для звезд качества, как покладистость, дисциплину и добрую волю. Подчинение моим указаниям нисколько не мешало ей проявлять личную инициативу, не нарушало ее чудесной способности в нужный момент совершить определенный жест. Она превосходно себя чувствовала, преображаясь в персонаж, которого она играла, оставаясь при этом всегда самой собой».

Арианна Стасинопулос приводит в книге слова режиссера-постановщика оперы «Медея» Маргариты Вальман, которая пыталась объяснить с помощью психоанализа способность певицы входить в образ своей героини: «Мария отождествляла себя с Медеей. Она была молодой женщиной, связанной узами брака с человеком на много лет старше ее. Я уверена, что определенная сексуальная неудовлетворенность заставляла ее искать отдушину в работе. Пение и драматическое искусство позволяли ей давать выход всей неутоленной страсти».

Возможно, в словах режиссера кроется доля истины. Марии не удавалось бы в такой степени сливаться со своими персонажами, если бы в ее тайном саду не росли цветы страсти. Однако они еще не расцвели пышным цветом, а только появились в бутонах. Сексуальная сторона жизни до поры до времени нисколько не тревожила ее. Вспомним, что плотские утехи и раньше мало интересовали молодую женщину, да и Баттиста Менегини являлся не тем мужчиной, который способен был пробудить ее чувственность. Впрочем, Мария была вполне довольна своей жизнью. По крайней мере, на тот момент. Как знать, возможно, она считала, что была рождена исключительно для того, чтобы служить оперному искусству. Страсти, которыми она жила на сцене, вполне отвечали ее духовным потребностям.

Здесь мы подходим к самой интимной стороне жизни этой загадочной личности: по какой тайной причине женщина,

изображавшая на сцене столь пылкую страсть, что наводила на мысль о том, будто и сама постоянно пребывала в любовной горячке, оставалась вне сцены совершенно равнодушной к зову плоти? Почему земные радости нисколько не волновали ее? Нельзя отрицать, что преданность искусству играла здесь отнюдь не последнюю роль, но, может быть, все обстояло гораздо проще? Избыточный вес, «слоновая болезнь», как утверждали злые языки, да и приобретенные в детстве комплексы вполне могли быть сдерживающим фактором. Марии, возможно, казалось, что в глазах мужчин она не выглядит сексуально привлекательной женщиной. И это убеждение так глубоко укоренилось в ее сознании, что она не могла избавиться от него даже тогда, когда у нее уже не оставалось причин сомневаться в своей неотразимости.

И вот в 1954 году она приняла решение изменить свою внешность и преобразиться в настоящую сильфиду. Если в 1953 году Мария весила почти центнер, то в 1955-м ее вес уже не превышал и 73 килограммов, а еще через два года она весила всего лишь 57… Как ей удалось достигнуть подобного результата? Беспощадными диетами? Без всякого сомнения. Однако и самой строгой диеты недостаточно, чтобы за такой короткий срок сбросить столько килограммов живого веса. По-видимому, принимались и какие-то другие меры, о чем хранили молчание супруги Менегини. Ни Мария, ни ее муж так никогда и не открыли нам правду о том, какие средства использовались, чтобы настолько эффективно сбросить вес. Нам остается лишь предполагать, что Мария обрела стройность фигуры не без помощи медицины. Не случайно на следующий же день после ее кончины поползли слухи о том, что ее преждевременный уход из жизни был отдаленным последствием этого ускоренного похудания. Как бы там ни было, но истинное чудо заключалось в том, что столь радикальное внешнее преображение певицы нисколько не отразилось на ее голосе, который ничуть не пострадал. Так был разрушен миф о том, что оперным дивам необходимо иметь внушительный вес. Как следствие, после преображения Каллас внешний облик певиц претерпел значительные изменения, и на сцене можно было видеть все больше таких, кого приятно не только слушать, но и на кого приятно смотреть.

В 1954 году Каллас спела для закрепления своего успеха на сцене «Ла Скала» в опере Глюка «Альцеста», поставленной итальянским режиссером Карло Мария Джулини. Прославленный дирижер не скрывал своего восхищения примадонной.

«У нее, — сказал он, — абсолютная связь между словами,

музыкой и игрой. Я еще никогда не встречал актрисы такого масштаба, как Каллас. Она по праву войдет в легенду еще при жизни».

Самые восторженные комментарии вызывал у ее современников и преобразившийся внешний вид певицы. Когда она выходила на сцену, публика встречала ее громом аплодисментов, что помогало Марии еще глубже вживаться в образ своей героини, царицы Фессалии. Каллас теряла лишние килограммы, в то время как суммы ее контрактов неуклонно росли благодаря заботам неугомонного Баттисты. Теперь она получала уже 650 тысяч лир за выступление. Сумма вполне внушительная.

Не стоит думать, что победы, одержанные Марией на всех фронтах, обезоружили ее недругов. Безусловно, их осталось совсем немного, но зато они не сидели сложа руки. На каждом выступлении певицы недоброжелатели напоминали о себе свистом. Они утверждали, что у певицы «невозможный» голос, что она не способна исполнить партию от начала и до конца так, чтобы в какой-то момент не «сбиться с пути». Казалось бы, Каллас должна была пропускать мимо ушей столь несправедливую критику. Однако любой исполнитель не остается глухим к злобным выпадам. В данном случае эти нападки возрождали у Марии сомнения, притаившиеся до поры до времени в ее душе.

Еще не увяли лавровые венки, которыми увенчали Марию на сцене «Ла Скала», как она уже колесила с гастролями по всей Италии: из Милана в Венецию, из Флоренции в Рим, из Вероны в Неаполь, мелькнув, как метеор, и оставив позади толпы восторженных любителей оперы. И вот она уже в Лондоне, где завсегдатаи «Ковент-Гардена» ждали ее выступления с особым нетерпением, подкрепленным воспоминанием о ее прошлогоднем успехе на сцене этого театра. На этот раз публика рукоплескала не только примадонне, но и прекрасной женщине. Мария, преобразившись, пополнила собой галерею античных богинь, красотой которых благодаря греческой мифологии восхищались еще задолго до появления Голливуда с его кинозвездами.

Вопреки тому, что жизнь вновь свела ее с Куртом Баумом, а за кулисами певцы обменялись такими словами, что Верди вряд ли переложил бы их на музыку, на сцене Мария выступала во всем блеске своего таланта. Истинное свое лицо Каллас открывала только перед публикой.

Неудивительно, что «Метрополитен-опера» в лице ее всемогущего директора Рудольфа Бинга вновь проявила внимание к певице, посчитав необходимым показать Нью-Йорку этот феномен. Однако Бинг еще не решился назначить ему цену.

«Что там у нас с ней? Есть ли малейший шанс заполучить ее на следующий сезон? — писал он своему агенту в Европу. — Будет ли у нее время для репетиций с 8 ноября, чтобы выступать в «Травиате» через неделю, начиная с 15 ноября? Что же касается оплаты, я жду ваших предложений. Я рассчитываю платить ей не более 750 долларов за выступление. Однако, если она, наконец, согласится — окончательно и бесповоротно, и без условий относительно виз для мужей, друзей и любовников, — я готов платить ей и 800 долларов за выступление».

Бинг слыл человеком неуступчивым, но он уже готов был торговаться, чувствуя, что у него не хватит сил вести борьбу с Менегини. Последний был согласен выпустить на сцену певицу не менее чем за 2 тысячи долларов за вечер. Ожесточенные споры между двумя мужчинами — так и хочется написать: между двумя хищниками — шли с перерывами на протяжении двух лет, но не приносили желаемого результата ни той, ни другой стороне. Что же касается самой Марии, то она ничего не предпринимала, чтобы как-то уладить дело. Однажды она заявила:

— Никогда я не буду петь в «Метрополитен-опере», пока Рудольф Бинг будет там директором!

Последний, чтобы не остаться в долгу, сравнил оперную диву со «слоном, вбившим себе в голову, что может петь Баттерфляй»! Это замечание, по правде говоря, было сделано годом ранее, когда фигуру певицы вполне можно было еще сравнивать с силуэтом слоненка. С той поры многое изменилось, и Бинг полагал, что Мария могла согласиться выступить в его театре, но мы-то знаем, что за время, прошедшее после того, как Каллас соглашалась с условиями контракта, до того момента, когда она ставила на него свою подпись, нервы продюсера подвергались тяжелому испытанию.

В конце концов оперная дива выступит в стране, где она появилась на свет, но свою карьеру в Америке начнет на сцене Чикагской оперы. Двое молодых организаторов концертов, Лоуренс Келли и Кэрол Фокс, нашли «путь к сердцу» Менегини: 2 тысячи долларов за представление. Кроме того, Каллас получила возможность самостоятельно выбирать не только произведения, где должна будет исполнить ведущую партию, а это оперы «Норма», «Травиата» и «Лючия ди Ламмермур», но и своих партнеров: Тито Гобби, Ди Стефано и своего давнишнего друга Росси-Лемени. Так что Мария держала в руках все козыри, чтобы покорить Новый Свет с таким же триумфом, как Европу.

Глава 9
Из кокона вылупилась бабочка

«Мария, без всякого сомнения, была самым дисциплинированным профессионалом, с которым мне пришлось работать. На протяжении многих лет я восхищался ею, с того самого дня, когда она спела в Риме Кундри и Норму. Мне нравилась ее полнота, придававшая ей особую импозантность. Уже тогда она заявляла о себе как яркая индивидуальность. Ее жесты приводили меня в трепет. Где она научилась этому? В «Весталке» мы начали систематически работать над их усовершенствованием. Одни из жестов мы позаимствовали у великих французских драматических актрис, другие взяли из греческих трагедий. Длинная шея, статная фигура, руки и пальцы делали Марию не похожей ни на какую другую актрису. В какой-то момент Мария почти влюбилась в меня. Это было глупо; она придумала все сама. У нее проявлялись слишком собственнические чувства ко мне. Она часто устраивала мне бурные сцены ревности. Однако я прощал ей, потому что она исполняла все, что я хотел от нее, с самой тщательной точностью, не добавляя никогда ничего от себя. Порой во время репетиции я говорил ей:

— Ну же, Мария, сделайте что-нибудь по-своему! Как нравится вам.

Но она отвечала мне:

— Что я должна сделать? Как мне держать руку?

В конце концов дело дошло до того, что она захотела, чтобы я направлял каждый ее шаг».

Кто же, по вашему мнению, делится своими впечатлениями о Марии? Лукино Висконти, с которым молодая женщина поддерживала отношения, выходившие за рамки творческого сотрудничества.

Совместная работа двух выдающихся личностей, преданных служителей искусства, не могла не принести свои прекрасные плоды. Оперный сезон 1954/55 года стал для Марии самым успешным из всех предыдущих. Все, кому посчастливилось попасть в «Ла Скала», когда Каллас пела под руководством Висконти, став свидетелями исключительного творческого союза, наслаждались сказочным действом, которое не могло не получиться, когда фея и волшебник занимались совместным колдовством. Если бы на жизненном пути оперной дивы не повстречался Висконти, узнала бы она когда-нибудь диапазон

своих творческих возможностей? Возникло бы когда-нибудь в ее душе чувство, о существовании которого она до сей поры и не подозревала?

И все же, прежде чем выяснять характер отношений между примадонной и режиссером-постановщиком, вернемся немного назад, а именно в Чикаго осени 1954 года. Публика и критики были покорены выступлением Марии.

«Кто сошел с ума? Лючия в исполнении Каллас или зрители?» — вопрошал один журналист на следующий день после представления последнего из произведений Доницетти. Оперную диву вызывали аплодисментами на сцену всего только… двадцать два раза! Обезумевшие от восторга зрители не ограничились одними аплодисментами, они ринулись на сцену в надежде прикоснуться к своему кумиру, словно все представление только о том и мечтали.

В ореоле этой новой победы Каллас вернулась в Италию, где открыла свой четвертый сезон в «Ла Скала» выступлением в опере Спонтини «Весталка». Это произведение без Марии так и осталось бы пылиться на полке, как последние пять десятков лет. И конечно же, чтобы вдохнуть в эту оперу жизнь, требовались огненный темперамент Марии и ее исключительные вокальные данные. Каллас представлялся случай осуществить совместный проект с Висконти, о чем она мечтала с той поры, как познакомилась с этим выдающимся художником. В этой книге мной вовсе не ставится цель рассказать о блистательной карьере Висконти. Однако ввиду того, какую важную роль он сыграл в становлении таланта Каллас и в ее личной жизни, я вынужден хотя бы в нескольких словах набросать портрет этой сложной личности.

Родившийся в Милане в одной из самых древних и знатных семей, Висконти с юных лет проявлял интерес к разным видам искусства. В частности, опера погружала его в состояние исступленного восторга. Он не пропускал ни одного спектакля в «Ла Скала» и знал все оперы наизусть. Еще не попробовав свои силы в кино, которое принесет ему мировую славу, он уже пользовался известностью как театральный режиссер-постановщик. С особым успехом шли в его постановке пьесы Жана Кокто и Жана Ануйя. Некоторым препятствием в его карьере до сей поры были его политические взгляды. Этот аристократ до кончиков ногтей был коммунистом. Он не скрывал ни своих убеждений, ни гомосексуальных наклонностей, ни скандального характера… Короче говоря, принадлежавший к элите Висконти был маргиналом, наделенным талантом и способным с равным успехом проявлять себя в любой форме искусства.

До постановки «Весталки» на сцене «Ла Скала» Висконти еще ни разу не работал с оперными произведениями, однако уже давно собирался заняться этим. Мы знаем, что он восхищался Каллас с первого же раза, как только услышал ее. Что же касается ее выступления в «Ла Скала», то тут существует столкновение мнений. В своих воспоминаниях Менегини утверждал, что именно он замолвил слово о Висконти перед Гирингелли. В подтверждение этого он опубликовал несколько писем, в которых Висконти и в самом деле рассыпался перед ним в любезностях: «Дорогая Мария и дорогой Баттиста — да, дорогой Баттиста, ибо правда в том, что Мария не будет читать мое письмо, и если кто-нибудь мне ответит, то это будет Баттиста…»

Столь теплый тон письма Висконти легко объясняется особой выразительностью итальянского языка и некоторой высокопарностью, присущей знаменитому режиссеру. И вот Менегини, никогда раньше не вдававшийся в подробности, неожиданно заявил в своих воспоминаниях: «Только я и Мария были единственными, кто по-настоящему хотел бы видеть Висконти в «Ла Скала». Мы часто говорили о нем с Гирингелли, который, возможно, потому что в конце концов ему надоели эти разговоры, согласился пригласить его на работу».

Выходит, только благодаря своей «надоедливости» супруги Менегини открыли своему другу двери в «Ла Скала»? Это не совсем так. И если Мария, в самом деле, не имела ничего против того, чтобы поработать с Висконти, то последний своим дебютом в прославленном театре был обязан только посредничеству влиятельного Тосканини.

В то же время Баттиста категорически отрицал тот факт, что его супруга когда-либо испытывала сентиментальные чувства к Висконти. Более того, он заявил следующее:

«Мария восхищалась умом и талантом этого человека, но не переносила того, как он говорил. Речь Висконти была пересыпана самыми нецензурными словами. Мария часто делала ему замечание:

— Меня тошнит, когда ты так говоришь!

Во время работы он совсем распоясывался. Марию коробило от его сквернословия. Она часто говорила мне:

— Если он обратится в подобных выражениях ко мне, то получит пощечину».

Менегини, выступая в роли поборника нравственности, рассказал об одном показательном случае:

«Однажды вечером мы с Марией оказались в Риме. Мы жили в отеле «Квиринал». С нами была и моя мать. В холле гостиницы мы увидели Висконти, вошедшего вместе с Анной Маньяни и

какими-то еще друзьями. На Маньяни было платье с очень глубоким вырезом. Моя мать, весьма целомудренная женщина старой закалки, была оскорблена до глубины души. Когда Висконти представил ей Маньяни, моя мать, повернувшись ко мне, с презрительной гримасой воскликнула:

— Какой ужас!»

Когда чуть позже ее невестка повстречала на своем жизненном пути Онассиса, можно представить, какие слова отыскала в итальянском языке эта достойная дама, чтобы выразить свое неодобрение!

Продолжая тему оскорбленной добродетели уважаемый Баттиста охотно добавил: «Когда Мария узнала, что один из наших друзей изменяет своей жене, она не захотела больше его видеть. Однажды мы повстречались с Ингрид Бергман, которая только что ушла от Росселлини. Мария и Ингрид всегда были очень дружны. И как всегда, Ингрид обрадовалась такой встрече, однако Мария едва поздоровалась с ней. В дальнейшем разговоре речь зашла о недавнем событии в жизни Ингрид. Мария строго осудила Ингрид и объявила своей приятельнице, что отныне они не смогут больше поддерживать дружеские отношения, как прежде».

Здесь можно лишь заметить, что взгляды Марии на этот вопрос в скором времени претерпят значительные изменения…

Впрочем, и сам Менегини отдавал себе отчет, что в этом фрагменте воспоминаний несколько перестарался, потому далее писал: «У нее были твердые пуританские взгляды на брак. Она считала недопустимым, чтобы супруги могли изменять друг другу или разойтись. Это трудно себе представить, если вспомнить о том, как вскоре она поведет себя со мной. Однако это правда….»

Когда до Марии дошли слухи о нетрадиционной сексуальной ориентации Лукино Висконти, она не захотела этому верить. Когда же у нее окончательно открылись глаза, она не смогла скрыть своих чувств со всей резкостью ее характера. И, по свидетельству все того же Менегини, «ее отвращение было демонстративным, а порой и маниакальным. Она заявляла, что не может находиться рядом с ним, что ей противен запах его тела и дыхания. Помимо сцены Мария никогда не виделась с Висконти…».

Следует отметить, что когда тайное стало явным для Марии, она действительно некоторое время не желала видеть Висконти. Ее поведение можно объяснить глубоким любовным разочарованием. Так ведут себя женщины, когда переживают крушение надежд на ответные чувства. Мы к этому еще вернемся.

Существует и другое несоответствие между утверждениями

супруга и режиссера: влияние последнего на оперную диву. Согласно Висконти Мария целиком и полностью подчинялась ему, Менегини же придерживался совсем другого мнения: «На сцене Висконти с трудом удавалось управлять Марией. С другими исполнителями он вел себя, как тиран. С моей женой ему приходилось держать себя в руках и научиться уступать. Он сам признался, что помог ее развитию и научил играть так, как он себе это представлял. Было бы несправедливым утверждать, как это делают многие другие, что Висконти «создал» Марию как актрису. Висконти только правильно использовал ее талант, подсказывая некоторые приемы, чтобы улучшить ее исполнение… Она никогда не допускала, чтобы ей что-то навязывали…»

Здесь Менегини как никогда близок к истине. У Марии было врожденное чувство сцены. Висконти не «создал» ее, но своими острыми замечаниями помог еще больше развиться ее дарованию. Цитируя Менегини, можно сказать, что Висконти «использовал» Марию так, как до этого не мог сделать никакой другой режиссер.

Что же касается сентиментальной стороны, то заявления Менегини не подтверждаются. Очевидцы, присутствовавшие на репетициях, а затем на представлениях «Весталки», единодушно свидетельствовали о том, что видели полностью преображенную Марию, нежную и ласковую… Всякий раз, когда Лукино обращался к ней, она расцветала в улыбке. Его указания она выполняла охотно и безропотно.

«Неоспоримо то, что из-за абсурдной страсти, которую Мария питала ко мне, она желала, чтобы я диктовал ей каждый ее шаг», — заметил Висконти. Следует обратить внимание на прилагательное «абсурдная». В самом деле, для Висконти любовь женщины к мужчине и наоборот не могла не казаться абсурдной… Пусть подобная точка зрения остается на его совести…

Мария, во власти вспыхнувшего чувства к маэстро, докучала Лукино, не замечая, что часто своим поведением выводила его из себя. Чуть позже, когда он ставил оперу Беллини «Сомнамбула», в последнем акте Мария настоятельно требовала, чтобы режиссер проводил ее до самых кулис, ссылаясь на свою близорукость. Наивная стратегия влюбленной женщины. По этому поводу Висконти не замедлил насмешливо высказаться:

«Я всегда носил в своем кармане носовой платок, надушенный английским парфюмом, запах которого нравился Марии. Всякий раз она мне говорила, чтобы я оставил его на диване, на который она приляжет во время сцены на постоялом дворе.

— Так я смогу даже с закрытыми глазами пойти в нужном

направлении.

К счастью, никто из оркестровых музыкантов не употреблял этот парфюм. В противном случае она оступилась бы в оркестровую яму».

Висконти относился к проявлениям нежных чувств Марии с некоторой небрежностью. При других обстоятельствах, во время представления «Травиаты», певица воспользуется антрактом, чтобы увидеться с Лукино, который обедал в ресторане «Биффи» по соседству с «Ла Скала». В тот же вечер он должен был уехать в Рим, и Мария не хотела, чтобы он отправился в путь, не попрощавшись с ней. Она даже не успела переодеться и снять яркий грим.

«Могло быть и хуже, — сказал потом Висконти. — Представляете, если бы она вошла в «Биффи» в ночной рубашке, которую носит Виолетта в последнем акте!»

Менегини, разумеется, категорически отрицал этот случай. На его беду были свидетели… Они по-своему прокомментировали появление Марии в зале ресторана.

Факт тот, что Мария открыто демонстрировала всему миру, какие нежные чувства она испытывала к Лукино. Впрочем, могла ли она вести себя по-другому, даже если бы хотела? Удавалось ли ей когда-нибудь сдержать свои бившие через край эмоции, будь то гнев или милость? Сценический успех еще больше усилил ее стремление выставлять напоказ свои переживания. Она знала, что Каллас могла позволить себе слова и поступки, которые не простились бы Марии. Из кокона на свет вылупилась прекрасная бабочка, и теперь без всякой ложной скромности, не боясь быть осмеянной или отвергнутой, она могла оглядеться по сторонам. Перед ней распахнулся неизведанный мир удовольствий и плотских радостей. И, что бы там впоследствии ни говорил несчастный Батгиста, он так никогда и не заставил учащенно биться сердце Марии. Вальтер Легге, директор студии звукозаписи, выпускавший диски певицы, рассказал об одном курьезном случае. Заглянув как-то после спектакля в гостиничный номер супругов Менегини, он застал их за чтением газет. Закутанные по самые уши в шерстяные пижамы, нисколько не возбуждавшие эротических фантазий, они лежали на разных постелях. После того как Легге подтвердил, что очарованная публика разошлась под огромным впечатлением от мастерства Марии, а также заметил, что подобным успехом ни одна певица не могла сравниться с ней, каждый из супругов повернулся на бок и выключил свет со своей стороны.

Совсем иначе вела себя Мария с Висконти. Она буквально ходила за ним по пятам. Певица преследовала его за кулисами

«Ла Скала», в ресторане «Биффи» и даже в гостинице, где он остановился. Когда же она узнала, что женщины интересовали великого режиссера только в творческом плане — Лукино сам открыл ей глаза на истинное положение вещей — это стало сокрушительным ударом для нее. К пылким чувствам, которые она испытывала к нему, примешивалась неистовая ревность. Это выражалось в бурных сценах, на которые певица была большой мастер, в частности, такое случалось, когда Висконти проявлял заметный интерес к какому-либо новому «дружку».

«Мария, — рассказывал впоследствии Висконти, — ненавидела Корелли из-за того, что тот был красив. Это действовало ей на нервы. Она постоянно следила за тем, чтобы я не уделял ему внимания больше, чем ей».

Когда Мария устраивала «семейные сцены», она не обращала внимания ни на время, ни на место действия. В ресторане или же во время репетиции она забрасывала Лукино вопросами и задавала их отнюдь не дружеским тоном. Впрочем, ее ревность подверглась жестокому испытанию. Помимо молодого тенора Франко Корелли, исполнявшего одну из партий в «Весталке», в «Сомнамбуле» оркестром дирижировал Леонард Бернстайн. Между прославленным дирижером и Висконти завязались самые теплые «дружеские» отношения, чего не могла перенести Мария, вновь терзаемая подозрениями, тревогой и ревностью. Когда певица узнавала, что мужчины отправились отобедать вдвоем, она являлась в ресторан без приглашения и представала перед «сладкой парочкой» словно античная статуя, размахивающая карающим мечом. Оскорбленная в лучших чувствах женщина совершенно забывала о гордости, достоинстве, независимости — обо всех этих неотъемлемых чертах своего характера. Она превращалась в обычную женщину, страдавшую от неразделенной любви.

В тридцатидвухлетнем возрасте она влюбилась в первый раз в жизни и вела себя как семнадцатилетняя девушка. Ее не волновали ни сплетни, ни саркастические улыбки, ни колкие замечания окружающих. Висконти рассказал, как однажды утром он зашел к ней в номер миланского «Гранд-отеля» вместе с Леонардом Бернстайном: «Когда пришло время уходить, мы сказали: «Чао, Мария, доброго тебе здоровья» и направились к двери. «Останься здесь! — бросила она, обращаясь ко мне. — Я не хочу, чтобы ты ушел вместе с Лени!»»

Не обращая внимания на это требование, мужчины вышли из номера вместе. Тогда она спрыгнула с постели и бросилась за ними. Подобные выходки она повторяла не один раз, совершенно не заботясь о том, что могли подумать о ней окружающие. Да,

Мария была без памяти влюблена в Лукино Висконти. Преклонение перед великим режиссером было только ничтожной частью ее страстного влечения к мужчине. Об этом мне рассказывали близкие друзья Каллас, в частности Мишель Глотц. Похоже, Мария Каллас сделала для себя открытие: помимо оперного искусства в жизни существовало еще и нечто другое.

В те же годы супруги Менегини познакомились с Франко Дзеффирелли. Будучи еще совсем молодым, он уже заявил о себе как о талантливом человеке с яркой творческой индивидуальностью, что не могло не вызвать раздражения у Висконти. Однако именно по стопам великого режиссера пошло это молодое дарование, пробившееся вначале в фавориты, а вскоре ставшее его соперником на режиссерском поприще. Как это ни парадоксально, но Висконти, в свою очередь, оказался большим ревнивцем. Его ревность вызвали дружеские отношения, установившиеся между Каллас и его ассистентом. Однако речь шла исключительно о профессиональной ревности. Дзеффиррелли в опере Россини «Турок в Италии», поставленной на сцене «Ла Скала» в период между двумя спектаклями Висконти, открыл нам совсем другую Каллас, смешливую, спокойную, избавившуюся от вспышек гнева. Несколько лет тому назад она уже пела в этой опере и теперь сумела блеснуть неизвестной гранью своего таланта. Дзеффирелли смог добиться не только успеха у публики, но и расположения самой Каллас. И этого не мог простить своему ученику Висконти. «Декоратор? Да! Режиссер-постановщик? Никогда!» — воскликнул в сердцах Лукино.

Вот что сказал по этому поводу Менегини: «В то время в области театра и кино Висконти был царь и бог. Никто не осмеливался спорить с ним. Его окружала толпа подхалимов, сплетников, бездельников, лодырей и лентяев, распространявших самые нелепые и фальшивые слухи по всем великосветским салонам Милана. В театральном мире именно эти люди могли создать или разрушить любую репутацию».

Соперничество между Висконти и Дзеффирелли приняло однажды смехотворный оборот, когда перед входом в театр «Пикколо» они обменялись ругательствами и оскорблениями. К счастью, возникшее между ними недоразумение было вскоре исчерпано, и оба служителя искусства отправились вместе в Испанию… Оттуда они прислали Марии открытки!

Мария сохранит с Дзеффирелли самые добрые отношения, которые выдержат дальнейшее испытание временем. Что же касается самого Франко Дзеффирелли, то недавно в телепередаче Бернара Пиво «Апостроф» он вспоминал примадонну с прежним

волнением и нежностью в голосе. Впрочем, он еще не раз будет работать «в поте лица» для нее.

Со своей стороны, Висконти, несмотря на то, что косо смотрел на творческое сотрудничество своего молодого конкурента с оперной дивой, не скрывал по отношению к ней своего безграничного восхищения. Лоране Шифано в прекрасной книге, посвященной певице, процитировала его высказывание по поводу Каллас. «Какое отличие от любой другой певицы старой школы! — заявил Лукино. — Эбе Стиньяни, например, в роли «Весталки» со своими двумя или тремя жестами имела самый жалкий вид. На сцене она выглядела как уборщица! Мария, напротив, постоянно училась и творчески росла. Стоило один раз указать ей нужное направление, как она, наделенная от природы удивительным артистическим чутьем, всегда оправдывала и превосходила возлагавшиеся на нее надежды. Что я помню о ней во время репетиций? Красоту… Яркость образа, экспрессию, все… Она была феноменом… Едва ли не отклонением от нормы. Из тех актрис, которые исчезли навсегда…»

Если появление Висконти в «Ла Скала» совпало с периодом высшего расцвета таланта Каллас, то это произошло отнюдь не случайно. Висконти принес новые идеи, изменившие существовавшее до него представление об оперном искусстве: концепцию сценографии, движений, указанных или, скорее, вмененных в обязанность артистам, систему освещения, которой он управлял как волшебник. Висконти в какой-то степени освободил оперу от условности действия и, не лишая ее романтического ореола, заставил зрителя поверить в реальность происходившего на сцене. И самое главное, Висконти умел максимально использовать профессиональные качества исполнителя. Так Каллас под руководством Висконти достигла вершины своего творчества.

Результат творческого союза этих двух выдающихся личностей не заставил себя ждать: 7 декабря 1954 года во время первого спектакля «Весталки» на оперную диву обрушился такой оглушительный шквал аплодисментов, которого она еще никогда не слышала. В конце второго акта к ногам певицы дождем посыпались красные гвоздики от зрителей, объединенных в едином порыве, независимо от того, где они сидели — в партере или на балконе. И тут Мария сделала жест, который привел публику в полный экстаз: она подняла один цветок и, подойдя к самому краю сцены, протянула его какому-то пожилому господину, который от избытка чувств едва сдерживал слезы. Даже такой верный поклонник Тебальди, как Артуро Тосканини, и тот не скрывал своего волнения.

Казалось, успех совместной работы Марии и Лукино достиг своего апогея. Однако настоящий триумф ожидал Каллас в опере «Сомнамбула». Следует отметить, что этому способствовала и музыка Беллини, наилучшим образом сочетавшаяся с вокальными возможностями певицы, и оркестр под руководством великого дирижера Леонарда Бернстайна, да и сам Висконти мобилизовал все свое воображение, чтобы «его» примадонна предстала перед публикой во всем блеске своего мастерства. Влюбленная в своего режиссера, Мария потребовала, чтобы он постоянно присутствовал за кулисами во время спектакля. Как мы уже знаем, Каллас, чтобы показать на сцене все, что она могла, нуждалась в наставнике. Однако на этот раз певица в своих капризах превзошла саму себя. Еще немного, и она была бы готова вытащить Висконти за собой на сцену… Такое поведение Марии, как можно догадаться, вряд ли нравилось Менегини, но он сдерживал свой гнев, понимая, что это не лучшее время для ссоры с женой. Кроме того, зная о предпочтениях Висконти, он был уверен, что увлечение Марии не грозит ему прослыть «рогоносцем».

Висконти, в свою очередь, превзошел самого себя как режиссер-постановщик. Он приложил все усилия, чтобы его лучшая исполнительница засверкала всеми гранями своего таланта, а произведение Беллини погрузило зрителей в состояние романтической меланхолии.

Как уже говорилось, лучшие дни для певицы и режиссера все еще были впереди. Для постановки «Травиаты» Висконти использовал поистине кинематографические приемы. Он выделил элементы, на которые, как правило, в опере не обращали внимания. Однако самое главное, он построил на сцене нечто вроде ларца для Марии, в котором она выглядела редкой драгоценной жемчужиной.

Висконти не делал секрета из своих задумок. Позднее он рассказал: «Я поставил «Травиату» для нее так, как это себе представлял. Надо служить Каллас. Лила де Нобили перенесла вместе со мной действие оперы в 1875 год, в конец девятнадцатого века. Почему? Потому что Марии будут необычайно к лицу костюмы той эпохи. Затянутая в узкий корсет, высокая и стройная, в платье, подчеркивающем талию, с турнюром и длинным шлейфом она будет неотразимой…»

Мария создала на сцене потрясающий воображение женский образ, трепетный и чрезвычайно обольстительный. Как никакая другая актриса, она сумела полностью перевоплотиться в Виолетту, трогательную героиню мелодрамы, прозванную «Дамой с камелиями», как в романе Дюма-сына. В ней объединились

певица и актриса, что позволило публике почувствовать одновременно страсть, нежность и хрупкость этого персонажа. В вокальном плане роль потребовала самого высокого мастерства исполнительницы, поскольку каждый акт оперы звучал в разной тональности. Однако Мария преодолела все препятствия, чтобы донести до зрителей правду Виолетты.

Певица охотно делилась секретами своего мастерства во время исполнения этой оперной партии: «Я попробовала показать болезнь Виолетты в самом звучании голоса; ведь прежде всего она была больной, не правда ли? Все дело в дыхании. Нужна очень здоровая глотка, чтобы так долго говорить и петь усталым голосом. Критики заявили: «Каллас устала; ее голос устал…» Именно такое впечатление я и хотела произвести… Как в своем состоянии Виолетта могла обладать мощным, высоким, полным голосом? Это было бы смешно».

Висконти открыто демонстрировал свою преданность Каллас. Во время репетиций он делал все, чтобы певица выглядела в самом лучшем свете. Поведение мэтра вызывало неодобрение ди Стефано, партнера оперной дивы. В особенности когда в день премьеры Мария, как она часто это делала, выходила одна на поклон к зрителям. Впрочем, недруги певицы отнюдь не дремали и не думали складывать оружие, что подтверждалось свистом, звучавшим не один раз. Певица до сих пор прислушивалась к подобным выходкам недоброжелателей, несмотря на то, что ее выступление сопровождалось громом аплодисментов.

Мария беспрекословно выполняла все указания Висконти, что нисколько на нее не походило и противоречило ее вспыльчивому нраву. Как мы уже знаем, Менегини в своих воспоминаниях постарался преуменьшить влияние режиссера на его жену. В частности, Менегини писал: «Он хотел, чтобы в момент смерти Виолетта была в маленькой шляпке. Мария же считала, что она будет нелепо выглядеть в ней. Мне пришлось вмешаться и убедить Марию уступить, чтобы ублажить его… На премьере, когда приближался роковой момент, Мария, не прерывая пение, изящным движением бросила шляпку в угол. Висконти, сидевший рядом со мной в зале, воскликнул: «Ах, мерзавка! Она заплатит мне за это!» По окончании спектакля он бросился с упреками к Марии, но так ничего и не доказал ей».

К несчастью, журналисты хорошо рассмотрели, что умирающая Мария — Виолетта оставалась в шляпке до самого конца оперы. Один из них даже громко возмущался по этому поводу, и он был далеко не одинок в критике новаторских идей режиссера-постановщика. Перенесение действия в другую историческую эпоху вызвало многочисленные замечания. Ясно,

что Висконти нарушил традиции оперного искусства, которое без него и других его последователей было бы обречено на вымирание.

Что же касается Марии, то заканчивавшийся оперный сезон подтвердил ее успех в «Ла Скала». Отныне миланская публика уже не могла жить без певицы. В свою очередь, и Мария решила поселиться в столице Ломбардии. Дом на улице Буонарроти, обустроенный Баттистой под высоким руководством супруги, имел некоторое сходство с королевским дворцом из сказок «Тысячи и одной ночи». И все же — признак эволюции во вкусах дивы — позолота уже не столь резко бросалась в глаза, как в Вероне, менее вызывающе выглядела роскошь, несмотря на то, что скопление разнородных дорогих предметов и вещей придавало отдельным комнатам вид блошиного рынка для миллионеров. В своем новом жилище Каллас принимала гостей, как настоящая королева, в которую она и в самом деле превратилась благодаря теперь уже безупречной фигуре и изысканной одежде, сшитой на заказ у Бики, внучки композитора Пуччини. Принадлежащий Бики дом моделей, один из самых известных в Италии, внес свой вклад в чудесное преображение Марии. По мере того как певица примеряла новые наряды, сшитые исключительно для самых стройных женщин, она утверждалась в желании еще больше похудеть и лишние килограммы улетучивались сами собой.

Возможно, примадонну по-прежнему терзали сомнения и мучили старые комплексы, но она тщательно скрывала это от публики.

По поводу Тебальди певица высказалась со всей своей язвительной резкостью: «Может ли она один вечер петь Лючию, в другой — Виолетту, а третий — Джоконду, да еще в следующий день — Медею? Нет! Тогда не говорите мне о том, что мы с ней соперницы. Сравнивать нас — это все равно что сравнивать шампанское и кока-колу!»

Впрочем, Мария еще не раз вспомнит о Тебальди. В результате постоянных переговоров, которые вел ее супруг, Каллас подписала контракт с молодыми продюсерами Кэрол Фокс и Лоуренсом Келли из чикагского оперного театра на выступление сразу в нескольких спектаклях. «Вы должны пригласить Ренату Тебальди, — посоветовала Мария. — Так ваша публика получит возможность сравнить нас, а ваш оперный сезон увенчается еще большим успехом».

В самом деле, в тот 1955 год Тебальди выступила только один раз на сцене «Ла Скала». Добровольный уход в тень певицы с мировым именем можно расценивать как признание

превосходства Каллас. Действительно, в тот момент вокальные данные Марии, едва ли не превышавшие человеческие возможности, давали ей бесспорное преимущество. Несмотря на то, что у Тебальди по сравнению с Каллас был не столь обширный репертуар, все же не следует забывать, что кристальная чистота и совершенное владение голосом позволяли называть эту певицу одной из самых великих оперных исполнителей XX века. В вокальном плане у нее не было причин завидовать Марии. Каллас превосходила ее за счет разнообразия своих ролей и мастерства, свойственного драматической актрисе.

Отправившись в Чикаго на непродолжительный срок, Мария вновь обрела здесь своих горячих поклонников. Так же как и в прошлом году, публика была в восторге от ее выступлений и не скупилась на комплименты. Мария принимала знаки зрительского признания, как королева похвалу своих вассалов.

«Есть справедливость, — заявила певица в одном интервью. — И она восторжествовала. Бог есть. Он коснулся меня своим перстом».

Увы! Небеса не всегда проявляют к нам свою благосклонность, и одно досадное событие испортило состояние эйфории, в котором пребывали супруги Менегини. Если Мария и Титта забыли о семействе Багарози, то Эдди и Луиза Багарози помнили о них! У Багарози на руках был контракт, подписанный в свое время Марией, где черным по белому указывалось, что ему принадлежат десять процентов от всех гонораров оперной дивы, и он вспомнил о своем адвокатском образовании. К тому же его дела нельзя было назвать процветающими.

Приезд Марии в Америку Багарози расценил как возвращение курицы, несущей золотые яйца. Уж он постарается извлечь выгоду из сложившейся ситуации или хотя бы попытается это сделать.

Мария еще не успела снять грим и японское кимоно после блистательного выступления в опере «Мадам Баттерфляй», затянувшегося бесконечными вызовами на поклон, как в ее гримерной появился некто Стэнли Спрингл, судебный исполнитель. Этот господин, относившийся со всей серьезностью к возложенной на него миссии, прихватил с собой шестерых помощников, но просчитался. Нужно было взять с собой подкрепление в два раза больше, чтобы произвести какое-то впечатление на Марию. Когда она узнала от судебного исполнителя о том, что Багарози требует от нее 85 тысяч долларов или же 30 миллионов старых франков, она стала метать громы и молнии так, как умела делать только она одна. Но это не помешало Спринглу перед уходом опустить в складки кимоно мадам Баттерфляй уведомление об уплате процентов в самый

короткий срок.

У нас имеется фотография, на которой мы видим Стэнли Спрингла, который с озадаченным выражением лица пытается завернуться в дешевый плащ, словно хочет прикрыться им, как щитом. Позади него — госпожа Менегини-Каллас, выпустившая когти и оскалившая зубы тигрицы во всем блеске своей свирепой ярости. Этот инцидент расширил коллекцию противников оперной дивы и окончательно подтвердил ее репутацию мегеры.

Разумеется, Каллас, при полной поддержке ее супруга, отказалась платить 85 тысяч долларов. Это дело повлекло множество судебных разбирательств и отняло немало душевных сил. Росси-Лемени в те времена, когда был еще начинающим певцом, также попал в ловушку, расставленную Багарози. Однако ему удалось вырваться из нее без особых потерь, поскольку он заключил сделку, устроившую обе стороны. Нам же известно, что супруги Менегини открывали свой кошелек только в том случае, если их брали за горло.

Одно из условий контракта, подписанного Марией с Фоксом и Келли, предусматривало, что они обязывались защищать ее от нападок со стороны адвоката-импресарио. Однако американские судебные исполнители — люди отнюдь не сговорчивые, что они лишний раз и доказали. В самом дурном расположении духа Мария поспешила вернуться в Италию, где узнала, что ее имя использовалось в рекламе одной известной марки макаронных изделий. Производители ссылались на то, что именно их продукции Мария была обязана своим чудесным преображением в стройную красавицу. Естественно, супруги Менегини затеяли новую судебную тяжбу, сопровождавшуюся такими курьезными перипетиями, что пресса прозвала ее «битвой спагетти».

В этом длившемся несколько лет судебном процессе ответчиком был президент общества производителей макаронных изделий «Пантанелла» — это и есть название марки — граф Паселли, племянник папы Пия XII. И вот уже Ватикан не посчитал для себя зазорным вмешаться, чтобы уладить этот вопрос полюбовно! Однако Мария не сдалась, она и впредь будет питать определенную слабость к судебным процессам. В результате сам понтифик включился в борьбу. Известно одно: супруги Менегини получили частную аудиенцию у папы Пия XII. Баггисте нелегко далась встреча с понтификом, поскольку он растолстел и с трудом смог влезть в свой парадный костюм. Стянутый брюками, словно корсетом, он опасался, что его одежда может в любой момент лопнуть по швам и он предстанет перед папой в нижнем белье, как он сам об этом позднее написал в своих воспоминаниях. К счастью, брюки не лопнули во время

аудиенции, и этикет не был нарушен!

Папа высказал просьбу, чтобы Мария смягчила свои требования, но наша оперная дива не имела привычки отступать. И понтифик — если он и в самом деле вмешался в это дело — остался ни с чем. В итоге итальянское правосудие только в 1959 году признало правоту Марии. Однако в тот момент ее уже нисколько не интересовали макаронные изделия, поскольку она путешествовала на яхте «Кристина» в обществе Онассиса…

Во время пребывания в Чикаго супруги Менегини получили глубокое удовлетворение от встречи с Рудольфом Бинтом. Директор «Метрополитен-оперы» посчитал, что он не имеет права лишать свою публику возможности насладиться пением Каллас, какими бы ни были выдвигаемые ею условия. Пока Мария выступала на сцене чикагского оперного театра, между Менегини и Рудольфом Бингом шли напряженные переговоры. После многочисленных требований относительно дирижера, репертуара и гонорара Каллас, наконец, дала свое согласие. Рудольф Бинг мог вздохнуть с облегчением, поскольку на протяжении переговоров его не покидала тревога за их исход. В своих воспоминаниях он не без юмора привел пример того, что ему пришлось выдержать: «В 1955 году для подписания этого контракта нам пришлось свернуть горы: вместе с Френсисом Робинсоном я прилетел в Чикаго. Мы слушали Каллас в «Трубадуре». По окончании оперы мы прошли с ним за кулисы, где я исполнил коронный номер, выученный мною еще в далеком детстве, с целованием рук. Фотография этого была напечатана во всех газетах. И наконец-то «Метрополитен-опера» подписала контракт с Марией Каллас».

Однако все было не так гладко, как казалось. Осложнения возникли со стороны Багарози из-за подписанного когда-то с ним контракта. И незадачливому Бингу вновь пришлось нелегко: «Адвокаты посоветовали нам договориться с певицей, чтобы деньги за ее выступления переводились в один из швейцарских банков. В этом случае она как бы не получит в Америке никакого гонорара, на проценты из которого мог рассчитывать Багарози. Мы разработали до тонкостей этот вариант, но Менегини отклонил его, как и все другие наши предложения. В итоге он согласился только на то, чтобы мы передавали лично ему в руки деньги за каждое выступление его жены, еще до того, как поднимется занавес. Все последнее время я выплачивал причитавшиеся Каллас суммы купюрами достоинством в 5 долларов, чтобы он прочувствовал, каково перевозить столь тяжелый и крупногабаритный груз».

Изнанка театральной жизни отнюдь не столь привлекательна,

как ее лицевая сторона…

Осенью 1955 года Каллас вернулась в Милан, где спела в семнадцати представлениях «Травиаты»! И, как всегда, вызвала искренний восторг у публики, впадавшей в коллективный транс, а также привычную враждебность кучки недоброжелателей, устраивавших шумные выходки. Однажды на вечернем представлении, когда в последний раз опустился занавес, а зрители, как всегда стоя, приветствовали своего кумира и забрасывали сцену букетами цветов, среди цветов вдруг показался… пучок редиски! Из-за своей близорукости Мария приняла редиску за розы и подняла пучок. Когда же певица заметила свою оплошность, она не растерялась и, продолжая игру, прижала к груди этот «подарок» недругов! Оказавшись, наконец, за кулисами, Мария дала волю гневу и слезам, забыв о море цветов, преподнесенных поклонниками, и помня только о редиске. Ей были непонятны причины такого отношения к ней; впрочем, она так никогда и не поймет этого.

Как и Мария, мы можем только задаваться вопросом: почему на протяжении всей ее творческой деятельности какая-то часть прессы постоянно травила ее? Описывая день за днем жизнь великой певицы, можно обойти стороной и неровный характер, и острый язык, и перепады настроения, и капризы, и вспышки гнева, как, впрочем, и другие недостатки. Однако недоброжелатели Каллас не собирались этого делать и держать язык за зубами. Можно еще понять, когда во время дебюта певицы на международной сцене критики основное внимание уделили несовершенству вокала Марии, отказываясь видеть все то новое, что она внесла своим исключительным темпераментом. Однако кажется странным, что впоследствии отдельные критики так и не решились признать, что Марии удалось преодолеть большинство шероховатостей в исполнении. Надо было, чтобы с ней случилось несчастье, затем — одиночество и преждевременный уход из жизни, чтобы замолкли сплетники и злопыхатели, преследовавшие певицу на каждом шагу. Столь неоправданная ненависть, возможно, была неизбежной платой за неслыханный, беспрецедентный успех Каллас в оперном мире, что не устраивало кого-то из его представителей.

Разумеется, Мария не могла смириться с подобным положением вещей. Она уделяла больше внимания злобным выпадам и критике, чем похвалам в свой адрес. К прежним комплексам, связанным с избыточным весом, близорукостью и прочими унаследованными и приобретенными еще в детстве недостатками, добавилось постоянное чувство тревоги, что каждый, кто обращался к ней с улыбкой, был готов предать ее при

первой возможности, а также, что каждый, кто оказывал ей знаки уважения, надеялся извлечь какую-то материальную выгоду. Как в таких условиях можно было чувствовать себя по-настоящему счастливой? Как она могла в полную силу испытывать радость от одержанных ею побед? Неуловимая Каллас, неуловимая мятежная душа, превращавшая сказочные испанские замки в пещеры злой феи…

И все же той весной 1956 года она царила на сцене «Ла Скала» над своей публикой, своей труппой. Безоговорочно и безраздельно… Певица и в самом деле не любила делиться славой, когда в конце спектакля надо было выходить на поклон к рукоплещущей публике, что приводило к столкновениям.

«Я собирался выйти на сцену, — рассказывал Марио дель Монако, который пел с ней в «Норме», — как вдруг почувствовал сильный удар по ногам. На несколько мгновений я застыл на месте, что позволило Марии выйти с улыбкой к рампе и сорвать все аплодисменты, включая и те, что предназначались мне».

Еще одна легенда? Или Мария действительно была способна на подобное действие, которое было скорее из области карате, чем бельканто? Много лет спустя я задал этот вопрос Марио дель Монако. Знаменитый тенор не ответил. Он только улыбнулся и потер ногу…

Оперы, исполнявшиеся в том сезоне в «Ла Скала», имели триумфальный успех, хотя в плане исполнительского мастерства Марии были присущи отдельные недостатки. В интерпретации Розины в «Севильском цирюльнике» Каллас не всегда соблюдала нужную тональность и не держала некоторые ноты. Какое-то время спустя ей уже аплодировали в «Травиате» на сцене Венской оперы. Оркестром дирижировал фон Караян, а не Джулини, как в Милане, что не нравилось Висконти.

Жители Вены собирались под окнами гостиницы «Sacher», чтобы приветствовать певицу. Много раз она выходила на балкон, превратившись на один день в королевскую особу для города, ностальгировавшего по пышным императорским праздникам. Однако ее мысли и сердце были уже далеко. Гигантские небоскребы Нью-Йорка заняли ее воображение и вытеснили скромные дворцы столицы Габсбургов. Для окончательного завоевания мира Каллас оставалось покорить публику «Метрополитен-оперы».

13 октября 1956 года Мария прибыла в Нью-Йорк во всеоружии, с багажом, собаками и мужем. Происходили известные события на Суэцком канале, в Будапеште — в полном разгаре была холодная война, однако для американских журналистов все международные новости сводились к афише,

опубликованной на первой странице «Тайм мэгэзин» с фотографией молодой женщины. Когда Мария появилась в здании аэропорта, вокруг нее образовалось плотное кольцо из фотографов и зевак. Георгиос, старый, но незабытый отец, с трудом прорвался к дочери.

На протяжении многих дней Мария Каллас с терпением профессиональной звезды отвечала на всевозможные вопросы, в том числе и на самые каверзные, задаваемые ее «инквизиторами». Надо отдать должное Менегини, который тщательно следил за тем, чтобы ни малейшее пятнышко не нанесло урона популярности его жены. Как всякому хорошему импресарио ему было известно влияние американской прессы на общественное мнение. На страницах газет батальные сцены развернулись еще раньше, чем на сцене «Метрополитен-оперы».

Между тем Марии с трудом удавалось сохранить хладнокровие, когда в газете «Нью-Йорк таймс» появилась статья, где подробно описывалась ее размолвка с матерью. Какой-то журналист нашел Евангелию, чтобы та рассказала, как, не получая помощи от своей неблагодарной дочери, вынуждена была, чтобы выжить, изготавливать кукол, изображавших… оперных персонажей. Другой журналист составил целый список конфликтов Каллас с партнерами по сцене. Мария мастерски держала удар и старалась на публике не показывать своего возмущения.

Вспоминая тот период, Рудольф Бинг признавался, что был удивлен поведением своей подопечной: «Что упустили из виду почти все те, кто писал о Каллас, так это детскую сторону ее личности; полную зависимость и доверчивость по отношению к другим людям, что было главным в ее характере. Первый сезон Каллас в «Метрополитен-опере» оставил в моей памяти два жутких события. Во время субботнего утреннего спектакля, когда оркестр уже заиграл увертюру, она прислала мне из своей гримерной записку с уведомлением, что она не может выступать. Я помчался к ней в гримерную, где и застал ее в весьма плачевном состоянии. Вокруг нее с озабоченными лицами суетились врач и Менегини. Мне кажется, что когда я вошел, то выглядел хуже, чем заболевшая Каллас. После того как я произнес несколько ободряющих слов, она вдруг согласилась выступать. Она спасла нас от скандала».

Дебют Каллас в «Метрополитен-опере» действительно проходил в праздничной атмосфере, как карнавальное мероприятие, что вполне в духе этой страны, не знающей ни в чем меры. Для того чтобы проникнуть в храм, где должна появиться главная жрица оперного культа, американцы часами

стояли в очереди. В зависимости от размеров банковского счета наиболее пронырливые зрители использовали все свои связи. Случались и обмороки, и крики, и потасовки. Мария, несмотря на то, что дебютировала в «Норме», произведении, игравшем для нее роль некого талисмана удачи, пребывала не в лучшей форме. Как теперь принято говорить о чемпионах в спорте, она плохо переносила «внешнее воздействие», чем не замедлили воспользоваться ее недоброжелатели. Ее партнером по сцене вновь стал Марио дель Монако, поклявшийся никогда не петь вместе с Каллас. Мы теперь знаем, чего стоят клятвы в театральном мире…

Настоящие чемпионы умеют собирать свою волю в кулак, что и продемонстрировала Мария в «Тоске» и «Лючии ди Ламмермур».

На этот раз даже самые рьяные хулители были вынуждены признать: Каллас была редкой жемчужиной, об известности которой не напрасно гремели фанфары. Увы! На страницах популярных газет недолго мелькали хвалебные статьи. Для того чтобы газеты хорошо продавались, надо вытаскивать на свет сомнительные «дела» и сплетни. И в этом особенно поднаторели американские журналисты. Между ними царит самая жестокая конкуренция. И каждому надо любой ценой раздобыть скандальную информацию, чтобы вынести ее в заголовки и опубликовать на первых страницах газет. И вот как никогда кстати подвернулось дело Энцо Сорделло.

Глава 10
Беспрецедентный скандал

Не избежав участи многих партнеров оперной дивы по сцене, Энцо Сорделло попал в неприятную историю. Каллас, уже успевшая один раз повздорить с молодым баритоном два года назад на сцене «Ла Скала», вновь встретилась с ним в «Метрополитен-опере», где он играл роль ее брата в «Лючии ди Ламмермур». Во втором акте Энцо Сорделло, исполняя арию в дуэте с Марией, держал высокую ноту так долго, что Каллас не хватило дыхания, и ему пришлось завершить свое пение в одиночку. Гневный жест певицы свидетельствовал о ее возмущении гораздо больше, чем любые слова. На следующий день Рудольф Бинг попросил Энцо Сорделло поискать применение своему таланту в другом месте, если только кто-то захочет взять его в труппу театра. Энцо Сорделло заявил в ярости, что сделает все, чтобы положить конец диктатуре Каллас над всем оперным миром. Пресса, похоже, только того и дожидалась, чтобы лишний раз назвать оперную диву закрепившимся за ней прозвищем «тигрица».

Мария, разумеется, не собиравшаяся молча сносить обиду, выступила в свою защиту. Разгоревшаяся между артистами полемика вдохновила акул пера, которыми так богата американская фауна. И, наконец, свое веское слово сказала самая известная, самая ядовитая и самая отвратительная из газетных писак Эльза Максвелл. Убежденная «тебальдистка», Эльза не могла упустить случая, чтобы не выпустить в Каллас несколько отравленных ядом стрел. Нападки прессы пришлись Марии как нельзя некстати еще и потому, что на горизонте вновь появились супруги Багарози с судебными приставами. Для того чтобы не повторился неприятный инцидент, произошедший в Чикаго, Рудольф Бинг окружил примадонну телохранителями, сопровождавшими ее повсюду, где был риск повстречаться с недругами. И все же певица вынуждена была считаться с американским законодательством и вступить в переговоры.

Неожиданный и вполне театральный поворот событий принес Каллас поддержку, о которой она не могла и мечтать. Наделенная поистине собачьим чутьем, помогавшим ей с самого начала своей карьеры жить на широкую ногу за чужой счет, обладавшая врожденным инстинктом, благодаря которому ее наглая бесцеремонность воспринималась как должное в самых высоких кругах, Эльза Максвелл с легкостью покинула ряды

«тебальдистов», чтобы на следующий же день записаться в пламенные сторонницы Каллас. Темперамент не позволял знаменитой газетной сплетнице оставаться в тени. Она обставила свой переход в другой лагерь с максимальной помпой, словно речь шла не о простом перемещении, а о настоящем переезде. Представьте себе акулу, а Эльза была весьма похожа на нее, менявшую один аквариум на другой!

Появление Эльзы Максвелл на жизненном пути Марии повернет судьбу оперной дивы в новом направлении. Окинем взглядом любопытный феномен, какой представляла собой эта женщина. Эльза Максвелл была чисто американским явлением, невозможным ни в каком другом уголке планеты. Она не обладала ни одним положительным качеством. Отталкивающая внешность, злобный характер, скрывавшийся за лицемерной улыбкой, откровенная недоброжелательность и в особенности язык, способный заставить умереть от зависти самую ядовитую змею. Чем объяснить влияние подобного персонажа на часть американского общества? Безусловно, основой этого общества. Сколотив солидное количество долларов, американцы озаботились тем, чтобы получить признание в высших аристократических кругах. Эльза Максвелл взяла на себя право выдавать сертификаты на принадлежность к сливкам общества. Она превратилась в модного арбитра в этой гонке за званиями и титулами, о которых мечтал каждый новый американец. Несмотря на то, что манеры Эльзы шокировали окружающих своей вульгарностью, а уровень культуры оставлял желать лучшего, она была распорядителем танцев на балу удачи у всех пустышек и снобов, среди которых чувствовала себя, словно рыба в воде. Как и все подобные ей паразиты, она бралась за устройство больших праздников за счет богатеньких буратино. Последние же были бесконечно благодарны ей за то, что она соглашалась пустить по ветру их состояния.

Вот с таким «монстром» и столкнулась Мария. Историческая встреча двух женщин состоялась, разумеется, в роскошных декорациях — в отеле «Вальдорф Астория». Переговоры между Франциском I и Генрихом VIII меркнут в сравнении с тем моментом, когда Эльза и Мария обменялись поцелуем, скреплявшим их мирный договор. Впрочем, первый шаг сделала именно Мария. Надо было иметь очень вескую причину, чтобы совершить столь не свойственный ее характеру жест доброй воли. У знаменитой певицы появились неожиданные амбиции. Без сомнения, Мария царила в театральном мире, но она правила только картонным королевством шутов и акробатов. И это больше не устраивало ее. С помощью Максвелл певица рассчитывала

получить доступ в высшее аристократическое общество, о чем пока могла только мечтать. И Каллас смирила свою гордыню, чтобы с легким сердцем принять унизительные условия перемирия с великосветской сплетницей.

Максвелл, обрадовавшись нежданной победе, не заставила себя долго просить. Как мы уже сказали, она всегда держала нос по ветру, а он дул в то время в сторону Марии. Как бы там ни было, Максвелл и в самом деле прониклась к Каллас самыми лучшими чувствами. И если раньше она опускала свое перо в желчь, то теперь — в сосуд с амброзией. Трюк удался! Вторжение — а лучше было бы сказать «извержение вулкана» — Максвелл в жизнь и судьбу Марии будет иметь для певицы самые печальные последствия. Однако в тот момент у оперной дивы были совершенно определенные цели: Эльза как газетный фельетонист должна была помочь ей занять новое положение в обществе. До встречи с Максвелл Мария Каллас считалась только великой певицей, а теперь она хотела мирового признания как личности, существовавшей за пределами оперной сцены…

В тот момент Менегини от души радовался переменам, как ему казалось, к лучшему. Он уже мысленно приписывал нули к суммам будущих контрактов, не замечая опасности, которую представляло для Марии вхождение в узкий круг богачей, что могло лишить ее корней и культуры. Впрочем, как он мог в то время предвидеть какую-то опасность? Он слишком хорошо знал свою Марию. Разве он, как Пигмалион, не создал ее, свою толстую Галатею? Когда Максвелл приглашала свою новую приятельницу провести где-нибудь весело время, то супруг певицы предпочитал оставаться в уютном номере гостиницы, нежели сбивать каблуки перед сливками нью-йоркского общества. Мало-помалу, не отдавая даже себе в этом отчета, Мария привыкла к тому, что Баттиста больше не ходил за ней по пятам. Эстафету из его рук приняла Эльза Максвелл. Отныне она принялась на свой вкус лепить образ новой Каллас.

Можно сколько угодно задаваться вопросом: почему Мария позволила так легко обвести себя вокруг пальца? Ведь для мира фальши и обмана, куда певица так стремилась попасть, она была только забавной игрушкой, неодушевленным предметом, вызывавшим праздное любопытство. Как она допустила, чтобы ей пустили пыль в глаза? Как не почувствовала, что эта сверкающая огнями дорога, на которую она ступила, приведет ее к гибели? Отмеченные Богом выдающиеся личности не имеют права предаваться светским утехам, чтобы не уронить корону. И все же можно понять, что женщине захотелось наконец, что называется, пожить, попробовать на зубок вкус собственной славы. Вряд ли

она думала о том, какую цену придется ей заплатить за отказ от прежнего, почти аскетического образа жизни. И то, чего не удалось сделать восторженным овациям публики двух полушарий земли — одурманить ее, — с невероятной легкостью смогло совершить высшее общество своими льстивыми комплиментами под звон бокалов с шампанским. Каллас забудет о своем высшем предназначении. Феноменальная творческая судьба превратится в аттракцион на ярмарке тщеславия.

Вначале артистка и женщина легко уживались в ней. Прежде всего потому, что Мария продолжала работать, по-прежнему проявляя к себе высочайшую требовательность. К тому же двадцать лет упорного труда не прошли даром. Она могла позволить себе некоторые погрешности в исполнении, не влиявшие до поры до времени на качество пения. Так, интерес к ее выступлениям в «Метрополитен-опере» был настолько велик, что зрители покупали в ажиотаже билеты за бешеные деньги. Кстати, о деньгах. 29 октября, когда она впервые спела на сцене нью-йоркской оперы, сидевший в ложе мужчина с отливающими серебром волосами громко аплодировал ей. В то время этот человек имел доход в 2 миллиона долларов в день, и звали его Аристотель Онассис. По правде говоря, опера вызывала у судовладельца неподдельную скуку, однако занимаемое в обществе положение обязывало его появиться в «Метрополитен-опере», когда там дебютировала Каллас. Кроме того, певица была, так же как и он, греческого происхождения. В тот вечер интерес миллиардера не распространился дальше зрительного зала и не привел его в гримерную оперной дивы. Что же до самой певицы, то ее окружало столько разных известных лиц и могла ли она хотя бы заметить его? Еще до начала оперного представления сама легендарная Марлен Дитрих принесла Марии для подкрепления сил бульон, который сварила собственными руками. Жест, растрогавший Каллас до слез…

Прошло несколько недель, и Мария вновь появилась в отеле «Вальдорф Астория» на балу, устроенном все той же Эльзой. В наряде египетской принцессы, сверкая бриллиантовыми и изумрудными украшениями, певица окидывала толпу восхищенных почитателей поистине царским взглядом, с радостью прислушиваясь к восторженному гулу голосов. И она забыла на какое-то время самое главное, о чем постоянно думала: за лестью скрываются просьбы…

Несколько дней спустя по возвращении в Милан Мария появилась в «Ла Скала» уже не в одеянии царицы Египта, а в манто из шиншиллы, чтобы своим присутствием осчастливить публику, пришедшую послушать оперу Франсиса Пуленка

«Диалоги кармелиток».

В начале февраля 1957 года в лондонском «Ковент-Гардене» певица доказала, что участие в светских мероприятиях нисколько не отразилось на ее профессиональных качествах. Два представления «Нормы» подтвердили, что Каллас находилась на пике славы. В то время Жак Буржуа отметил: «Неожиданно понимаешь, как с исчезновением великих священных монстров сцены опера может оказаться в самом незавидном положении, а также то, как это условное искусство всегда может быть возрождено гением».

Недавно, вспоминая свои впечатления от того памятного вечера, Жак Буржуа сказал мне: «Во время этих двух представлений «Нормы» она выступала в сопровождении такого количества талантливых исполнителей, какого до нее никому еще не удавалось собрать. Она «прожила» свою роль так, словно это происходило с ней впервые. В тот вечер я раскрыл один из секретов ее гениальности: в каждое свое выступление она добавляла какой-то новый элемент и открывала в своем персонаже какую-то новую грань. Я ни разу не видел, чтобы она повторялась в одной и той же роли. В период апогея своей сценической карьеры, то есть до 1958 года, она постоянно выходила за пределы возможного. И то, что было недосягаемым для других, для нее не составляло труда. Так и в тот раз, не успел упасть занавес, как известные на весь мир своей флегматичностью англичане вскочили как один со своих мест. Мне вдруг показалось, что я нахожусь на стадионе среди бразильских футбольных фанатов!»

Мгновения славы, возможно, самые сладкие, тают как мираж. Была ли права Мария Каллас, когда спешила насладиться светским признанием публики, взять от жизни все, что было возможно? Вероятно, она полагала, что судьба будет и впредь благосклонна к ней и ее царствование в оперном мире продлится еще долгие годы. Могла ли она предвидеть, что не пройдет и трех лет, как появятся первые признаки будущего краха? У нее не было причин проявлять беспокойство, поскольку она находилась на вершине славы. Но на самом деле Каллас никогда не была удовлетворена своей работой, постоянно искала в ней и в себе изъяны, что заставляло ее идти от достижения к достижению, превосходя саму себя. Задумывалась ли публика, аплодировавшая ей и беспрерывно вызывавшая ее на поклон во всех уголках земного шара, что приговаривала ее к преждевременной гибели? Каллас не имела ни смелости, ни желания отвернуться от жаждавшей зрелищ толпы, а Менегини не хватало ума раскрыть ей глаза на последствия этого. Этому человеку вскружили голову

все увеличивавшиеся суммы контрактов, а горизонт закрыли выросшие до небес горы долларов. И Мария продолжала свою смертельную гонку.

Вернувшись на сцену «Ла Скала» 2 марта 1957 года, она блистала в «Сомнамбуле» еще ярче, чем в двух предыдущих театральных сезонах. Разумеется, по-прежнему ставил эту оперу Висконти. К этому времени отношения между двумя звездами «Ла Скала» заметно изменились. Мария скрепя сердце вынуждена была оставить свои надежды, понимая, что невозможно ничего поделать с нетрадиционной ориентацией режиссера, но и не смирилась с этим. Дружба дала трещину, однако это не отразилось на их совместной работе. Подтверждением тому стал спектакль, поставленный вслед за «Сомнамбулой». 14 апреля Каллас предстала на сцене в образе королевы-мученицы в опере «Анна Болейн», которую Доницетти сочинил в свое время для великой певицы Паста и которая не исполнялась на протяжении восьмидесяти лет. И вовсе не потому, что это произведение было слабым. Просто не находилось певицы, способной исполнить роль королевы. Ее тесситура требовала такого голоса, который мог переходить от романтической мягкости к самым сложным вибрациям.

Позже Ролан Мансини в посвященном Каллас номере журнала «Международная опера» с восторгом описывал заключительную сцену того знаменитого представления вечером 14 апреля 1957 года: «Мария Каллас исполняла в последнем акте свою партию нереальным, слегка лишенным тембра голосом, который даже нельзя было назвать красивым, но и сегодня его нельзя было бы слушать без волнения, настолько она умело им владела, даже его тембром, придавая ему нечто особенное, что позволяло музыке выразить все, что нельзя сказать словами. Неистовые вокализы финального аллегро, его раскаты, продуманные оппозиции красок и регистров, его сверхчеловеческая мощь подняли публику с мест…»

Не успела отзвучать последняя музыкальная тема, и еще не умолк оркестр, как уже потрясенные зрители, словно в трансе, поднялись с мест и на протяжении двадцати четырех минут вызывали на поклон своего идола. Вы только представьте себе, что означали двадцать четыре минуты непрерывных аплодисментов! В тот вечер на сцене «Ла Скала» мастерство Каллас достигло своей вершины. Впоследствии она никогда больше не сможет до такой степени раздвинуть границы оперного действа.

Надо сказать, Висконти приготовил для своей примадонны достойное оформление. Концепция его декораций, освещения,

последовательность движений певцов — все это лишний раз доказывало, что никто не мог сравниться с его сценографическим талантом. Выдающийся мастер еще не подозревал, что стоит на излете своей карьеры театрального постановщика, поскольку после опер с Марией в главной роли он утратит интерес и желание творить в сфере оперного искусства, хотя и поставит еще немало спектаклей на разных европейских сценах. Висконти, как и Мария, не чувствовал, что их совместная работа подходит к концу, несмотря на то, что их творческий союз еще приносил самые чудесные плоды.

Сразу же после «Анны Болейн» Висконти поставил для Марии оперу Глюка «Ифигения в Тавриде». От своей новой работы он получил даже более глубокое удовлетворение, чем тогда, когда репетировал оперу Доницетти. Впоследствии он поделился своим впечатлением о выступлении Марии: «Она была одета в роскошное платье из светлого шелка с длинным шлейфом, поверх которого был накинут широкий темно-красный плащ. Ее волосы были украшены крупным жемчугом, а по шее, прикрывая грудь, струились нитки жемчуга. В один из моментов она устремилась вверх по высокой лестнице, а затем спустилась быстрым шагом по крутым ступенькам. Ее широкий плащ развевался на ветру, и на восьмой ступеньке она взяла самую высокую ноту. А как были согласованы с музыкой ее жесты! Она была словно вышколенная цирковая лошадь, исполнявшая любой трюк, которого от нее требовал дрессировщик. Что бы там она ни думала об «Ифигении в Тавриде», это было наше лучшее совместное творение. И без нее я поставил немало опер, но то, что я сделал вместе с Марией, занимает в моем творчестве особое место. Это то, что я создал исключительно для нее одной».

Судя по признанию, сделанному мэтром годы спустя после того, как распался их творческий союз, можно сделать вывод, что мастер, заставивший сиять редкий бриллиант всеми своими гранями, испытывал законную гордость. В том, как Висконти с восторгом описывает роскошные одежды и украшения певицы, произведенные по его эскизам, видно, что он с поистине чувственным удовольствием любуется своим творением. Остается только сожалеть, что он не способен был дать своим чувствам естественного продолжения. Без сомнения, личная жизнь Марии сложилась бы совсем по-другому…

Если Мария явилась публике во всем блеске своей королевской красоты, то не все проходило гладко на репетициях «Ифигении в Тавриде». Мария впервые высказала несогласие с некоторыми концепциями Висконти. Так, она обвинила его в искажении произведения Глюка. Висконти и в самом деле перенес

действие и, соответственно, декорации в XVIII столетие под предлогом, что Глюк творил именно в том веке. Произведение выиграло в части драматургического накала, но Мария настаивала на том, чтобы действие этой оперы происходило в античной Греции. Возможно, это был зов предков. Она считала, что в современной постановке Ифигения теряет свою самобытность и уже мало походит на гречанку… Как бы там ни было, но своей блистательной игрой и неповторимым голосом она покорила публику «Ла Скала». И снова Мария легко достигла пароксизма вокальной экспрессии. Между певицей и другими исполнителями, независимо от их артистических способностей, существовали «ножницы», разделявшие исключительное качество и просто хорошее. Один критик выразил свое впечатление от «Ифигении в Тавриде» следующим образом: «Она была пламенной, патетической Ифигенией, в то время как другие только играли пастораль».

Каллас заслужила восторг публики еще и потому, что, несмотря на красивый музыкальный почерк Глюка опера, была лишена захватывавших музыкальных пассажей. Проще говоря, от произведения веяло архивной скукой, которую только Марии удалось развеять. После «Сомнамбулы», «Травиаты», «Анны Болейн», «Ифигении в Тавриде» Лукино Висконти с полным правом мог говорить о «золотых годах Каллас» и претендовать на свою причастность к ее славе, поскольку, повторяю, совсем не случайно примадонна достигла своего зенита именно в те годы, когда работала под его руководством.

И все же эти два великих творческих «феномена» расстались. Когда 10 июня 1957 года занавес «Ла Скала» опустился на последнем представлении «Ифигении в Тавриде», тем самым он поставил последнюю точку в конце, возможно, самой прекрасной повести о встрече артистки и режиссера-постановщика. Скорее всего, такой финал был предрешен самой судьбой: двусмысленность отношений, противоречивые чувства — все, что объединяло и одновременно разлучало их, должно было неизбежно привести к разрыву. Когда судьба сводит вместе столь исключительных людей, они, как правило, вступают между собой в конфликт. Кроме того, в силу особенностей характера оперной дивы их творческий союз был обречен. Гений не терпит рутины; его природа такова, что он постоянно ищет перемен…

Однако, когда они расстались после очередного триумфа, ни тот ни другая не думали, что пришел конец их совместной работе. Висконти вовсе не собирался покидать источник вдохновения, каким была для него Каллас. Он не хотел лишать себя удовольствия, которое ему, как художнику, доставляло

общение с Марией. Следует заметить, что великий режиссер также не собирался расставаться со своими диктаторскими методами работы с певицей. Мария же, со своей стороны, восстала именно против господства режиссера. Из-за несбывшихся надежд на ответное чувство? Возможно, но прежде всего потому, что в ее личной жизни наметился крутой поворот и ветер подул в другую сторону. Вот почему в последующие годы она будет упорно отказываться от сотрудничества с Висконти, какой бы привлекательный проект он ни предлагал ей. Под предлогом того, что в ее венах текла не испанская кровь, она отказалась от партии Кармен. Можно только предполагать, как замечательно вжилась бы она в эту роль под его руководством. Мария не захотела петь Саломею только потому, что ей пришлось бы выйти на сцену в полуобнаженном виде. Словом, она всегда находила предлог, чтобы отказаться от предложения мэтра. Висконти промелькнул в жизни певицы так же, как и другие лица, которыми вначале Каллас восхищалась, а затем выбрасывала из своей жизни, как ненужную вещь в мусорный бак.

Жак Буржуа недавно сказал мне, что каждый, кто считал себя ее другом и отдавал ей частицу самого себя, не получал от нее ничего взамен. И тотчас добавил, словно хотел смягчить свои слова: «И все же игра стоила свеч, поскольку она была так обворожительна».

Такие же впечатления от Марии сохранил и Висконти, несмотря на то, что их пути разошлись. В письме, обращенном к Менегини, он дошел до того, что попросил супругов нанять его «в садовники, чтобы он мог каждое утро слушать пение Марии…». При этом читателям следует принимать во внимание итальянский темперамент Висконти, который проявлялся в некоторой высокопарности его высказываний. И все же следует признать тот факт, что режиссер-постановщик искренне переживал из-за потери «своей» оперной дивы.

Тем временем Марию уже увлекла другая стихия, увы, по уровню намного уступавшая той, что создавал вокруг нее Висконти. Новая стихия называлась Эльза Максвелл, старая газетная сплетница, быстро переметнувшаяся в лагерь поклонников Каллас. Отныне она расхваливала оперную диву с таким же рвением, с которым еще вчера превозносила Тебальди. Репетиции «Ифигении в Тавриде» еще продолжались, когда Эльза прибыла в Милан под стук барабанов и звуки фанфар, так как обо всех ее перемещениях в пространстве и во времени должно было знать наибольшее количество людей. Она тотчас взяла Марию под свою опеку и объявила о том, что осенью организует в ее честь бал в Венеции… и, как обычно, на чужие средства.

К тому времени Эльзе уже перевалило за семьдесят лет. Мягко говоря, далеко не красавица в молодости, она с годами в какой-то степени «похорошела». Ничего удивительного не было в том, что на столь долгом жизненном пути при такой внешности Эльзе Максвелл мужчины встречались нечасто. Чего нельзя сказать о женщинах! Максвелл никогда не скрывала своей ориентации. Ее увлечение Марией вызывало порой насмешки.

Вот что писал в своих воспоминаниях Менегини о трагикомической стороне отношений оперной дивы и газетной сплетницы: «Дружба моей жены с Эльзой Максвелл вызвала волну грязных и лживых пересудов. Максвелл приписывали известные наклонности, и поползли слухи, что и Мария тоже вовлечена в запретные любовные связи. Что же касалось Максвелл, то она, без всякого сомнения, была влюблена в Марию. Эльза месяцами преследовала Марию, забрасывала ее любовными письмами, своей глупостью иногда вызывавшими смех. Марию тошнило от ее писем до такой степени, что она перестала их читать. Она с самого начала хотела избавиться от назойливой сплетницы, несмотря на то, что ее имя появлялось бы реже на страницах газет и журналов. Однако она сознавала, что имела дело с весьма могущественным и мстительным человеком. Вот почему она избрала дипломатический путь. Ей хватило терпения, чтобы обойтись без демонстративного разрыва отношений и дать понять Максвелл, что у той нет никакого шанса».

Что правда, то правда! И если Марии Каллас удалось избежать порочившей ее клеветы, то только потому, что Эльза Максвелл осталась ни с чем! Мария, до сей поры отводившая любовным утехам весьма скромное место в своей жизни и не испытывавшая к тому же к ним никакой тяги, отвергала и все попытки Эльзы совратить ее с пути истинного. Правда и то, что, переоценив влияние Максвелл на определенную часть прессы, Мария предприняла определенные меры, чтобы до ушей Максвелл дошел слух о том, что она не разделяет ее вкусы. Впрочем, вначале Мария ошибалась насчет истинных чувств старой американки. Нуждавшаяся на уровне подсознания в материнской опеке, поскольку ее собственная мать не отвечала ее ожиданиям, пребывавшая в постоянных поисках жизненной опоры, Мария с легким сердцем поверила в то, что Эльза была способна заменить ей мать. Максвелл же приняла ее потребность в материнской теплоте за молчаливый призыв и бросилась сочинять любовные послания, которые могли только вызывать улыбку при ее возрасте и внешности. В своих воспоминаниях Менегини привел несколько отрывков из этих сочинений, достойных пера мадам де Севинье, если бы та побывала на

острове Лесбос:

«Мария, единственно от чего я прихожу в экстаз, так это от твоего лица и твоей улыбки…»

«Любовь моя, когда я позвонила тебе прошлой ночью, я очень боялась побеспокоить тебя, но по твоему голосу я поняла, что ты рада была услышать меня…»

«Я не смею описать словами, что я чувствую; ты можешь подумать, что я сошла с ума; это не совсем так, просто я другая…»

Можно задаться вопросом: как женщина с таким крутым нравом, как Мария, не терпевшая назойливой дружбы, позволила, чтобы кто-то донимал ее письмами? Неужели роль, которую Максвелл играла в светском обществе, производила на нее столь сильное впечатление? Неужели она настолько жаждала сохранить свое место в этом неустойчивом мире, что пошла на то, чтобы спокойно отнестись к преследованиям влюбленной газетной сплетницы? Надо сказать, что Максвелл умела производить впечатление не только на англо-саксонское мелкопоместное дворянство. Тогдашнее французское правительство посчитало необходимым наградить даму орденом Почетного легиона. Хотелось бы знать, почему.

И все же ангельскому терпению Марии пришел конец. В самолете, на борту которого женщины возвращались в Нью-Йорк — Мария только что дала концерт в Далласе, — между ними возникла ссора. Оперная дива дала отповедь старой американке таким повышенным тоном, что это услышали другие пассажиры. Вот это была радость для жадных до сенсаций представителей желтой прессы! И какой катастрофой обернулась бы эта ссора для Максвелл, если бы общественность узнала о том, что ее бросила самая престижная подопечная. В панике Эльза написала Менегини: «Скажи Марии, что если еженедельник «Тайм» обратится к ней с тем же вопросом, что и ко мне: закончилась ли в Далласе наша дружба, — чтобы она категорически все отрицала, как это сделала и я. Мне пришлось потрудиться, чтобы найти источник этой сплетни, подхваченной всеми каналами американского телевидения. Я открыла, что слух пошел из-за болтливости бортпроводников самолета, на котором мы возвращались. Этим сплетням надо положить конец».

Как артистка такого уровня, как Мария Каллас, будучи признанным лидером среди лучших певиц мира, могла придавать значение поддержке со стороны какой-то Максвелл? Думается, Мария терпела эту женщину исключительно потому, что та открыла ей глаза на другую сторону существования, познакомиться с которой раньше у нее не было ни времени, ни

желания. В какой-то мере именно Максвелл подготовила почву для того, чтобы в жизнь Марии мог свободно войти Аристотель Онассис. Когда последний появился на горизонте и начал настойчиво проявлять к ней интерес, Мария с готовностью приняла его ухаживания, поскольку уже поняла, что в жизни имелось и что-то другое, кроме оперного пения. К этой эволюции мироощущения Каллас, несомненно, приложила руку Эльза Максвелл.

«Любовный роман» американки закончился тем, что она, решив перестать волочиться за оперной дивой, написала Марии прощальное письмо, достойное героинь Шекспира.

В тот же отрезок времени, когда у Каллас произошел разрыв с Висконти, а затем с Максвелл, певица продолжала вести активную деятельность. Так, в июне 1957 года, когда не прошло и недели после последнего представления «Ифигении в Тавриде» в «Ла Скала», она дала один концерт в Цюрихе, а другой неделю спустя — в Риме, чтобы через две недели участвовать в двух представлениях «Сомнамбулы» в Кёльне. Три дня спустя она вернулась в Милан, где последовало продолжение студийных записей «Турандот» и начались студийные записи «Манон Леско». Обе записи осуществлялись под руководством Туллио Серафина, сменившего гнев на милость после нескольких месяцев размолвки. Можно только удивляться столь напряженному графику работы. Хорошо еще, что Венская опера отказалась от представлений «Травиаты», где Мария должна была петь главную партию. Снова встал вопрос о деньгах: Менегини договорился на словах с директором театра о сумме в 1600 долларов за выступление. Когда же пришел момент подписывать контракт, Титта потребовал 2 тысячи долларов! Караян посчитал его требования завышенными. Мария в таких вопросах всегда соглашалась с супругом. «Деньги меня не интересуют, но мне должны платить больше, чем другим», — заявляла она не моргнув глазом. Возможно, поэтому она возмутилась, когда узнала, что Караян решил «поторговаться». Она тотчас сняла трубку и позвонила ему в Вену. Между двумя выдающимися людьми вспыхнул горячий спор, притом больше о деньгах, чем о высоком оперном искусстве. Ведь нельзя постоянно находиться в царстве поэзии…

Столь бурная деятельность, похоже, вскоре отразится не лучшим образом на нервной системе певицы. К этому времени Мария уже весила всего 55 килограммов. Однако теперь она теряла вес помимо своего желания. Впрочем, у нее не было времени, чтобы следить за своим здоровьем. Она готовилась к концерту в Афинах. Столица и вместе с ней вся страна с трепетом

ждали возвращения своего «чудо-ребенка». Все места в амфитеатре театра «Херод Аттикус» уже давно были проданы. Разве могла Мария не вспомнить о своем выступлении на той же сцене тринадцатилетней давности в самый разгар войны? О своем первом успехе у публики? Такие вещи не забывались, даже если среди тех, кто громче всех аплодировал молодому дарованию, к сожалению, темным пятном выделялись военные мундиры оккупантов…

В ожидании события национального масштаба, каким должно было стать возвращение оперной дивы на землю предков, греческое правительство сделало все, чтобы устранить любую мелочь, способную огорчить певицу. Так, находившимся в Греции Евангелии и Джекки было «предложено» отправиться на отдых в Соединенные Штаты. Таким образом, греческое правительство поспешило исключить возможность встречи, которая могла привести к новой вспышке ссоры между Марией и ее матерью на радость всей мировой желтой прессе.

Итак, все условия были созданы для того, чтобы встретить примадонну с почестями, способными вызвать зависть у древнегреческих цариц. Увы! В Афины прибыла предельно уставшая, измотанная женщина. Певица находилась в таком состоянии, что просто не могла петь. Организаторы представления с ее участием буквально рвали на себе волосы. Мария все еще колебалась и тянула с ответом. Возможно, она надеялась на улучшение здоровья, но чуда не происходило. И Мария отказалась от выступления, о чем было объявлено публике, заполнившей ступеньки амфитеатра перед самым началом концерта. Это вызвало общее негодование! К тому же огромный по меркам такой бедной страны, как Греция, гонорар певицы — 9 тысяч долларов — стал предметом самых нелестных комментариев. Даже сам премьер-министр Караманлис вынужден был держать отчет перед парламентом. Марию Каллас клеймили позором те же самые люди, которые только что собирались устроить ей овацию. И те же самые люди аплодировали певице пять дней спустя, когда она наконец-то вышла перед ними на сцену. Талант и мастерство певицы победили возникшую было враждебность греческой публики. Сотни зрителей осаждали после концерта ее гримерную.

Этот очередной успех не прибавил Марии сил, которые были на исходе. Ей необходимо было бы сделать передышку, но певица и не думала, а точнее, не могла остановиться. Труппа «Ла Скала» под руководством Антонио Гирингелли была приглашена в Эдинбург на оперный фестиваль. Однако как театр мог выехать в Шотландию без своей звезды? Мария приняла мужественное

решение не оставлять в трудную минуту товарищей по сцене, хотя, конечно, не все они были ее друзьями. До последнего момента она надеялась, что по причине нездоровья ей не придется выходить на сцену. Гирингелли не собирался идти ей навстречу. Он и слышать ничего не хотел. Мария должна была петь в предусмотренных программой фестиваля четырех представлениях «Сомнамбулы». Но за это она категорически отказалась выступить в дополнительном спектакле, несмотря на требования публики. Причины были самые уважительные: потеря веса, усталость голоса, нервное истощение… Однако все та же изнуренная непосильной нагрузкой женщина, находившаяся на грани нервного срыва, поспешила в Венецию, чтобы попасть на бал, устроенный в ее честь Эльзой Максвелл. Певица не могла устоять перед соблазном блеснуть в высшем обществе и попасть в светскую хронику.

Одно французское издание, на которое ссылается Жан Пьер Реми, приводит следующий диалог, состоявшийся между Марией и газетной сплетницей:

«Будут присутствовать сливки высшей аристократии. Мария, ты должна быть здесь.

— Эльза, я не могу…

— В Эдинбурге ты выступаешь только перед тремя тысячами зрителей, а мой рассказ о тебе на моем балу прочитают тридцать тысяч человек!»

Для пущей важности Максвелл гордо заявила: «В жизни я получала немало подарков, но никогда еще ни одна звезда не оказывала мне чести отказаться от оперного спектакля только потому, что ей было неудобно не выполнить обещание, данное подруге…»

В тот момент, когда она сделала столь неуместное заявление, вызвавшее новую волну нападок на певицу, у Марии с Эльзой еще продолжался «медовый месяц». Возможно, это объясняется тем, что Каллас не заметила расставленную ей ловушку; совсем скоро она поймет свою оплошность. Ссора, вспыхнувшая между двумя приятельницами на борту самолета в начале декабря 1957 года, о которой я уже рассказывал выше, произошла из-за все того же знаменитого бала в Венеции. Желтая пресса только и ждала удобного случая, чтобы спустить на Марию свору продажных писак.

«Каллас еще раз доказала, что является примадонной бульварных романов; без всякой причины она покинула фестиваль в Эдинбурге», — написал один журналист.

Несправедливость подобных нападок состояла еще и в том, что в оперных спектаклях приходится часто заменять одного

исполнителя на другого. Человеческий голос — инструмент настолько хрупкий, что может расстроиться за считаные часы. Никакая другая певица, вынужденная порой отказываться от выступления, не стала бы предметом осуждения в прессе, в то время как каждый отказ Каллас вызывал бурю протеста даже в случае, если у нее на то были самые веские причины.

Вместо Марии в дополнительном представлении «Сомнамбулы» в Эдинбурге спела Рената Скотто. Впрочем, несмотря на успех, она почему-то позволила себе прокомментировать в язвительном тоне отсутствие примадонны: «Каллас, по-видимому, обозлившись на отдельных критиков, а может, испугавшись трудностей, оставила фестиваль за несколько дней до третьего (?) представления; единственной соломинкой, за которую ухватились организаторы, оказалась Рената Скотто. Я была только знакома с этой оперой и не больше. С помощью маэстро я разучила свою роль всего за три дня. В ночь перед спектаклем мне приснилась Малибран. Она мне поведала, что я буду петь ее голосом».

Вот так, не больше и не меньше! Можно поспорить, что никто из зрителей на фестивале в Эдинбурге так и не догадался, что слушал Малибран, которая ради такого случая решила оказать помощь Скотто!

Между тем Каллас, словно до нее не доходили злые сплетни по поводу поездки в Венецию, проводила весьма весело время. Она царила на балу и на всех прочих праздниках, последовавших за историческим вечером 3 сентября. Более того, она сделала поистине королевский жест: спела для узкого круга оперные арии. С Максвелл за роялем! От присутствия всех этих знатных и богатых персон, куривших ей фимиам, у Марии голова пошла кругом. Эльза Максвелл имела доступ ко всем самым изысканным местам Венеции, где развлекалась высшая знать. Она увлекала за собой и Марию, которая была не в силах удержаться от соблазна брать от жизни все, в чем она себе отказывала до сих пор. Менегини с глубоким удовлетворением подсчитывал количество именитых и знатных персон, удостоивших его супругу своим присутствием: принц Русполи, графиня Вольпи, Генри Фонда, Артур Рубинштейн…

В королевском окружении был и король. У него не было прошлого, знатного происхождения, титулов, кроме тех, которые можно приобрести с помощью тугого кошелька. И все же это был весьма могущественный государь. Он мог бросить к ногам королевы ковер из чистого золота. Так же, как и Мария, он был греком. Он познал в молодые годы все тяготы жизни в эмиграции. В то время как родители Каллас отправились искать лучшей доли

на север Нового Света, его путь лежал на юг. И его звали Аристотель Онассис.

Всю эту шальную неделю в Венеции он наблюдал за Марией, как хищник, выслеживавший свою жертву. В его голове уже созрел план: во что бы то ни стало стать любовником самой известной в мире женщины… Какой лакомый кусок, чтобы удовлетворить собственное тщеславие! Тем же мотивом он будет руководствоваться, когда обратит свои взоры на Жаклин Кеннеди. Конечно же если он и принял решение покорить певицу, то тщательно это скрывал. Как можно было догадаться о том, что пряталось под его неизменной улыбкой? Ведь у него был такой простодушный вид, несмотря на все его миллиарды… К тому же его щедрость по отношению к оперной диве не знала границ. Он был всегда готов исполнить ее малейший каприз, словно добрый волшебник из сказки… Кроме того, он вызывал такое доверие, что ему можно было смело поручить присматривать за женой! Именно это и сделал Менегини, не подозревавший о том, что своими руками открывал дверь в овчарню и впускал волка, приготовившегося утащить его овечку. Можно ли было отказаться от яхты, которую Аристотель предоставил в распоряжение супругов Менегини во время их пребывания в Венеции? Почему бы не принять участие в роскошных приемах, которые тот устраивал в Лидо и на Бурано? Почему бы не продлить удовольствие и не задержаться на борту яхты «Кристина», похожей на плавучий дворец из «Тысячи и одной ночи»? Тем более что Тина, жена миллиардера, присутствовала на всех увеселительных мероприятиях. И только по чистой случайности на групповых фотографиях, снятых во время веселого пикника или званого обеда, Аристотель всегда находился рядом с Марией. Да, по-видимому, это было простым совпадением, только слишком уж часто случавшимся…

Когда Мария возвратилась в Милан, у нее в ушах еще стоял звон от шумных праздников, где она была главной достопримечательностью. Эволюция, начавшаяся два года назад под влиянием Эльзы Максвелл, продолжалась ускоренными темпами. Марию все больше влекли радости, от которых она раньше отказывалась, беззаветно служа его величеству Искусству. В душе Марии неожиданно поколебалась вера в свое предназначение быть оперной звездой первой величины, но она еще об этом не догадывалась…

Приложил ли руку Аристотель Онассис к начавшемуся процессу? Трудно сказать. Можно с уверенностью говорить только о том — и все свидетели подтверждали это в один голос, — что Марии льстило внимание, проявленное к ее персоне.

«У Аристотеля было много обаяния, — говорили мне они. — И вовсе не потому, что он обладал огромным состоянием». И добавляли: «Он был такой милый, такой веселый, просто душка…»

Какое-то время Мария думала о судовладельце, как о престижном поклоннике. Очень скоро она повысит его в звании. Но в тот момент у нее были другие заботы. И прежде всего она волновалась по поводу своего здоровья. Ее голосу, давшему в Эдинбурге повод для беспокойства, не пошло на пользу веселое времяпрепровождение Марии в Венеции. Когда она вернулась в свой дом на улице Буонарроти, ее силы были на исходе. Как нельзя некстати пришелся контракт, подписанный с Гербертом Адлером, директором оперного театра в Сан-Франциско, где она должна была выступить в «Лючии ди Ламмермур» и «Медее». Еще раньше в Милане она взяла на себя обязательство записать «Медею» на фирме звукозаписи. Врачи были категорически против. По их мнению, Каллас должна была отказаться от нескольких контрактов. Мария послала телеграмму Адлеру с просьбой аннулировать сентябрьские выступления, но все же согласилась приехать в октябре. Представляете, какое впечатление это произвело на публику? После Эдинбурга — Сан-Франциско! Мария не могла позволить себе то, что разрешалось другим певицам.

Адлер пришел в ярость и под горячую руку расторг октябрьский контракт: «Эта женщина думает, что ей все позволено! Она не болеет, когда танцует на балу в Венеции! Она меня мало еще знает!»

Над Каллас сгущались грозовые тучи, но не в ее характере было опускать голову во время бури. Все эти досадные события очень огорчили Рудольфа Бинга, готовившегося к приезду Каллас в «Метрополитен-оперу» в начале следующего года. Впрочем, он и не скрывал своих опасений в письме, адресованном певице: «Ситуация, сложившаяся из-за аннулирования Вашего контракта в Сан-Франциско, чревата опасными последствиями для Вашей дальнейшей карьеры в Америке и, в частности, для Вашего сотрудничества с «Метрополитен-оперой». Я вряд ли удивлю Вас сообщением о том, что в Сан-Франциско делается все возможное, чтобы доказать, что вы виновны в расторжении контракта. Если им удастся сделать это, то они, по нашим сведениям, подадут жалобу в Американскую ассоциацию артистов. Если последняя отстранит вас на какое-то время, то вы не сможете выступать в «Метрополитен-опере». Мне нет нужды говорить Вам, насколько это было бы ужасно не только для наших проектов, но и для меня лично… Следует ли добавлять, что сплетни, распространяемые

Максвелл о том, как вы пренебрегли контрактом в Эдинбурге, чтобы присутствовать на приеме в Венеции, подливают масла в огонь?»

Каллас сделала над собой усилие и, несмотря на то, что недолюбливала Бинга, решила оправдать свои действия. «Я действительно плохо себя чувствую, — писала она ему. — Если другим все сходит с рук, хотя они вовсе не больны, а меня, по-настоящему больную, приговаривают к позорному столбу, то я точно поверю, что мы живем в безумном мире».

Между тем Марии все равно пришлось отправиться в Америку. 5 ноября состоялось последнее слушание в суде по делу Багарози. И вот что удивительно: после нескольких лет долгих судебных тяжб, дождавшись последнего судебного разбирательства, супруги Менегини согласились пойти на уступки, что с их стороны было огромной жертвой. Впрочем, несчастный Багарози недолго пользовался отвоеванными на законном или не совсем законном основании долларами. Годом позже он ушел из жизни.

Через четыре дня после окончания процесса Мария Каллас прибыла в Даллас, чтобы выполнить обязательство перед переехавшим в Техас Лоренсом Келли, бывшим директором оперного театра в Чикаго. Выступление с концертной программой прошло с большим успехом. Несколько недель отдыха, вырванных с боем у судьбы, вернули певице душевное равновесие. Никогда раньше ее голос не звучал с такой уверенной силой, никогда раньше она не была столь прекрасна, когда выходила на сцену. Настоящая греческая античная статуя, вышедшая из глубины веков, чтобы ослепить своей красотой современный мир. Восхищенная публика вызывала ее на поклон в течение долгих минут. На следующий день в одной газете на первой странице было напечатано крупным шрифтом: «Даллас для Каллас». И хотя это был благотворительный концерт, из 17 тысяч долларов, которые Менегини собрал, он не забыл вычесть приличную сумму…

Мария уже свыклась с постоянным шумом вокруг своей персоны. И если она была неблагосклонна к прессе, досаждавшей ей своими постоянными нападками, то не могла не испытывать гордость от того, что стала «самой знаменитой в мире женщиной». Как-то во время одного обеда она во всеуслышание заявила: «Я знаю, чего от меня ждут. Мне надо держать марку, и я буду держать ее, чего бы мне это ни стоило».

Ребяческое тщеславие? Возможно, и его легко объяснить тем, что в глубине души она оставалась простодушным ребенком. Более того, ей так и не удалось до конца освободиться от

юношеских комплексов. Мария не сумела справиться с обрушившейся на нее славой. Проще говоря, «она все делала не так». Позднее, когда она утолит желание брать все от жизни, когда оценит в полной мере всю суетность этого мира, она будет более беспристрастной в своих суждениях.

Однако это произойдет еще не скоро. А пока приближалось 7 декабря 1958 года, когда Мария должна была открывать сезон в «Ла Скала» оперой Верди «Бал-маскарад», что предоставило Маргарите Вальманн случай осуществить ее новую постановку, чтобы она соответствовала уровню столь престижной исполнительницы. Это обстоятельство не стало помехой тому, чтобы репетиции, как и все пять представлений произведения Верди, прошли в неблагоприятной для Марии атмосфере. Сначала Гирингелли, так и не «переваривший» эдинбургское дело, в упор не видел певицу, когда сталкивался с ней за кулисами. Затем она в который раз поссорилась со своим партнером ди Стефано. Во время исполнения любовного дуэта певцы обменивались злыми взглядами, что вовсе не соответствовало их нежным словам. За несколько дней до премьеры ди Стефано опоздал на репетицию. Совсем немного. Увидев, что его нет, Каллас встала с места и зычным голосом произнесла, как бы ни к кому не обращаясь: «Сообщите мне, если господин ди Стефано соблаговолит заглянуть в «Ла Скала»». — И вышла с видом оскорбленной греческой богини, повздорившей с Юпитером!

Несмотря на досадные мелочи, на всех пяти представлениях Мария выступила во всем блеске своего таланта. Ее голос поражал глубиной своей тональности, передавал все оттенки самых острых переживаний героини. Почему певица никогда больше не исполняла этот шедевр Верди? Это одна из загадок, которые иногда задавала Каллас, и сама не зная ответа.

Дирижер оркестра Гавадзени был в полном восторге и не скрывал этого: «Каллас родилась с шестым чувством, которое позволяет ей менять стиль исполнения в зависимости от того или другого композитора. В «Бале-маскараде» она как бы светится изнутри. Она всегда разная и при этом всегда остается сама собой».

У Марии не было времени почивать на лаврах. Она тут же отправилась в Рим, где 2 января 1958 года лишний раз доказала, что основным произведением в ее карьере являлась «Норма». Представление состоялось при исключительных обстоятельствах. И не только потому, что все места в театре были проданы еще за несколько недель. Этот гала-спектакль почтил своим присутствием сам президент Итальянской республики Джованни

Грончи.

Уже во время репетиций Марии пришлось поволноваться из-за своих голосовых связок. 29 декабря она почувствовала сильную боль в горле. Руководство театра запаниковало. Карло Латини, администратор театра, помчался в отель «Квиринал», где остановились супруги Менегини. Каллас приняла его, лежа в постели, и говорила с ним жестами, чтобы не утомлять горло. Карло Латини был настроен самым решительным образом: об отмене спектакля не могло идти и речи. Прежде всего ей не была предусмотрена замена, а главное — предполагаемое присутствие президента Итальянской республики.

К счастью, ничего страшного не произошло. Мария весь день провела в своем номере. И ей помог бог, покровительствовавший певцам: утром следующего дня ее состояние намного улучшилось. Более того, она праздновала наступление Нового года в «Шахматном клубе», самом модном заведении тогдашних снобов и богачей, в обществе мужа и еще нескольких представителей высшего света. Мария веселилась от души. Шампанское лилось рекой, и ее бокал был всегда наполнен до краев.

Конечно, такой режим не мог не повлиять на здоровье певицы. Последствия не заставили себя долго ждать: 1 января Каллас потеряла голос. И снова в ее номер в гостинице «Квиринал» ворвался Карло Латини, снова были мольбы и просьбы, снова были протесты Менегини… Окружившие Марию люди своими жестами, криками, мимикой напоминали комедию дель арте… Мария приняла самостоятельное решение: она не будет петь. Мы уже знаем, что у певицы был весьма упрямый характер и ее трудно было в чем-то переубедить. И все же к концу дня с помощью компрессов и лекарств, предписанных по телефону ее лечащим врачом, миланским доктором Семерано, с помощью молитв и частого обращения к самой себе со словами: «Мария, ты должна петь! Это твой профессиональный долг! Подумай о президенте республики!» — Каллас отказалась от своего решения. Она будет петь, во всяком случае она попробует — жест насколько мужественный, настолько и неосторожный.

За несколько часов до спектакля самочувствие певицы немного улучшилось и руководство театра вздохнуло с облегчением. Однако у нас возникает вопрос: почему администрация столь упорно отказывалась от замены певицы? Ведь тогда удалось бы избежать самого шумного скандала в истории оперного искусства. И волки были бы сыты, и овцы целы.

В оперный театр Мария приехала очень рано в сопровождении Титта и прибывшей для ее поддержки Эльзы Максвелл. Несмотря на то, что она уже не пользовалась особым

расположением певицы, старая газетная сплетница не хотела упускать ее из своих цепких рук. Потеряв надежду на «взаимность» со стороны оперной дивы, она старалась сохранить свой престиж.

В назначенный час маэстро Габриэль Сантини дал музыкантам знак начинать и занавес поднялся. В первом акте «Нормы» Каллас храбро вышла на сцену и пела… как могла. Она расходовала последние силы в заранее проигранной битве. В ее голосе появлялись настораживавшие разрывы, она была не в силах справиться ни со своим вибрато, ни с эмиссией звука. На сцене уже была не Каллас, а женщина, которая вела отчаянную борьбу с судьбой. Публика, от которой тщательно скрывали состояние здоровья певицы, пребывала в полном недоумении. Уже начали раздаваться отдельные свистки, а аплодисменты, которыми зрители наградили Марию в конце первого акта оперы, были только данью вежливости.

Ситуация оказалась драматичной. В своей гримерной Мария, заливаясь слезами, упала в кресло. Она не могла больше продолжать выступление. Вокруг нее начался настоящий переполох. Карло Латини умолял Марию сделать над собой последнее усилие. Что скажут зрители, заплатившие за билет 24 тысячи лир? Что подумает президент Итальянской республики Джованни Грончи, начинавший уже проявлять признаки нетерпения в своей почетной ложе? Менегини охотно бы забился в мышиную нору, если бы таковая оказалась поблизости. И только Максвелл, как всегда готовая к бою, подбадривала Марию словами. Впрочем, при всем своем желании как могла певица вернуться на сцену? Никогда еще она не чувствовала себя настолько слабой и уязвимой… Со своей стороны, Маргарита Вальманн и Габриэль Сантини, вопреки всякому здравому смыслу, пытались уговорить Марию продолжить выступление. Посреди всеобщей паники кто-то из присутствовавших предложил: «Вы могли бы сыграть оставшуюся часть спектакля лишь декламируя под музыку свой текст». Можно представить реакцию Каллас на подобные слова, которые она посчитала за оскорбление в свой адрес.

Между тем в зрительном зале, где затянулось ожидание, публика не знала, что и думать. И вновь то тут, то там раздавались отдельные свистки. Театральный служащий, посланный Карло Латини, потихоньку сообщил президенту Джованни Грончи, что спектакль прекращен за отсутствием ведущей исполнительницы. И президенту Итальянской республики ничего не оставалось, как с достоинством удалиться из театра, чтобы убедиться в том, что в его машине никого не

было по причине отсутствия шофера. Воистину это был вечер катастроф! Рассудив, что его хозяин просидит весь вечер в театре, шофер с легким сердцем отправился в кино. Потеряв свое место, он стал первой жертвой проклятия, которое нависло в тот день над оперным театром.

Второй жертвой едва не стала сама Каллас. Когда один несчастный доброволец взял на себя труд объявить зрителям, что они могут расходиться по домам, поднялся невообразимый шум и гам. Все эти люди, собравшиеся, чтобы восторженно аплодировать Каллас, теперь были готовы предать ее анафеме. Сотни разгневанных любителей оперы осадили служебный выход, предназначенный для артистов. Их злобные выкрики доносились до гримерной Марии. Супруги Менегини вместе с Максвелл оказались в западне, и спасти их могло только чудо! Между зданием оперного театра и отелем «Квиринал» имелся тайный подземный ход, которым и воспользовалась эта троица, чтобы избежать столкновения с разъяренной толпой. Это бегство было похоже на мелодраму из криминальной бульварной литературы… Видимо, так уж Каллас было предначертано судьбой, что трагедийные события в ее жизни то и дело соседствовали с комедийными.

Если не удалась физическая расправа над оперной дивой, то уже на следующий же день итальянская пресса начала уничтожать ее морально на страницах газет! Вот только некоторые цитаты из статей:

«Никакой талант, никакая слава не может оправдать подобное поведение», — писала «Мессаджеро».

«Эль Джорно» пошла еще дальше: «Эта артистка второго мира, итальянка по мужу, жительница Милана по причине неоправданных восторгов некоторой части публики «Ла Скала», интернационалистка из-за опасной дружбы с Эльзой Максвелл, на протяжении нескольких лет слишком многое себе позволяет. Последний эпизод показывает, что Мария Менегини-Каллас — актриса со вздорным характером, не имеющая представления об элементарной дисциплине и корректном поведении».

Переменчивость толпы… Неблагодарность публики…

Не прошло и дня, как любовь сменилась на ненависть. Еще вчера ее называли национальным достоянием, а сегодня уже звали чужестранкой…

Можно сказать, что по полуострову пронесся циклон. День за днем в Италии только и говорили, что о случившемся, словно была попрана национальная честь. Дело дошло до того, что в парламенте какой-то депутат выступил с идиотским предложением квалифицировать поступок Марии как «покушение

на государственное достоинство Италии»! Если вспомнить о событиях всего лишь пятнадцатилетней давности, когда фашистские полчища оккупировали греческую территорию, то становится понятно, что для итальянцев греки являлись людьми второго сорта!

Контракт певицы с оперным театром предусматривал еще три представления «Нормы». Однако дирекция театра аннулировала договор. Своим указом префект Рима запретил Марии появляться в театре. Несчастье с Каллас получило настолько широкую огласку, что слухи о нем вышли за пределы Италии и «просочились» во французскую прессу.

Марии не оставалось ничего другого, как принять единственное решение: спасаться бегством. Ее отъезд представлял собой весьма эффектное зрелище. Похожая на греческую статую, изображающую скорбь, в черном костюме, который подчеркивал стройность фигуры, и, конечно, с любимой собачкой по кличке Той на руках, она спустилась по лестнице в холл отеля «Квиринал», где собрались десятки газетных репортеров и фотографов. Песик, словно сопереживая хозяйке, окидывал присутствовавших строгим взглядом… Для полной картины не хватало только Эльзы Максвелл. Следует заметить, что ее присутствие могло быть не так истолковано прессой, а бойкость языка — привести к новым крупным неприятностям. С Эльзой попрощались и отправили восвояси заранее. После отъезда Марии из Рима дирекция оперного театра потребовала у нее через суд 3 миллиона лир, чтобы компенсировать свои потери и расходы на гостиницу. Впрочем, певица выиграла этот процесс. Супруги Менегини даже в самых расстроенных чувствах никогда не забывали о том, что деньги счет любят…

И, конечно, первым тыловым рубежом супруги выбрали дом на улице Буонарроти. Однако они не задержались в нем надолго. До Милана уже докатилось эхо римского торнадо с его губительными последствиями. Верным поклонникам примадонны с трудом удавалось сдерживать атаку недоброжелателей, готовых разорвать на части их кумира. Где же Марии было искать утешения, в котором она так нуждалась? Конечно, в Париже! В спасительном пристанище для всех потерпевших крушение на промежуточной станции по дороге в Америку. В Париже, где она провела всего только четыре часа. Зато этих нескольких часов хватило, чтобы древний город открыл ей свои объятия и покорил ее сердце. Отнюдь не случайно Мария остановила свой выбор на Париже, чтобы скрыться от чужих глаз и праздного любопытства.

Стоило певице войти в салон самолета, летевшего в Париж, как ее забросали вопросами журналисты. Однако они улыбались

и расспрашивали ее без агрессивности, свойственной их американским или итальянским коллегам по перу. Мария была взволнована и смущена. С этого момента она летела в Париж в приподнятом настроении: она ощущала себя средневековой королевой во время шествия в четверг на третьей неделе Великого поста.

Я просматриваю фотографии, снятые во время ее короткого пребывания в Париже. За обедом в ресторане «У Максима» я вижу Каллас, которой был к лицу строгий черный костюм, а прелестный бархатный берет делал ее намного моложе. На спокойном лице певицы не осталось и следа от пережитых накануне волнений. Она ела с заметным аппетитом и не скрывала, что получала удовольствие от еды. Проще всего заглянуть в номер «Франс суар» от 18 января, чтобы получить полное представление о ее парижском времяпрепровождении.

«16.15. Орли. Самолет только что приземлился. Стоявшая на трапе статуя, закутанная в белую норку, одаривает Францию своей первой улыбкой. Это и есть самая великая в мире оперная дива. Мария Менегини-Каллас, сопрано, вызвавшее гнев Рима. Посланник французского кино Жан Клод Паскаль прибыл, чтобы вручить ее любимые цветы: орхидеи.

16.40. На первом этаже зала для особо почетных гостей статуя оживает: у нее огромные черные глаза, подведенные тушью бирюзового цвета, ярко-красные губы и романтическая бледность лица.

18.15. Отель «Крийон»; номер 12, второй этаж. Мария Каллас подходит к окну, выходящему на площадь Согласия. «О, как прекрасно, как прекрасно!» — восклицает она по-итальянски. Затем переходит на французский язык с легким итальянским акцентом. Прижимая к себе собачку, которую привезла с собой, несмотря на запрет, она произносит:

— Это стоит того, чтобы устроить пару скандалов!

20.00. Пешая прогулка до ресторана «У Максима».

20.5. Перед входом в ресторан «У Максима» мадемуазель Мармирон, профессиональная вышивальщица по жемчугу в одном парижском ателье, ожидавшая появления своего кумира с 18 часов, наконец, подходит к ней. Она прижимает к сердцу автограф Каллас, как драгоценность.

20.6. Каллас входит в просторный зал на первом этаже и садится за стол, накрытый в ее честь на четырнадцать персон.

20.7. Паника на кухне: надо за считаные минуты открыть 160 плоских устриц. У Каллас на обед всего только час.

20.30. Она в восторге от блюд: нежнейшие устрицы, морепродукты в виноградном соусе, затем блюдо, названное в ее

честь, — «Седло ягненка по Каллас», суп-пюре из свежей спаржи и, высшее наслаждение, суфле «Малибран».

21.30. Шум, гам, фотовспышки… Каллас выходит из ресторана «У Максима» и направляется в «Крийон», чтобы забрать собачку и букеты цветов, затем садится в серый «кадиллак» и едет в Орли.

22.00. Орли. Каллас выходит на взлетную полосу, поднимается в самолет, устраивается в кресле. (Она отказалась от кушетки.) Самолет должен взлететь в 22.30.

22.30. Певица громко вскрикивает: она потеряла свою белую сумку с зеленой ручкой, небольшой чемодан и переноску для собачки. Командир корабля делает то, в чем, возможно, отказал бы президенту республики: он задерживает вылет, по его приказу освобождают багажное отделение. Через двадцать пять минут все три вещи найдены.

22.55. С двадцатипятиминутным опозданием самолет берет курс на Чикаго с Марией Менегини-Каллас на борту».

С ней обошлись, как с королевой. И как после этого Марии не сохранить наилучшие воспоминания о Париже?

Глава 11
Первая встреча с Парижем

Прежде чем последовать за Каллас к берегам Америки, вернемся немного назад, чтобы попытаться объяснить всплеск зрительских эмоций, проявлявшийся повсюду, где бы Мария ни появлялась. Как случилось, что 2 января 1958 года римская публика, превозносившая певицу до небес, потребовала всего лишь час спустя немедленной расправы над своим кумиром, даже не поинтересовавшись, почему Мария отказалась продолжить выступление? Почему зрители не прониклись к ней еще большим уважением хотя бы за то, что она попыталась справиться со своим недомоганием? Когда Мария вынуждена была заявить о том, что не может выйти на сцену, а ведь человеческий голос — самый хрупкий и непредсказуемый из всех музыкальных инструментов, почему оперную диву тотчас поспешили назвать вздорной и злобной особой? Марио дель Монако и Ренате Скотто, так же как и многим другим всемирно известным певцам и певицам, не раз приходилось искать замену. Почему же поведение других артистов в похожей ситуации не вызывало у публики такого бурного негодования?

Причина столь высоких требований к певице, вне всякого сомнения, кроется в личности самой Каллас. Исключительный голос и ее завораживавшее воздействие на зрителей привели к тому, что Марии удалось затмить всех других певцов своего поколения. Ее сценическое дарование полностью изменило взгляды публики на оперное искусство. Благодаря Каллас поменялась и сама концепция оперной сценографии. Как известно, толпа всегда с нетерпением ждет момента, когда ее кумир оступится и упадет с пьедестала. Мария пала жертвой этого жестокого закона. Мы вовсе не пытаемся во что бы то ни стало найти оправдание отдельным необдуманным поступкам и неосторожным высказываниям певицы. Наша цель — увидеть женщину под маской актрисы. Но эта цель не может быть достигнута, если мы сведем наш труд к написанию агиографии. Правда состоит в том, что Каллас принадлежала к числу выдающихся артистов, которым предъявлялись самые высокие требования. Звездам такого уровня не прощают малейшей слабости. Следует добавить и то, что пресса всегда ищет случая предать огласке любые неприятности, возникающие в жизни сильных мира сего.

Почему же после скандала в Риме общественность не узнала

о том, что певица направила письмо со своими извинениями президенту Итальянской республики Грончи и что супруга последнего прислала ей весьма любезный ответ: «Президент понял причины отказа»? Почему никто не упрекнул Латини в том, что он не предусмотрел артистке замену?

Вскоре Мария предоставит своим недоброжелателям новый повод для нападок. Это произойдет в тот момент, когда певица поставит крест на аскетическом образе жизни, который вела до сих пор, и окунется в омут мирских утех. Со временем ее недруги найдут новое оружие, чтобы окончательно добить свою жертву. Они смогут ликовать: последнее слово осталось за ними…

22 января в Чикаго оперная дива вышла к публике впервые после скандальных событий в Риме… Отнюдь не без опасения Мария ступила на сцену театра «Сивик Опера Хаус», где ей предстояло дать концерт. И тут же поняла, что ее страхи были напрасными: гром оваций, которым ее встретила публика, показал, что эхо римского скандала уже угасло. И в «Метрополитен-опере», где она выступила в феврале и марте, ее ждал такой же шумный успех. И все же порой ее голос звучал недостаточно мощно. Певица жаловалась — и весьма справедливо — на ветхость здания оперного театра. Зрители ничего не желали замечать, кроме того, что перед ними была звезда первой величины. Они приветствовали ее выступление в «Тоске» и «Травиате» настолько бурно, словно впадали в состояние коллективного помешательства.

«Надо, чтобы голова крепко держалась на плечах, иначе ее снесет волной», — сказала она в одном из своих многочисленных интервью. Впрочем, была ли Каллас способна противостоять этой волне? Невозможно с полной уверенностью ответить на этот вопрос. Мария отдавала себе отчет в том, что превратилась в живую легенду и что это таило в себе большую опасность.

В Нью-Йорке Мария увиделась с отцом. Во время телевизионной передачи, где она появилась вместе с ним, Мария только и говорила о том, как ей приятна эта встреча. Георгиос заметно постарел, но Мария, похоже, с гордостью выставляла его на всеобщее обозрение. К Евангелии, напротив, ее отношение нисколько не изменилось. Она по-прежнему была враждебно настроена против матери. Следует признать, что и мать певицы платила ей той же монетой. Возможно, именно тогда Мишель Глотц увидел на одном из представлений в «Метрополитен-опере», как примадонну самозабвенно освистывала собственная мать. Все может быть. Достоверно только одно: проживание в одном городе не способствовало сближению матери и дочери. Когда один назойливый журналист затронул эту щекотливую

тему, Каллас уклонилась от ответа или же, потеряв над собой контроль, произнесла несколько гневных слов. На этот счет мнения очевидцев расходятся.

В Нью-Йорке Мария встретилась и с Эльзой Максвелл. Престарелая сильфида, доказывая, что у нее еще оставался порох в пороховницах, легко завлекла Марию в свои сети. Каждый день в гостиницу «Вальдорф Астория», где остановились супруги Менегини, Эльза присылала приглашение на ту или иную великосветскую вечеринку. И хотя Каллас недолюбливала Максвелл, она все еще находилась под ее влиянием и, что самое удивительное, — побаивалась ее. Певица была отнюдь не единственной, кто испытывал к Максвелл столь странное чувство. В Америке газетные сплетники устанавливают свои законы в обществе.

И вот Мария уже превратилась в завсегдатая развлекательных заведений Бродвея и дискотек Гринвич Виллиджа. От этих ночных вылазок она получала удовольствие, сравнимое с радостью юной девицы, только что выпорхнувшей из стен закрытого пансионата.

Менегини уже начал замечать, что Мария постепенно отдаляется от него. Вместе с тем Баттиста понимал, что он не в силах бороться с бурным потоком, уносившим его жену. Отныне роли супругов переменились: в первые годы совместной жизни Менегини, богатый мужчина, играл роль доброго Деда Мороза перед девушкой, которая нуждалась в его поддержке. Теперь же Мария была всемирно известной певицей-миллионершей, в то время как ее престарелый муж ограничивался ролью ее импресарио. Правда и то, что Мария всегда демонстрировала самые нежные чувства по отношению к супругу. Однако только на людях. Когда же чета Менегини оставалась наедине, атмосфера резко менялась. Искусство, требовавшее от Марии полной отдачи, нападки одних недоброжелателей, насмешки других — все это не способствовало проявлению нежности к супругу. Менегини вынужден был довольствоваться ролью лица, сопровождавшего примадонну.

Похоже, эта роль вполне устраивала его. В своих воспоминаниях он с удивительным простодушием на все лады расхваливал самого себя: «За какой-то год Мария стала даже в Америке певицей номер один. Ей уже не было нужды числиться для престижа артисткой «Метрополитен-оперы». Зачем же тогда отдавать все свои силы этой сцене без достойной финансовой поддержки? Этого мнения придерживался именно я. С самого начала ее карьеры мы условились с ней, что я займусь финансовой стороной ее работы. Наш союз работал без сучка и

задоринки. Марию часто обвиняли в скупости. Это были несправедливые обвинения…»

Титта, как мы видим, весьма галантно старался «реабилитировать» свою жену. Однако, по свидетельством многочисленных очевидцев, Мария была прекрасно осведомлена о «рыночной стоимости» своего «товара» и вовсе не собиралась продавать его по бросовой цене. Вот что по этому поводу говорил Менегини: «Моя жена была самой высокооплачиваемой певицей в истории оперного театра. Никто из выдающихся певцов, даже Карузо, не зарабатывал столько, сколько она. С того момента, как я познакомился с Марией, я понял, что в мои руки попал исключительный по качеству артистический товар. Для меня Мария-певица была товаром. После того как долгие годы я с успехом торговал кирпичами, я взялся за продажу ее голоса. Главное, что этот товар был высшего качества…»

Повторение слова «товар» проливает свет на то, как Менегини относился к искусству, сравнивая самый знаменитый в мире голос с кирпичами… И все же будем к нему справедливы. Он очень выгодно продавал свой товар. Если Мария получала огромные по тем временам гонорары, то этим она в первую очередь была обязана такому талантливому продавцу, каким был ее муж. Впрочем, последнему удалось воспользоваться результатами своего труда, когда Мария ушла из жизни.

А в настоящий момент певицу уже ждали другие контракты: концерт в Мадриде, «Травиата» в Лиссабоне, затем, в апреле 1958 года, последовало возвращение на сцену «Ла Скала» в опере «Анна Болейн».

Нельзя сказать, что Мария без опасения возвращалась в Милан. Еще не был забыт скандал 2 января. Не прошло и четырех месяцев с тех пор, как в Риме некоторые горячие головы едва не предали певицу суду Линча! Сможет ли она еще раз противостоять разгневанной толпе? Сможет ли вновь выслушивать грязные оскорбления в свой адрес? Хотела ли Мария силой своего таланта обезоружить врагов?

Испытывала ли она желание доказать всем, что она — единственная звезда на небосклоне оперного искусства? Богиня бельканто? Как бы там ни было, но в конце первого представления гром аплодисментов и восторженные возгласы публики стали доказательством того, что она вновь покорила сердца зрителей.

Однако, как мы уже отмечали, певице никогда не удавалось до конца испытать радость: возвратившись на улицу Буонарроти, супруги Менегини увидели, что их дом был разукрашен непристойными рисунками и надписями. Кроме того, и в самом

театре «Ла Скала» была не самая теплая атмосфера. Гирингелли даже не пытался скрывать свою неприязнь, которую с давних времен испытывал к Каллас. Теперь же директор театра никогда не заглядывал в ее гримерную, а когда встречал ее в коридоре, то делал вид, что знать ее не знает. Прошло немного времени, и наша тигрица выпустила когти. «Я не буду петь в «Ла Скала» до тех пор, пока театром руководит Гирингелли», — заявила Мария.

А пока, чтобы немного передохнуть в покое и тишине, прежде чем выступить на той же сцене в опере «Пират», Мария вместе с мужем укрылись от посторонних глаз в Сирмионе, где годом раньше супруги приобрели дом.

Сирмион… На самом краю полуострова, старый город отражается в водах озера Гарда, навевая воспоминания о прошедших днях. Приезжий сразу почувствует себя на краю света… при условии, что он выберет для приезда в здешние края любое время года, кроме лета, когда тихий Сирмион превращается в шумную ярмарку, где дым стоит коромыслом. Однако в ту весну 1958-го город еще предоставлял возможность передохнуть усталым путникам. Здесь Мария получила целых две недели полноценного отдыха. И эти полмесяца она провела в обществе Баттисты… Супруги еще не догадывались, что дни их совместной жизни уже сочтены. Не пройдет и года, как в их жизнь ворвется торнадо по имени Онассис. Он перевернет их судьбы. Слушая, как Мария ради собственного удовольствия играет на пианино или же работает над партитурой оперы «Пират», предчувствовал ли Баттиста, что вот-вот закончатся мгновения спокойного и тихого счастья? Мог ли он предположить, что этот единственный в мире голос навсегда умолкнет для него? Он уже заметил, что Мария больше нисколько не похожа на ту застенчивую девушку, которую однажды вечером он встретил в Вероне. Вместо того чтобы насторожиться, Баттиста упорно не желал замечать перемен.

Могла ли Мария, осваивая сложнейшую роль Имоджене с той легкостью и скоростью, которые вызывали оторопь у всех, кто видел, как она разучивала партитуру, предположить, что это был пик ее славы? Что не пройдет и нескольких месяцев, как все в ее жизни покатится в тартарары? Когда голос Каллас не сможет воспроизводить божественные звуки, потрясавшие весь оперный мир, жизнь потеряет для нее всякий смысл, а адские муки станут ее постоянными спутниками.

Однако в то время Мария еще находилась на пике своей карьеры. 19 мая на премьере оперы «Пират» она вышла на сцену «Ла Скала», настроенная как никогда по-боевому. Для этого ей пришлось мобилизовать все свои силы, поскольку Гирингелли

продолжал портить ей нервы. Да и в самой труппе атмосфера была откровенно враждебной. Но мы уже знаем, что неприятности только побуждали певицу на поступки. Так, 31 мая на последнем представлении произведения Беллини в заключительной сцене, где ее героине надлежало продемонстрировать ненависть, Каллас со святым гневом, выразившимся на ее лице, устремила взгляд на директорскую ложу. Зрители, знавшие о конфликте между оперной дивой и директором «Ла Скала», вскочили со своих мест. Певица ушла за кулисы под гром оваций и приветственные возгласы, что было похоже на всенародное голосование. Аплодисменты не затихали на протяжении целых тридцати минут! Такого Гирингелли не смог снести. Он приказал опустить занавес, а его подручные стали выпроваживать зрителей из зала. Толпа восторженных поклонников Марии собралась на улице перед театром и громко приветствовала примадонну. Каллас расточала улыбки направо и налево, но всплеск народной любви не помог развеять ее сомнения. Она знала, что с каждым шагом удаляется от этого престижного театра, где получила всемирное признание. В глубине души Каллас чувствовала, что это был ее прощальный спектакль. Мария еще дважды будет выступать в «Ла Скала», но уже не в качестве примадонны. В тот раз Мария уходила из театра с камнем на сердце: с «Ла Скала» нелегко прощаться. Однако, для того чтобы остаться, ей надо было поступиться своей гордостью и согнуть спину… Можно ли представить Каллас в такой позе?

Позднее Мария так прокомментировала журналу «Лайф» причину своего отказа сотрудничать с «Ла Скала»: «Если в принимающем вас театре к напряжению от спектакля добавляются мелкие дрязги, то искусство физически и морально изживает себя. Для сохранения моего достоинства и здоровья мне не оставалось ничего другого, как покинуть «Ла Скала»».

Что же касается Гирингелли, то, не желая прослыть руководителем театра, от которого бегут актрисы, он небрежно заметил: «Примадонны приходят и уходят, а «Ла Скала» остается».

В смысле будущего он был прав, но в тот момент театр «Ла Скала» потерял больше, чем Каллас.

Итак, за исключением двух спектаклей, в которых Мария будет участвовать в «Ла Скала» в 1959 и 1962 годах, в ее жизни закончилась глава, связанная с этим театром, так же как вскоре закончится другая — с «Метрополитен-оперой» в Нью-Йорке. Пройдет несколько лет, и певицу с радостью будут встречать только в двух городах: Париже и Лондоне. Именно в Лондон и отправилась Мария после размолвки с руководством «Ла Скала».

«Ковент-Гарден» праздновал свой столетний юбилей, и по этому случаю вокруг Каллас собралось целое созвездие оперных исполнителей.

В зале находились два особых зрителя: королева Елизавета и принц Филипп. Встреча двух королев, английской и оперной, прошла за кулисами в самой теплой атмосфере, несмотря на то, что Мария, скорее всего от волнения, забыла сделать обязательный реверанс.

Прошло несколько дней, и Каллас снова потрясла публику исполнением своей роли в «Травиате». Возможно, из-за того, что певица очень устала и находилась почти на грани нервного срыва, ее Виолетта никогда еще не была настолько живой и трогательной. Ни в какой другой роли Мария не выглядела столь правдиво и достоверно… И, несмотря на все изменения в распорядке дня, посещение увеселительных заведений, светских приемов и праздников, у Марии еще было впереди множество прекрасных вечеров на сценах мировых оперных театров, а армия ее поклонников продолжала прирастать новыми батальонами.

После лондонских триумфов певица наконец согласилась устроить себе отдых, в котором остро нуждалась. И вот супруги Менегини прибыли в свой дом в Сирмионе, где им предстояло провести вместе два месяца. Однако Марию уже больше не вдохновляла перспектива целыми днями играть на пианино, созерцать навевавшие меланхолию окрестности озера Гарда и наслаждаться обществом супруга. Она начала скучать. У нее из головы не выходили приятные воспоминания о веселых нью-йоркских вечеринках, когда она была в центре всеобщего внимания и ее встречали повсюду, как королеву. Ей захотелось перемен.

Подтверждение этому мы нашли в еще не опубликованном нигде письме Марии, адресованном одной приятельнице: «Я принесла столько жертв своему искусству и, безусловно, столько же еще придется принести, поскольку я не достигла того качества, к которому стремлюсь. И все же я задаю себе вопрос: стоило ли мне идти на эти жертвы? Не испортила ли я себе жизнь, всегда желая идти вперед, не останавливаться на достигнутом? Я всегда была настолько требовательной к самой себе и к моим партнерам, что некоторые из них обижались на меня. Журналисты писали, что у меня вздорный характер. Меня толкали, ранили и оскорбляли. Положа руку на сердце, я спрашиваю себя: стоило ли все это таких жертв?..»

Вопросы, которые задавала себе Мария, говорят о многом. Певица не осталась равнодушной к радостям жизни. В то же время она уже сомневалась относительно своих вокальных

возможностей. Соглашение, которое она заключила несколько месяцев назад с «Метрополитен-оперой», внушало ей некоторые опасения. В чем они заключались? В расхождении взглядов Марии и руководства театра на выбор произведений, где должна петь Каллас, а также на количество представлений. Рудольф Бинг, директор «Метрополитен-оперы», хотел, чтобы Мария выступала в «Макбете», а также в какой-нибудь другой опере, вклинившейся между «Тоской», «Травиатой» или «Лючией ди Ламмермур». Мария пребывала в полной нерешительности относительно выбора оперы. Кроме того, ей вовсе не улыбалась перспектива петь в «Макбете», а затем в другой опере. Всего только несколько лет назад благодаря своей исключительной вокальной одаренности она могла играючи переходить с одной тесситуры на другую. Один вечер она пела в опере Вагнера, а уже на следующий день перевоплощалась в героиню произведений Верди или Пуччини. Однако все это было хоть в недалеком, но прошлом. Теперь же Мария чувствовала: у нее уже не те силы и не те возможности. Она решила, что отныне будет бережно относиться к своему голосу, который нещадно эксплуатировала с самого начала своей карьеры. Не стоит упрекать певицу за подобное решение. Напротив, она должна была намного раньше подумать о себе и замедлить бешеный ритм своей исполнительской деятельности. И все же в тот момент на ее решение повлияли не только некоторые технические сложности исполнения, но и нечто другое: ей захотелось найти время, чтобы пожить в свое удовольствие. Она больше не желала бесконечно расширять границы возможного.

В таком настроении Мария отправилась в турне по Канаде и Соединенным Штатам. Конечным пунктом ее гастролей был Даллас, где она чувствовала себя совсем как дома. И все же, несмотря на настойчивые напоминания Рудольфа Бинга, она не изменила своего отношения к «Метрополитен-опере». Как помним, Менегини утверждал, что гонорары этого театра были не столь значительными, чтобы пренебрегать другими контрактами. Если верить его воспоминаниям, супруги решили найти вескую отговорку, однако вынуждены были соблюдать осторожность. Вспомним, как по причине нездоровья Мария отказалась от выступления в Сан-Франциско. Тогда она еле унесла ноги. К тому же ей не следовало бы дразнить «AGMNA», весьма влиятельную среди артистов организацию в Соединенных Штатах. И тут Менегини проявил поистине лисью хитрость, о чем признался в своих воспоминаниях:

«— Мы должны во что бы то ни стало освободиться от «Метрополитен-оперы», — сказал я.

— Если это удастся тебе, то я сниму перед тобой шляпу! — ответила, засмеявшись, Мария. Ее рассмешила мысль о том, какой коварный план я разработаю, чтобы достигнуть своей цели…

Бинг испытывал ко мне лютую ненависть. Он обвинял меня в скупости и говорил, что я думаю только о деньгах. Он рассказывал всем, что я провожаю жену в театр, а затем держу ее под ключом в гримерной до тех пор, пока он не расплатится со мной наличными…»

Менегини решил во что бы то ни стало освободить Марию от обязательств, уже не представлявших в тот момент большого интереса. Супруги встретились в Нью-Йорке с Рудольфом Бингом на совместном обеде. Они начали с того, что в пух и прах раскритиковали его театр. Некоторые из этих критических замечаний были справедливыми. Многие спектакли, которые шли в «Метрополитен-опере», безнадежно устарели.

Встреча с супругами Менегини-Каллас заставила директора театра крепко задуматься. «Я вышел после этого обеда с ощущением: что-то тут не так. Но я еще не знал что, — писал он некоторое время спустя. — Я всегда думал, что наши разногласия возникли из-за турне, когда Марии пришлось петь в городах, выступления в которых не находили отражения в таблоидах, и не в самых лучших условиях. Во время обеда супруги без конца жаловались на сопровождавшие гастроли неурядицы: неудобные гостиницы, запрет проносить собачку Той в салон самолета, вонючие вагоны поездов, перегруженную программу выступлений…»

Менегини избрал свою излюбленную тактику: он тянул время.

«В начале ноября, — писал он, — Бинг позвонил в Даллас, чтобы сообщить о том, что выслал нам контракт. Он просил подписать его и отослать обратно.

— Я должен сначала изучить его, а затем Мария поставит свою подпись, — ответил я.

Мои слова тотчас вызвали у него раздражение.

— Там нечего изучать, — сказал он. — Контракт включает только те условия, которые уже были согласованы и подписаны.

— Посмотрим, — ответил я и положил трубку».

На протяжении нескольких дней Менегини продолжал играть в кошки-мышки с директором театра. Когда Бинг звонил ему по телефону, Баттиста был либо крайне немногословен, либо просил ответить, что его нет. Бинг начал все больше и больше волноваться. Это было именно то, чего хотел добиться коварный сын Вероны. И, наконец, письмо Марии, написанное на

итальянском языке — почему бы не написать его на английском? — окончательно добило директора «Метрополитен-оперы»:

«Вы говорили, что Тебальди в прошлый сезон потребовала, чтобы я не пела в ее «Травиате», и она пригрозила, что ее ноги больше не будет в «Метрополитен-опере», если вы не выполните этого требования. Вы также сказали мне, что ответили на ее абсурдную просьбу со всей твердостью и не в самой любезной форме и что Тебальди не посмеет больше перечить вам. Между тем несколько дней назад вы сообщили, что Тебальди отказалась петь в этом сезоне в «Травиате», несмотря на то, что у нее ангажемент, и что вы, чтобы сохранить отношения с ней, не стали возражать ей. Вполне логично, что и я не буду играть эту роль, поскольку Тебальди посчитала возможным аннулировать свое выступление. Я хотела бы сказать еще об одном: я говорила вам, что к тем ролям, которые вы мне предлагали, мне бы хотелось добавить Баттерфляй. Почему вы не сделали это? Может быть, потому, что моя Баттерфляй могла бы смутить Тебальди, которая и в самом деле показала себя перед вами не с лучшей стороны в прошлом сезоне? Вполне возможно, что она еще раз навяжет вам свою волю, как это сделала в случае с «Травиатой»».

«Игра» продолжалась еще некоторое время. 6 ноября Бинг отправил Марии срочную телеграмму с требованием, чтобы она немедленно согласилась выступить в трех представлениях «Лючии ди Ламмермур», предназначенных для замены трех спектаклей «Травиаты», в которых Мария отказывалась петь. Свой ультиматум директор дополнил звонком Менегини. Последний по-прежнему отделался ничего не значившими фразами.

«Мария, слушавшая наш разговор по параллельной трубке, хохотала до слез, — поведал весьма довольный собой Баттиста.

— Наш план удался, — сказал я. — Он будет еще долго ждать от меня ответа.

Я знал, что выиграл. Этот упрямец решил продемонстрировать свою несговорчивость и таким путем включился в мою игру».

Никогда еще злая воля не была предметом такой высокой гордости. Газеты и в самом деле вышли с крупными заголовками: «Бинг выгоняет Каллас за дверь!»

Оперная дива, в глубине души весьма довольная подобным ходом событий, охотно отвечала на вопросы журналистов во время интервью и ссылалась на плачевное состояние, в которое привел театр Рудольф Бинг: «Он хотел, чтобы я пела в этих ужасных постановках «Травиаты»! Они чудовищны, действительно чудовищны!.. Мы живем на земле, чтобы дарить людям искусство;

за это нас любит публика. Бинг не захотел сотрудничать с нами. Тем хуже для него!»

Со своей стороны, чтобы не оставаться в долгу, Рудольф Бинг не скрывал от общественности своего мнения: «Каллас не способна влиться в какую-либо систему, где она не станет для окружающих центром вселенной… Я не собираюсь вступать в публичную дискуссию с певицей, поскольку мне хорошо известно, что в этих делах она имеет намного больше опыта, чем я. Если артистические заслуги Каллас являются предметом ожесточенных споров между ее друзьями и врагами, то разногласий относительно ее деловой репутации ни у кого не возникает. Она давно присвоила себе право изменять или аннулировать контракты в зависимости от настроения или какой-либо прихоти, что и привело к настоящему положению вещей. И это только повторение печального опыта почти всех оперных театров, где выступала эта певица».

Далее Бинг напомнил истории с «Ла Скала», Венским оперным театром и совсем недавний случай, произошедший в Риме.

Само собой разумеется, что нью-йоркская пресса не могла пройти мимо этого инцидента. «Необузданная дива бросает вызов директору «Метрополитен»», «Циклон Каллас», «Ураган Каллас» — вот только некоторые заголовки газет, появившиеся после разрыва контракта Каллас с «Метрополитен-оперой». И только одна Максвелл примчалась на помощь своей подопечной и предала анафеме злого директора театра.

Возникает вопрос: действовал ли Менегини, как он утверждал в воспоминаниях, в соответствии с пожеланиями самой Марии? Конечно, певице пришлась не по душе перспектива петь, не переводя дыхание, в опере «Макбет» вслед за «Травиатой». И все же, когда 7 ноября она узнала новость о разрыве контракта с «Метрополитен-оперой» и затем сгоряча выступила с заявлением по этому поводу, было видно, что Мария не особенно обрадовалась этому событию. Могло ли случиться, что Менегини в погоне за деньгами и, как ему казалось, действовавший в интересах своей жены, спровоцировал этот достойный сожаления инцидент? Достойный сожаления еще и потому, что после Милана, Вены и Рима для Марии закрылась еще одна, и не самая узкая, дверь. Драматический парадокс: самой знаменитой певице в мире запрещено появление на некоторых из самых престижных оперных сцен.

Бурные овации, которые сопровождали выступления певицы в «Травиате» и «Медее» в Далласе, а также откровенная лесть некоторых партнеров по сцене помешали Марии оценить

масштабы последствий этих повторявшихся досадных событий. Каллас, она ведь такая великая! Богиня, недосягаемая на вершине Олимпа! Казалось, между певицей и ее недругами яростные поклонники таланта Каллас возвели непреодолимый ров. Стоило ли тогда чрезмерно волноваться из-за того инцидента, который представлял, в сущности, такой пустяк по сравнению со всем остальным? И все же остается только сожалеть, что многие знаменитые оперные сцены оказались отныне закрытыми для Каллас. Кроме того, освободившись от некоторой опеки и покровительства, оперная дива, не отдавая себе отчет в том, что стала отдаляться от своего искусства и не соблюдать правила, которыми ранее неукоснительно руководствовалась, начала думать, что могла бы жить не только пением и для пения. Смертельная ошибка, последствия которой она осознает слишком поздно.

Что же до Менегини, то он совершил ошибку, которая впоследствии ему дорого обошлась. Он убедил Марию в том, что она может позволить себе делать все, что ей хочется.

Надо сказать, что ответственность за разрыв отношений с «Метрополитен-оперой» лежала не только на супругах Менегини. Если бы Рудольф Бинг оказался не таким упрямым, а более сговорчивым, он, безусловно, смог бы убедить певицу вернуться в театр. Он и сам это понимал, судя по его воспоминаниям: «Каллас и Караян были самыми аншлаговыми артистами за все время, пока я находился в «Метрополитен-опере». И за то, что с ними было поставлено так мало спектаклей, винить, кроме меня, некого. Каллас участвовала только в двадцать одном представлении».

Запоздалое раскаяние, высказанное, похоже, для того, чтобы почтить память ушедших.

История ссоры с Рудольфом Бингом все же имела счастливый эпилог. Несколько лет спустя — Менегини к тому времени уже получил отставку — Мишелю Глотцу, другу и советнику Марии, пришла в голову прекрасная мысль посадить за один стол певицу и директора «Метрополитен-оперы». В конце встречи они обменялись поцелуями. Эта история имела продолжение. Однажды вечером в 1968 году, когда Рената Тебальди готовилась к выступлению в «Метрополитен-опере» как исполнительница главной роли в «Адриенне Лекуврер», певица услышала стук в дверь и увидела на пороге своей гримерной Рудольфа Бинга, объявившего, что с ней хотела бы повидаться ее старая подруга. Тут вошла и сама «старая подруга»: это была Мария. Рената раскрыла ей свои объятия. Обе дамы стояли, крепко обнявшись, и не скрывали своих слез…

В заключение истории с «Метрополитен-оперой» следует заметить, что на этой сцене Мария еще два раза исполнит «Тоску» в марте 1965 года. К тому времени голосу оперной дивы уже не хватало былого мощного звучания. И все же никакая другая певица в мире не смогла бы создать столь неповторимый образ Тоски, как это сумела в то время сделать Мария.

Однако вернемся в 1958 год. Несмотря на все неудобства и разочарования, американское турне Марии продолжалось с огромным успехом. 8 ноября именно в Далласе, когда она исполняла партию Медеи, можно было сказать, что разрыв с «Метрополитен-оперой» удвоил ее силы и возможности. Никогда еще певица не пела с таким подъемом, никогда еще ее талант драматической актрисы не проявлялся с таким блеском. Упорное желание бросить вызов всему миру было отличительной чертой ее характера. Нам уже известно, как превратности судьбы подготавливали почву для ее будущих головокружительных успехов. Когда 29 ноября Мария закрывала гастроли по Соединенным Штатам концертом в Лос-Анджелесе, ей устроили грандиозный прием, свидетельствовавший о том, что легенду оперной сцены по-прежнему боготворила американская публика и оперная дива не понесла никакого урона от бурь, встречавшихся время от времени на ее пути.

Если Мария испытывала какие-либо сомнения относительно своей популярности, то достаточно было увидеть зрительный зал парижского театра «Опера» 19 декабря 1958 года, чтобы они полностью развеялись. После алжирского кризиса Франция стояла на пороге конституционных перемен… В тот вечер президент Французской республики Рене Коти в последний раз в этом качестве показывался на публике. Француз номер один уступал свое место самому знаменитому гражданину Французской республики. Генерал де Голль должен был войти в Елисейский дворец. Однако весь Париж спешил во дворец Гарнье вовсе не потому, что жаждал посмотреть в последний раз на добрейшего Рене Коти. По инициативе еженедельника «Мари Клер» в честь ордена Почетного легиона Мария Каллас должна была выступить в гала-концерте, после которого был намечен званый обед.

У меня перед глазами фотография, появившаяся на следующий день в «Фигаро» от 20 декабря. Зал театра «Опера», заполненный полностью от оркестра до балкона самой элегантной публикой, — зрелище не только впечатляющее, но и знаковое, которое свидетельствовало о мощной притягательной силе певицы. Это фото еще и источник ностальгии для современных любителей оперы, приходящих в залы, где царит дух

разобщенности среди публики, которая чувствует себя много лучше, опустившись на ступеньки футбольного стадиона, чем сидя в кресле оперного театра… Другое фото: в конце представления Рене Коти склоняет голову перед примадонной, которая одаривает президента Французской республики своим чарующим взглядом на глазах у респектабельного Менегини.

Статья Жана Фейярда о прошедшем вечере, опубликованная все в том же «Фигаро», звучит как эхо былых времен:

«С 20 часов 45 минут до 21 часа 30 минут люди рассматривали друг друга. Прибывшие первыми остались стоять на лестницах, чтобы видеть, как входят другие. Здесь были только известные и очень известные люди. Ну и ну! Всегда приятно констатировать, что одним известным людям нравится смотреть на других известных людей, а также то, до какой степени у них сохранились привычки простых парижских зевак. Чарли Чаплин и генерал Катру следовали взглядом за Брижит Бардо; Жильбер Беко смотрел на генерала Норштадта, в то время командовавшего силами НАТО, посол Англии разглядывал Франсуазу Саган. Взаимное созерцание важных персон прекратилось с прибытием президента Французской республики, занявшего вместе со своей семьей и домочадцами три центральные ложи между ложами, в которых находились герцог и герцогиня Виндзорские и семья Ротшильдов… Тотчас в зале погас свет, оркестр заиграл увертюру и появилась Каллас в платье из пурпурного бархата. Высокий рост, точеная фигура. Ничто в ней не напоминало о том, что она когда-то весила более 90 килограммов. На шее и руках не осталось ни малейших складок, так что возникал вопрос: не были ли вымыслом рассказы о ее былой полноте?

Выход певицы был встречен аплодисментами, но довольно сдержанными… По правде говоря, первые две арии из «Нормы» не показались убедительными абсолютному большинству присутствовавших в зале. Раздались отдельные возгласы и крики «браво». Зал еще не был достаточно разогрет. Каллас довела его до подходящей кондиции арией из «Трубадура», но более всего арией Розины из «Севильского цирюльника», вызвавшей бурю восторга. Певица, отлично владевшая собой и своим голосом, использовала все ресурсы своего мастерства и добилась триумфа. Самой невозмутимой в зале театра «Опера» оставалась одна только Каллас. Спокойно и неторопливо, почти милостиво, как нечто само собой разумевшееся, певица пожинала плоды своего труда».

Выступление Каллас на сцене дворца Гарнье позволило французской публике открыть, наконец, примадонну для себя. В то же время певица перевернула первую страницу любовного

романа, который отныне будет связывать Марию с Парижем. Надо думать, что звучавшие по всему миру крики «браво» не смогли закалить сердце певицы, поскольку в ее глазах от волнения блестели слезы, когда она сказала президенту Французской республики: «Меня нигде не встречали так, как здесь».

Каллас в Париже! Событие настолько исключительное, что его показали по Евровидению. В то время это было большой редкостью. Вместе со всем великосветским Парижем увидеть и услышать Каллас смогли сорок миллионов телезрителей. Естественно, что концерт также транслировался всеми французскими радиостанциями. В тот памятный вечер мне довелось вести передачу на одной из этих радиостанций. Так я познакомился с Марией Каллас…

Будущее подтвердило, что столица Франции пребывала в восторге от певицы. На званом обеде, состоявшемся после концерта, Мария не скрывала своей радости.

Могла ли она в тот момент предположить, что совсем скоро в ее судьбе произойдет переворот и она закончит свою жизнь в полном одиночестве в городе, встречавшем ее как королеву?

Глава 12
Прекрасный принц на белом коне

Ветхое грузовое суденышко, на котором он плыл в Аргентину, неторопливо рассекало гладь Средиземного моря. У Аристотеля было достаточно времени, чтобы вдоволь налюбоваться сверкающей огнями Ривьерой… В его ушах звучали волшебные слова: Канны, Ницца, Монте-Карло… Семнадцатилетний эмигрант, направлявшийся в поисках лучшей доли в страну гаучо, конечно, в тот момент и думать не мог о том, что в один прекрасный день на этих берегах его будут встречать вместе с князем Монако как истинного властелина Монте-Карло. Нет, в тот вечер 1923 года юный Аристотель Онассис не заносился в своих мечтах столь высоко и далеко. Прошло всего несколько дней после того, как он бежал из родного города Смирны, где были убиты почти все его родственники. Когда регион, оккупированный греками с конца Первой мировой войны, перешел к туркам, последние осуществили карательные операции против потомков эллинов. Семья Онассис, по крайней мере те ее члены, которые сумели остаться в живых, в одночасье разорились и с трудом пережили столь сокрушительный удар судьбы. Возможно, именно это печальное событие открыло глаза юноши на роль денег в жизни человека.

«Во время семейных ссор меня охватывало странное чувство собственной ничтожности, — сказал впоследствии Онассис. — Я пришел к выводу, что найду свое счастье в далекой стране».

Сойдя на берег в Аргентине, молодой человек пошел по пути всех бедных эмигрантов. Прочитав короткое объявление в газете, Аристотель устроился на должность ночного телефониста с нищенской зарплатой. Почувствовав, что в Новом Свете наступило время «легких» денег, он занялся перепродажей сигарет — в Смирне его отец занимался экспортом табака, — что принесло ему первые заработанные доллары. Затем деньги пошли к деньгам. В тридцатые годы он уже был судовладельцем, правда, совсем мелким. Но уже некоторое время спустя он заработал на перевозке нефти миллионы, а затем и миллиарды.

«В то время многие люди считали меня сумасшедшим, — вспоминал он. — Они воспринимали нефтеналивное судно так же, как в наши дни воспринимают атомную бомбу: очень опасно в обращении… Я же смотрел в будущее…»

Будущее все больше и больше принадлежало ему. После войны он перекупил у правительства Соединенных Штатов

корабли «Lyberty Ships», которые бороздили море во время войны. Вскоре он стал владельцем самого мощного в мире торгового флота и авиакомпании «Middle Est Air Line».

В 1946 году он заключил самую выгодную в своей жизни торговую сделку — женился на Тине Ливанос, дочери своего самого опасного конкурента. Прелестная Тина подарила ему двоих детей, которых он воспитывал как наследников империи… Империи, приносившей в 1957 году 2 миллиона старых франков… в час!

Таков был человек, решивший завоевать Марию Каллас; таков был мужчина, перевернувший ее жизнь.

С начала 1959 года Мария вела кочевой образ жизни звезды бельканто. Она вновь прибыла в Соединенные Штаты, чтобы дать там множество концертов. Менегини подсчитал, что концерты втройне выгодны, поскольку не требовали, как оперное представление, большого числа репетиций и позволяли Марии выбирать уже известные ей арии, которые она знала назубок, а также приносили больше денег, чем классический спектакль. Помимо всего прочего, концертная деятельность позволяла оперной диве обманывать себя в тот момент, когда для нее были закрыты сцены многих престижных оперных театров: «Ничего не изменилось в моей жизни… Я по-прежнему почитаемая всеми в мире певица… Единственная и неповторимая примадонна…»

Возможно, Мария предавалась подобным успокоительным размышлениям, чтобы не признавать очевидное: артистка в ней мало-помалу уступала место женщине, или, скорее, женщина отстаивала свои права в ущерб таланту артистки. Музыковеды уже неоднократно указывали певице на то, что ее голос слабеет. Неужели по этой причине Мария вдруг изменила свой аскетический образ жизни? Почему ее потянуло в мир пустых развлечений? Или же, напротив, ее голос слабел именно потому, что она перестала приносить себя как женщину в жертву певице? На эти вопросы нельзя дать точный ответ. И все же, как бы там ни было, нельзя говорить, что именно с этого времени Мария потеряла голос. По этому поводу весьма справедливо высказался Мишель Глотц: «Голос у Марии был всегда; только нервов больше не стало». Его мнение разделяла и сама Мария Каллас.

Достоверно только одно: Каллас, которой руководил Висконти, певица, которой не составляло труда переходить от исполнения оперы Вагнера к произведению Беллини, то есть Каллас пятидесятых годов никогда не могла бы хлопнуть дверью ни в «Ла Скала», ни в «Метрополитен-опере»; Каллас тех времен была душой и телом предана искусству.

Жан Поль Реми подвел итог выступлений певицы, где цифры

говорят больше, чем любые комментарии по поводу охлаждения певицы к своему творчеству: в 1958 году Мария пела двадцать восемь раз; в 1959-м — одиннадцать; в 1960-м — семь раз; в 1961-м — пять раз; в 1962-м — два раза; в 1963 году — ни одного! Печальная статистика, притом что и репертуар певицы сокращался на глазах.

Карьера оперной дивы была короткой, даже слишком короткой, чтобы мы могли в полной мере насладиться ее талантом. Словно разочарованные влюбленные, мы спрашиваем вновь и вновь, почему так случилось, и ищем виновного…

Здесь следует вспомнить установленный ее супругом безумный ритм сценической деятельности певицы. Однако была еще одна причина: Онассис с его роскошью, обещаниями, любовью или, скорее, Онассис с фальшивой роскошью, лживыми обещаниями и обманчивой любовью… И в то же время был и другой Онассис — человек, наделенный мужским обаянием, веселым нравом, душевной щедростью… В 1959 году обновленная Каллас представляла весьма легкую добычу для такого опытного охотника, каким был в то время Онассис…

Однако никогда еще супруги Менегини столь демонстративно не выставляли напоказ свое семейное счастье. По некоторым высказываниям Марии можно было предположить, что Титта уже давно перестал играть роль «папика» и превратился в партнера. В своих воспоминаниях Баттиста из кожи вон лез, чтобы доказать, будто его красавица-жена пылала к нему неземной страстью. Мы знаем, что он разыгрывал перед нами комедию. Мария была великой актрисой и умела ввести в заблуждение публику, под пристальным вниманием которой находилась не только на сцене, но и в частной жизни. Если бы ее сердце не было свободно, разве смог бы ее покорить за столь короткий срок другой мужчина? Она сто раз бы подумала, прежде чем перейти Рубикон. Игра была предопределена еще задолго до фатального путешествия на яхте миллиардера.

А пока, повторяю, супруги Менегини продолжали показывать на людях пример брачного союза, совершенного во всех отношениях. В ресторане «У Максима», отмечая десятую годовщину со дня свадьбы, Каллас во всеуслышание заявила: «Я — голос, а он — душа». Слова стоят недорого и очень быстро выходят из моды.

Некоторое время спустя в Венеции одна местная знатная особа, походившая своими манерами на даму прошлого века, — графиня Кастелбарко устроила в честь Каллас праздник. Среди приглашенных был некий грек… Человек, который мог позволить себе все. Вынашивал ли он еще до этого свой коварный план

соблазнения самой известной женщины в мире? Мечтал ли раньше этот выскочка-миллиардер завладеть мировым достоянием, какое представляла собой Мария? Или же такое желание возникло у него внезапно средь венецианского бала? В городе дожей, где тени прошлого каждую ночь до самого рассвета танцевали фарандолу, сбывались самые безумные мечты…. Несмотря на присутствие своей жены Тины и супруга оперной дивы Баттисты, Аристотель ни на шаг не отходил в тот вечер от Каллас. Конечно, она так походила на прекрасную античную греческую статую, что судовладелец пожелал привязать ее к своей корме… В конце бала он уже не мог больше сдерживаться и пригласил супругов Менегини принять участие в ближайшем круизе на своей яхте-дворце «Кристина».

Мария тотчас клюнула на эту приманку, хотя ничем себя не выдала и дала, как всегда, туманный ответ в полном соответствии со своими привычками. Она сослалась на множество ангажементов, в частности на выступление в «Ковент-Гардене», где должна была петь Медею. «Я приеду в Лондон за вашим ответом», — твердо произнес Аристотель.

Нельзя сказать, чтобы Тина и Титта пришли в восторг от такого дерзкого предложения, но Каллас была польщена. Рыцарское и в то же время раболепное внимание судовладельца, ходившего за ней по пятам на протяжении всего вечера, не оставило ее равнодушной.

«У Ари было море обаяния, — поведал нам Мишель Глотц. — Если он задумал кого-либо обворожить, то действовал с умом… Простота общения, широта жестов и веселый нрав удивляли и подкупали любого человека, на которого он хотел произвести благоприятное впечатление, особенно из-за того, что о нем ходили самые нехорошие слухи».

Вот и Мария попалась на удочку этого волка в овечьей шкуре. Помимо всего прочего, они были соотечественниками, что весьма сближает людей, когда они находятся вдали от родных берегов.

В своих воспоминаниях незадачливый Титта старается убедить нас в том, что Мария тогда с пренебрежением отнеслась к ухаживанию Аристотеля. На его жену якобы не произвело никакого впечатления приглашение миллиардера принять участие в сказочном круизе, и будто бы он сам уступил настойчивым приглашениям грека.

Конечно, подобная трактовка событий вполне соответствовала мифотворчеству Менегини, однако нисколько не отражала реальное положение вещей. В действительности все происходило с точностью наоборот. Если вначале Мария не сразу приняла приглашение Онассиса, то именно она заставила своего

мужа почти против его воли совершить морское путешествие на яхте «Кристина». Он отправился в путь с тяжелым сердцем. Баттиста знал по опыту, что спорить с Марией бесполезно, если речь шла об исполнении ее очередной прихоти.

Накануне поездки певица дала концерт в Испании, а 17 июня уже прибыла в Лондон, чтобы петь в опере композитора Керубини. Публика «Ковент-Гардена» устроила ей, как обычно, самый теплый прием, а музыкальные критики отдавали должное больше артистическим качествам Каллас, ее умению держаться на сцене и выразительности исполнения роли Медеи, чем ее вокальным данным.

Несмотря на то, что Онассис ничего не понимал в оперном искусстве, он приехал в «Ковент-Гарден» одним из первых, как самый страстный любитель оперы. Оплатив несколько десятков мест, он отправился в театральный бар, где вручал эти дорогие билеты своим друзьям вместе с приглашением, текст которого напоминал рекламное объявление, что было в духе Онассиса: «Господин и госпожа Онассис имеют удовольствие пригласить на прием в честь Марии Каллас. Прием состоится в отеле «Дорчестер» в четверг 17 июня в 23 часа 15 минут».

Описывая этот вечер, ставший предвестником перемен к худшему в его жизни, Менегини уверял, что его супруга вовсе не собиралась идти на прием и инициатива заглянуть на короткое время в «Дорчестер» принадлежала исключительно ему… Бедный Менегини! Его слова опровергает фотография, опубликованная во всей европейской прессе: мы видим между Баттистой и Аристотелем оперную диву, которая на целую голову выше как своего «бывшего суженого», так и будущего. Онассис положил руку на плечо Каллас, в то время как Менегини опустил свою ладонь, словно в знак согласия с будущей «передачей прав» на Марию. Конечно, это было не так, о чем свидетельствует немного вымученная улыбка Менегини, в то время как за темными стеклами очков глаза Онассиса сверкают, как у хищника, схватившего свою добычу.

Само собой разумеется, что столь впечатляющий снимок был сделан для публики, однако он свидетельствует о том, что Каллас, похоже, не считала зря потраченным время, проведенное в «Дорчестере», где оставалась до трех часов утра. Могло бы такое произойти, если бы она смертельно скучала на этом приеме? Онассис предпринял все, чтобы вскружить ей голову: бесчисленное количество цветов, оркестр, игравший танго, поскольку Мария высказала такое желание, и миллиардер тут же широким жестом раздал музыкантам королевские чаевые, горы самых изысканных угощений, море шампанского, а главное,

вездесущий, всемогущий, предупредительный, жизнерадостный, веселый и обаятельный Ари… Короче говоря, Мария была тронута его вниманием до глубины души. Если нужно доказательство, то достаточно взглянуть на вытянутые лица Тины Онассис и Титта Менегини. На фото невооруженным глазом видно, что они испытывают чувство глубокой досады.

Когда Мария вернулась с Баттистой в свой гостиничный номер в «Савойе», она уже приняла решение, хотя супругу пока ничего не сказала: она примет приглашение Ари. Последний, впрочем, не заставил себя долго ждать и вскоре позвонил. Он настолько ловко добивался своей цели, что привлек для этого свою жену Тину. Менегини цеплялся за любой предлог, чтобы отложить путешествие, которое не сулило ему ничего хорошего: он устал, его престарелая мать была больна, его мучила морская болезнь, стоило ему ступить на палубу корабля, он плохо говорил по-французски и еще хуже по-английски… Все приводимые им аргументы тотчас же оборачивались против него. «Зачем мне нужен такой спутник жизни?» — могла думать Мария. Желание супруги отправиться в круиз на «Кристине» вызвало у Баттисты смутное беспокойство. Он еще больше разволновался бы, узнав, что Мария дала указание организаторам двух ее концертов в Амстердаме и Брюсселе не переводить ее гонорар на общий с мужем счет, а хранить деньги до нового указания. Интересно, до какого?..

Пока Баттиста брюзжал себе под нос в Милане, Мария готовилась к круизу. Она накупила нарядов «на много миллионов лир», как поведал нам ее муж с заметным неодобрением. Похоже, оперная дива собиралась блистать под средиземноморским солнцем так же ослепительно, как в свете прожекторов на сцене. Под открытым небом в ярких солнечных лучах нельзя было появиться в бумажной короне и украшениях из поддельного золота, как это было уместно в театральных декорациях. Певице хотелось доказать, что она не нуждалась в искусственном приукрашивании, чтобы быть самой красивой… На палубе роскошного судна собиралось избранное общество… Уинстон Черчилль, политический деятель, сыгравший исключительно важную роль во Второй мировой войне, конечно, весьма с тех пор постаревший, но оставшийся легендой в народной памяти; несравненная Гарбо, обещавшая присоединиться к приглашенным на одной из стоянок яхты по ходу круиза… В числе гостей был также и Умберто Аньелли, всемогущий хозяин концерна «Фиат». Как мы видим, Онассис собрал в партере самую изысканную публику, чтобы аплодировать королеве или, скорее, чтобы пустить королеве пыль в глаза. И его выстрел попал в цель.

Марию буквально завораживали имена знаменитостей, которых Ари пригласил ради нее. Перед ней открывалась дверь в волшебный мир. Она чувствовала себя сказочной «спящей красавицей», которую пробуждал к жизни современный прекрасный принц. В действительности же она была похожа на маленькую девочку, не способную оторвать глаз от сверкавшей мишурой новогодней витрины…

22 июля Мария в сопровождении не прекращавшего брюзжать Баттисты прибыла в Монте-Карло, где их уже ожидала «Кристина»… а также письмо от Максвелл.

Старая сплетница была в курсе готовившегося круиза и по привычке совала нос не в свои дела: «Дорогая Мария, спешу пожелать тебе и Баттисте великолепного путешествия на борту восхитительной яхты с таким чудесным и умным хозяином, каким является Ари… Начиная с сегодняшнего дня наслаждайся каждым моментом своей жизни. Бери от жизни все. Отдай все, что ты можешь себе позволить отдать: вот путь, ведущий к истинному счастью, который ты должна найти в пустыне сомнений. Я больше не ревную тебя. Мои чувства к тебе перегорели. Я даже не хочу тебя больше видеть. Люди скажут, и они уже говорят, что ты хотела только использовать меня. Я категорически отрицаю это. То малое, что я для тебя сделала, я делала с открытой душой и от чистого сердца. Ты — великая и будешь еще более великой…»

Чем не письмо отвергнутого возлюбленного? Сколько бы она ни говорила о том, что больше не желала видеть Марию, светская сплетница нашла способ, чтобы получить приглашение на обед, на который перед отъездом в круиз собрались Онассисы и Менегини.

Утром 23 июля Мария ступила на палубу «Кристины», сделав шаг навстречу главной любовной истории в своей жизни…

Ее встретил судовладелец, цирковой фокусник и маг в одном лице, готовый перед ней вытащить из шляпы весь свой реквизит иллюзиониста, все волшебные миражи, начиная с самой «Кристины»… Пятипалубное судно в сто метров длиной и двенадцать шириной, с тридцатью членами экипажа и многочисленным обслуживающим персоналом. В то же время, если небо заволакивали тучи, нельзя было догадаться, что находишься на борту плавучего средства, поскольку оно походило одновременно на музей, дворец и королевское жилище. Так же как его соотечественник Ясон, Аристотель Онассис добыл золотое руно, сияние которого распространялось повсюду: в холлах, где по стенам были развешаны полотна известных художников, в каютах, обставленных венецианской мебелью, в ванных комнатах из сиенского мрамора с мозаикой и кранами из золота, в

бассейне, дно которого украшали барельефы из дворца Кноссос. Самое удивительное заключалось в том, что вся эта мишура и позолота, вся кричавшая роскошь не были безвкусицей. Все собранные здесь разнородные сокровища сосуществовали в продуманной гармонии. Как Мария могла устоять перед столь пышными декорациями, которые Онассис поспешил ей показать, едва она ступила на борт корабля? Как при виде старого льва Уинстона Черчилля не вспомнить ей о том дне 1944 года, когда бедная юная гречанка под шквальным ветром гражданской войны увидела его, проходившего мимо как символ свободы? Какой длинный путь прошла Мария Калогеропулос всего только за пятнадцать лет! Мог ли круиз на яхте «Кристина» не будоражить ее воображение? Мог ли бедный Титта бороться с дьяволом-искусителем в образе Онассиса? Игра велась на заведомо неравных условиях. У грека в руках были крапленые карты: выигрыш уже лежал у него в кармане.

Пока Ари, как услужливый экскурсовод, знакомил гостей со своим плавучим дворцом и рассказывал историю каждой бесценной безделушки, Каллас чувствовала, что он метал бисер именно перед ней, чтобы своим могуществом и богатством потрясти ее воображение.

А Тина Онассис, что чувствовала она, находясь рядом с мужем? Ощущала ли она угрозу, которую принесла с собой на корабль вместе с грудой чемоданов знаменитая певица? Надо сказать, что до этого момента семейный союз Онассисов был счастливым только для посторонних глаз. Главной страстью Ари была гонка за миллиардами, и они текли к нему рекой. Ему всегда не хватало времени, чтобы изображать любящего и внимательного супруга. К тому же стоило ему нахмурить брови, как любая красавица тотчас же оказывалась в его постели. Поскольку последнее развлечение он предпочитал всем остальным, Ари часто приходилось хмуриться… Безусловно, Тина не пребывала в неведении по поводу измен своего мужа, но богатство и известность налагали на нее определенные обязательства. Тина скорее всего догадывалась, что ее муж увлекся Марией, ибо с чего бы он, ничего не понимающий в музыке, вдруг заделался любителем оперы? Однако привыкшая к любовным похождениям своего повелителя, Тина надеялась, что увлечение Ари пройдет так же быстро, как легкий бриз над морем…

И вот «Кристина» рассекала гладь Средиземного моря со знаменитостями на борту и двумя греками, современными Улиссом и Цирцеей. В тот момент Цирцея была воплощением гордости и успеха. Аристотель вскоре сделает из нее униженную

и порабощенную Пенелопу.

На борту гости шумно и весело ужинали, когда хотели, перешептывались с самым таинственным видом, флиртовали друг с другом… Бедняга Менегини был шокирован свободой нравов этих почти обнаженных людей, без всякого стеснения обменивавшихся партнерами. Вместе с тем он отдавал должное хозяину яхты, постоянно проявлявшему заботу о том, чтобы его гости чувствовали себя так же хорошо, как у себя дома. Вскоре Баттиста переменит свое мнение.

Мария пребывала на седьмом небе от счастья. Она с наслаждением купалась в роскоши, предоставленной Аристотелем. Он окружил ее вниманием, достойным королевы. Этот новый Али-Баба широко распахнул перед ней двери своей пещеры с несметными сокровищами. Остальные приглашенные присутствовали здесь в роли статистов или же в качестве алиби. Незаметно для себя Мария попала в расставленные греком сети, сплетенные из золотых нитей. Не догадываясь ни о чем, молодая женщина с удовольствием проводила время в обществе своего веселого и изобретательного соотечественника.

Мало-помалу певица оказалась втянутой в атмосферу, царившую на борту яхты. На первой стоянке «Кристины» в Портофино Мария сошла на берег в экстравагантном ярком наряде и накрашенная сверх меры. Она не отказывалась от подарков Онассиса, которые тот покупал ей во всех дорогих бутиках, куда она заглядывала. Окружавшие делали вид, что ничего не замечают. Кто бы посмел осудить поведение миллиардера? Все вели себя так, словно сговорились. Даже Тина смотрела на все сквозь пальцы.

И только один Титта еще ни о чем не догадывался. Если он и пребывал в плохом настроении, то вовсе не по причине ревности, а потому, что чувствовал себя всеми забытым и чужим на этом празднике жизни. Он не танцевал, не флиртовал и не пьянствовал. У него все время что-то болело… Этот престарелый господин решительно не вписывался в компанию, о чем ему не стеснялись намекать окружающие. И все же еще несколько дней они с Марией выглядели самой счастливой супружеской парой на земле или же старались таковой казаться. Однако пока «Кристина» плыла на восток, откуда они были родом, оперная дива и судовладелец вели нескончаемые разговоры, стоя на корме яхты. Онассис рассказывал о своей юности, честолюбивых и безденежных первых шагах, первых победах, первых миллионах… Время от времени раздавался громкий и по-девичьи звонкий смех Марии, которого Баттиста никогда раньше не слышал, что должно было бы насторожить его.

Высадка в Греции нанесла последний удар по семейной лодке Менегини. Можно сказать, что, ступив на землю предков, Мария и Ари почувствовали себя так, словно вознеслись на небеса… Когда у берегов Пелопоннеса к гостям присоединился режиссер Карл Форман и предложил Марии сняться в кино, Онассис воскликнул: «Замечательная идея! Я охотно дам деньги на этот фильм».

Произнося эти слова, он обнял певицу за плечи. Это был отнюдь не жест друга, а влюбленного мужчины, как и его обещание дать деньги на фильм больше походило на признание в любви, чем на деловое предложение бизнесмена. У Менегини наконец-то упала повязка с глаз. Он ясно увидел, что между его женой и посторонним мужчиной неожиданно возникла духовная близость. Ему было неприятно думать об этом, и он попытался прогнать от себя эту мысль: естественно, что Мария с удовольствием беседовала с Аристотелем, ведь они оба — греки, а ей не так уж часто доводилось общаться со столь интересным собеседником, к тому же соотечественником… Пусть себе веселится на здоровье! Пусть танцует под джазовый оркестр (игравший, к слову сказать, только медленные мелодии, когда партнеры двигались в танце, тесно прижавшись друг к другу, щека к щеке)… Пусть поживет в роскоши, которую не мог ей предоставить слишком прижимистый супруг… Менегини не хотел ничего видеть и понимать. Он все еще цеплялся за ускользавшее из его рук призрачное счастье…

А что же Мария? Какие чувства испытывала она? Что происходило в ее душе, жившей до сих пор одними только театральными страстями и переживаниями? Если в ее душе и происходила борьба между любовью и долгом, то совсем недолгое время. А как могло быть иначе? Как могла она бороться с происходившим с ней чудом: она была влюблена впервые за тридцать шесть лет жизни! Пламя неожиданно вспыхнувшей страсти разгоралось так стремительно еще и потому, что это была поздняя страсть. Ее огонь мгновенно распространялся, сжигая все на своем пути… Любовь Баттисты была слишком пресной и праведной, почти отеческой. Безнадежное чувство к Лукино Висконти оказалось лишь прелюдией к великой страсти. И только Ари сумел разбудить ее чувственность и заставить учащенно биться сердце. Только теперь Мария поняла, что вовсе не являлась бесчувственным идолом, античной статуей, почитавшейся толпой восторженных и платонических поклонников, а женщиной, состоящей из плоти и крови… Когда они танцевали с Ари так близко, когда вели бесконечные беседы на палубе «Кристины», когда, встретившись нечаянно взглядом, чувствовали себя наедине друг с другом, хотя вокруг было полно

других пассажиров, — каждую секунду она открывала для себя новый, неведомый ей мир. И это открытие будоражило и волновало ее кровь. И тогда Мария решила дать волю своим чувствам и как в омут бросилась в объятия Ари.

Онассис, в свою очередь, приложил все усилия, чтобы вызвать в душе Марии эту бурю чувств, не теряя времени даром. Неутомимый ловелас, вечный охотник за свежей плотью, он никогда не делал передышки в постоянной гонке за земными утехами. На этот раз он серьезно увлекся погоней: желание обладать прекрасной женщиной подкреплялось престижностью выбранной жертвы. Несмотря на то, что Онассис ничего не понимал в оперном искусстве, идея стать любовником одной из самых известных в мире женщин чрезвычайно льстила его самолюбию. Какая эффектная визитная карточка — на одной стороне слава, на другой миллиарды! О такой выгодной сделке можно было только мечтать!..

Когда же случилось непоправимое? Трудно назвать точную дату, но, судя по некоторым признакам, это могло произойти 6 августа. В тот день яхта бросила якорь в бухте у горы Атос и все веселое племя путешественников спустилось с борта «Кристины» на берег, чтобы посетить знаменитый монастырь. Патриарх Константинопольский прибыл в обитель, чтобы встретить именитых гостей, а именно двух греков. Мария и Ари встали перед ним на колени. Молодая женщина была растрогана до слез, когда патриарх назвал ее «самой знаменитой в мире певицей», а ее спутника «современным Улиссом». Волнение Марии возросло еще больше, когда благообразный священник, по всей видимости, знавший толк в жизни, благословил влюбленную парочку со всей подобавшей случаю торжественностью. Еще немного и Мария, чье воображение разгорелось не на шутку, поверила бы в то, что служитель культа обвенчал ее с Аристотелем. У стоявшего в сторонке Багрянисты создалось почти такое же впечатление. Это было самое неприятное из всех терзавших его в тот момент сомнений.

Когда Мария возвратилась на борт яхты, она была уже совсем другой женщиной. Остатки угрызений совести улетучились. Былая нерешительность уступила место желанию отдаться чувству, охватившему все ее существо. Можно предположить, что вечером того памятного дня Аристотель Онассис перестал быть для Каллас простым поклонником ее таланта…

В своих воспоминаниях Менегини подробно описал свой путь на Голгофу, чем обернулись для него последние дни круиза: «Вечером 6 августа, когда мы вернулись на борт, я увидел, что она изменилась до неузнаваемости. Она отказалась идти спать.

Когда же я сказал ей, что устал, она ответила: «Делай, что хочешь, а я останусь здесь». С этого вечера началась их связь…»

Следующий вечер не принес Менегини облегчения. Напротив, Мария в самом приподнятом настроении танцевала с Онассисом, тесно прижавшись к нему и не обращая внимания на остальных пассажиров. Уинстон Черчилль попросил ее что-нибудь спеть, в ответ она небрежно ответила ему отказом. И старый лев остался ни с чем. Казалось, музыка больше не интересовала оперную диву. Она взяла с собой в круиз партитуру одной из опер Беллини, но за все время путешествия даже не прикоснулась к ней. Все ее помыслы и желания были связаны с Ари. Она практически не расставалась с ним ни на минуту. «Кристина» встала на якорь в порту Пирей. Влюбленным представилась возможность спуститься вдвоем на берег. Держась за руки, они гуляли по узким улицам квартала Плак, с наслаждением вдыхая воздух родины, с которой находились в слишком долгой разлуке.

Казалось, Афины да и вся Греция благословляли двух своих самых знаменитых детей…

В последующие дни страдания Баттисты продолжились. Мария взяла в привычку возвращаться на рассвете в каюту, которую занимала вместе с супругом. Он сделал ей замечание по этому поводу. Влюбленные не любят, когда кто-то становится на их пути, так и Мария, не в силах более сдерживать переполнявшее ее раздражение, высказала все, что накопилось в ее душе.

«Можно подумать, ты мой тюремщик! — воскликнула певица. — Ты ходишь за мной по пятам. Ты подглядываешь за всем, что я делаю. Долгие годы ты держал меня на цепи. Ты похож на мерзкого тюремного надзирателя. С меня хватит!.. Ты не занимаешься спортом, ты не знаешь иностранных языков, у тебя всегда всклокоченные волосы, ты не умеешь элегантно одеваться…»

В продолжение целого часа лился поток упреков на голову несчастного Баттисты, который все еще надеялся, что это лишь мимолетное увлечение Марии. Однако каждую ночь она выпархивала из супружеской каюты, оставляя Титта наедине со своей ревностью.

Можно только посочувствовать этому шестидесятичетырехлетнему мужчине, наблюдавшему, как на его глазах молодая жена неумолимо ускользает от него. Как часто бывает в подобных случаях, все, что он ни делал, чтобы удержать Марию, оборачивалось против него. Ему было не по силам тягаться с наглым и дерзким соперником. Что бы там ни говорили об алчности Баттисты, о его способности добиваться самых

высоких гонораров для жены, заставляя ее работать на износ, как строго мы ни осуждали бы его действия и методы, надо признать, что без своего супруга Каллас никогда бы не достигла таких высот в творчестве. Он служил ей верой и правдой до последнего дня их совместной жизни. Впрочем, как только оперная дива рассталась с Баттистой, она тут же свернула с пути, по которому следовала до сих пор.

Когда Мария Каллас сошла на берег с борта яхты «Кристина», это уже была совсем другая женщина, которой руководила самая мощная из всех побудительных сил, не признававшая ни моральных, ни нравственных преград: она была влюблена. Со свойственной ей одержимостью Мария приняла решение во что бы то ни стало преодолеть все препятствия на пути к осуществлению своих заветных желаний.

Что до Онассиса, то он также увлекся не на шутку. Завоевание Каллас было высшей роскошью из всего, что мог позволить себе миллиардер. Он тоже решил начать жизнь с чистого листа, чтобы ничто не мешало ему эксплуатировать только что открытую им золотую жилу. Когда в голове Онассиса созревал какой-либо план, его не могли остановить никакие угрызения совести. И в этом случае он не стал скрывать правду от Тины. Впрочем, его супруга восприняла эту новость совершенно спокойно. Можно было подумать, что она тоже собирается изменить свою жизнь. Супруга миллиардера признавалась своим близким, что совместная жизнь с Аристотелем окончательно опостылела ей! За респектабельным фасадом Онассисы грызлись между собой, как базарные торговки, в те редкие дни, когда вынуждены были находиться под одной крышей. Как оказалось, Тина была совсем не прочь обрести свободу. Конечно, Аристотель намеревался до поры до времени скрывать свои намерения от вездесущих журналистов, только и стремившихся напасть на какую-либо сенсацию.

Что же касалось супругов Менегини, то они сразу же направились в свой дом в Сирмионе. После высадки на берег они почти не разговаривали друг с другом. Да и о чем они могли говорить после того, что произошло? Мария предавалась сладким мечтам: поскорее бы увидеться с Ари. В ее сердце не существовало больше ни прошлого, ни настоящего. Находившийся рядом с ней мужчина, бывший ее мужем на протяжении целых одиннадцати лет, казался ей чужим человеком. Ей было все равно, что станет с ее карьерой, которой было отдано столько сил. Еще вчера она была Тоской, Медеей, Нормой, сегодня же она хотела быть просто Марией… Только бы ее не преследовали эти проклятые репортеры! С каким

удовольствием она бросила бы вызов всему миру и открыла бы всем людям свой главный секрет: актриса уступила место женщине…

Можно только удивляться, как всего за каких-нибудь несколько дней с певицей произошла метаморфоза, перевернувшая полностью ее мировоззрение и заставившая пренебречь ценностями, в которые она свято верила всю свою жизнь. Все произошло настолько стремительно… Подобный поворот в жизни Марии можно объяснить только тем, что, повторяю, мы имеем дело с новичком в любовных делах. Аристотель вихрем ворвался в жизнь Марии и стал для нее настоящим открытием. Возможно, на поверхность вырвались чувства, давно дремавшие в глубине ее души. А может быть, все было проще: долгие годы она жила в отсутствие плотской любви и Ари впервые открыл ей радости земных наслаждений. И что же теперь? Что предпримут Мария и Аристотель, чтобы зачеркнуть прошлое и соединить свои судьбы? Когда носишь такие фамилии, как Каллас и Онассис, жить так, как хочется, — задача не из легких…

После возвращения в Сирмион над семейством Менегини сгустились грозовые тучи. Мария и Баттиста поочередно наведывались в Милан, словно опасались остаться наедине друг с другом. И все же в один прекрасный день супруги столкнулись лицом к лицу. Правда, которую они старательно избегали высказать вслух, вырвалась как пробка из бутылки шампанского. Мария наконец произнесла слова, разбившие последние надежды Баттисты… Бедняга получил удар ниже пояса. Ему показалось, что мир рушился вокруг него… И это был еще не конец его страданий. Как вы думаете, кого он увидел 15 августа на пороге своего дома? Онассиса собственной персоной! Грек пребывал в прекрасном расположении духа, сыпал шутками и хлопал Баттисту по плечу, словно лучшего друга, не отдавая себе отчет, как мерзко выглядело такое поведение со стороны…

Привыкший получать все, что он хотел, и тогда, когда ему хотелось, Онассис приехал обсудить с Менегини переход Марии из супружеской постели в его собственную! Он объявил об этом Баттисте в простой беседе, словно речь шла о заключении очередной деловой сделки! А почему бы и нет? Чего-чего, а самоуверенности Аристотелю было не занимать! Разве он не добился в жизни всего, что задумал? Естественно, он считал в порядке вещей свое желание получить в собственное распоряжение Каллас, как будто речь шла о приобретении нового нефтяного танкера. Да и Марию, похоже, нисколько не оскорбило его поведение. Напротив, она была на седьмом небе от счастья.

Ей казалось, что она начинает новую жизнь, а точнее, начинала просто жить… Только бы поскорее покончить с прошлым! Поскорее обговорить некоторые детали, уладить материальные вопросы и затем отправиться на все четыре стороны с любимым человеком!

Удрученный случившимся с ним несчастьем, Менегини не имел сил бороться с этим бурным потоком, чувствуя, что не в состоянии оказать сопротивление свирепому хищнику, вырывавшему из его рук сокровище. Он был только жалким пожилым человечком…

В самой драматической ситуации всегда имеется комическая сторона. Вот и эта троица героев трагедии стремилась только к одному: лишь бы ничего не узнали журналисты! Они хотели как можно дольше выглядеть в глазах общества белыми и пушистыми… И самое любопытное заключалось в том, что никто из фотографов, следовавших по пятам за Онассисом и ни на шаг не отходивших от Каллас, не подозревал о том, что происходило на самом деле. И жадная до пикантных подробностей толпа так и оставалась в полном неведении. Август приближался к концу, а мир не догадывался о греческой трагедии, разыгравшейся на берегах озера Гарда.

2 сентября Мария появилась в театре «Ла Скала», где должна была петь Джоконду, в таком прекрасном настроении, что Гирингелли не поверил собственным глазам. В недавнем прошлом заклятые враги обнялись, как лучшие друзья. Репетиция прошла в самой теплой и непринужденной обстановке.

На следующий день посреди ясного неба внезапно сверкнула молния! Какая неожиданная развязка! Какой скандал! Папарацци наконец-то взяли реванш. Один из них, зашедший случайно в изысканный миланский ресторан «Рандеву», увидел танцующих и нежно прижимающихся друг к другу Марию и Ари…

Не успел он добежать до телефона, как сенсационная новость облетела все редакции, чтобы на следующее утро появиться в заголовках всех выходивших на полуострове газет. Свора папарацци выследила, как оперная дива в обнимку с судовладельцем вошла в вестибюль гостиницы «Принсипе Савойя».

Несколько часов спустя дом на улице Буонарроти был уже на осадном положении. Мария, чтобы сбить с толку журналистов, прибегла к классической стратегии — она сделала официальное заявление, которое никого уже не могло обмануть: «Мой разрыв с мужем был уже давно предрешен. В настоящий момент он является окончательным. Круиз на «Кристине» оказался простым совпадением. Отныне моим импресарио буду я сама. С Онассисом

меня связывают давние дружеские отношения. К тому же он является моим деловым партнером. Я получила приглашение в оперный театр Монте-Карло, а также предложение сняться в фильме».

Фраза «отныне моим импресарио буду я сама» лучше, чем любые комментарии, говорила о семейном крахе Баттисты. Когда Мария Каллас произносила эти слова, она напоминала Людовика XIV с его знаменитым высказыванием: «Государство — это я!» Певица разорвала узы, связывавшие ее с менеджером в лице мужа!

Вторую главу войны официальных заявлений написал в Сирмионе сам Менегини: «Я надеюсь, что, оформив официально наш разрыв, мы останемся в добрых отношениях. Я не держу зла на Марию, которая честно сказала мне правду, но я не прощаю Онассиса, нарушившего священные у древних греков правила гостеприимства».

Если Баттиста, выворачивая наизнанку свое грязное белье, испытывал хоть какой-то стыд, то Онассис делал это с явным удовольствием. «Естественно, я польщен, что такая женщина, как Мария Каллас, влюбилась в меня! А кто не был бы польщен?» — заявил он.

Обратите внимание на выражение «я польщен»… Онассис невольно выдал нам главный мотив, побудивший его развернуть охоту на примадонну. В тот момент Мария не придала значения его словам, о чем пожалела впоследствии, но было уже слишком поздно.

Однако война громких заявлений по-прежнему не утихала. Не прошло и нескольких дней после того, как Менегини изображал из себя благородного рыцаря, как он уже, не стесняясь в выражениях, изливал свою горечь перед толпой журналистов, говоря о «предательстве женщины, обязанной ему своей славой и оставившей его ради какого-то авантюриста…».

В результате этих откровений между супругами Менегини вскоре были сожжены все мосты. В своих воспоминаниях Баттиста привел телефонный разговор с Марией, который свидетельствовал об окончательно испорченных отношениях: «Мне позвонила Мария, находившаяся в тот момент в Лондоне. Она была в ярости и осыпала меня оскорблениями. Я вышел из себя и ответил ей в том же духе. Она мне пригрозила: «Баттиста, смотри у меня, в один прекрасный день я приеду в Сирмион с револьвером и убью тебя!» Вне себя от негодования я ответил ей: «Приезжай, когда захочешь! Я встречу тебя с пулеметом наперевес»».

К счастью, в Италии подобного рода угрозы являются

составной частью обычного разговора, как в пьесах Паньоля всегда есть некто, чтобы сдерживать того, кто хочет «совершить зло».

Глава 13
«Vissi d'amore»

В жизни Марии закончился период, безусловно, самый важный с точки зрения ее восхищенных поклонников, поскольку с этого момента певица перестала принадлежать одной только сцене. Отныне все ее мысли и стремления были связаны с Онассисом. Она начала пренебрегать своими профессиональными обязанностями, ставшими вдруг ей в тягость, как концерт в Бильбао, заставивший ее на два дня расстаться с Ари, как выступление 23 сентября в Лондоне или же десять дней спустя телевизионная передача в том же городе. Певица воспринимала как неприятную обязанность и представление в Канзас-Сити, где в ее голосе уже звучала усталость. Она делала раздраженные заявления в прессе, прибыла в Бильбао за несколько минут до поднятия занавеса, аннулировала передачу в Лондоне и представление в Берлине. Все указывало на то, что все ее мысли и чувства были заняты чем-то другим, более важным для нее.

Вскоре последовала расплата за столь непредсказуемое поведение: 6 ноября в Далласе, куда она прибыла скрепя сердце, чтобы петь в «Лючии ди Ламмермур», певице не удался финальный ми бемоль в сцене безумия героини. Не успел опуститься занавес, как примадонна устроила истерику в полном соответствии со своим взрывным греческим темпераментом… Подобного случая не могли упустить американские журналисты. Янки тут же поспешили посвятить своих читателей в подробности личной жизни артистки, усмотрев в ней причину некоторых шероховатостей в ее исполнении: «Мисс Каллас не серьезно относится к своему ремеслу…» Мгновенно забылось все, чем она обогатила оперное искусство. Певица захотела быть счастливой? Какое непростительное преступление! Она захотела распоряжаться своей жизнью? Ей было отказано в этом праве.

И кто же развернул широкую кампанию по дискредитации Каллас? Конечно, Эльза Максвелл! Старая газетная сплетница сразу поняла, в какую сторону подул ветер. С удивительным для ее возраста проворством она вновь переметнулась в другой лагерь. В одночасье превратившись в ярую поборницу нравственности, она начала клеймить позором бросивших вызов обществу Марию и Ари и проливать крокодиловы слезы по поводу «бедняжки Тины, преданной и брошенной с таким цинизмом…».

«Бедняжка Тина» и в самом деле проявила поразительную оперативность. Не дав супругу до конца насладиться его новой

победой, она забрала детей и покинула их совместное жилище на авеню Фош, чтобы найти пристанище у своего отца, и тут же подала на развод. Было бы логично предположить, что Аристотель только того и ждал. Однако это было не так. Напротив, Онассис предпринял не одну попытку уговорить жену отказаться от своего решения, что должно было бы насторожить Марию. Однако певица была слишком счастлива, чтобы заметить какой бы то ни было подвох. Как известно, счастье всегда слепо. К тому же Аристотель по-прежнему уделял ей максимум внимания и удивлял широкими жестами. В промежутках между заключением новых миллиардных сделок он садился в самолет и летел, чтобы провести с ней безумную ночь. Шампанское лилось рекой, в то время как голос Марии слабел на глазах.

В сентябре, всего несколько дней спустя после окончательного расставания с Баттистой, она вновь совершила круиз на яхте «Кристина». В этот раз здесь не было ни знаменитых гостей, ни шумных стоянок в портах. Влюбленным хотелось побыть наедине, а не выставлять свои чувства напоказ. Ступив на палубу яхты, Мария перестала играть в примадонну. В похожих на балетную обувь белых туфлях без каблуков, в скромном платьице или же в купальнике, она каждой клеточкой своей кожи наслаждалась солнцем и доставшимся ей счастьем.

Куда же направлялась эта влюбленная парочка? Конечно, в Грецию, обетованную землю. На берегу их уже поджидало такое количество спешивших сделать сенсационные снимки газетных фоторепортеров, что греческое правительство направило туда отряд морской полиции, чтобы разогнать толпу. И это все, что оно могло сделать для миллиардера и самой великой певицы в мире.

Как уже говорилось выше, Мария с нескрываемой досадой прервала свои райские каникулы, чтобы выполнить обязательства по контрактам, подписанным еще от имени Менегини, словно тот предчувствовал, что хоть таким образом вырвет свою супругу из объятий возлюбленного.

Впрочем, старый и покинутый муж вновь напомнил о себе. 14 ноября судья Бресия, который должен был официально развести супругов Менегини, вызвал их к себе. Легко догадаться, что они не могли незаметно пройти в здание суда, плотно окруженное папарацци и сотнями зевак, устроивших Баттисте теплый прием, достойный звезды. Еще немного и бывший муж примадонны начал бы раскланиваться перед публикой! Вслед за ним прибыла и сама Каллас. Некоторые люди пришли сюда с единственной целью — освистать певицу. Накануне она выступила с заявлением, вызвавшим всеобщее неодобрение итальянцев,

неожиданно вставших на защиту попранной добродетели. «Я не ангел, — заявила Мария журналистам. — Я женщина и серьезная артистка. К тому же я точно не дьявол. Однако я имею право жить как любой другой человек».

Тем не менее при появлении Марии робкие попытки освистать ее тут же прекратились. Певица прошла сквозь молчаливую толпу и вошла в кабинет судьи, где задержалась более чем на шесть часов. В продолжение этого времени между супругами шел ожесточенный спор. В итоге судья вынес решение о разводе с разделом имущества по взаимной договоренности: Марии в собственность перешли дом на улице Буонарроти, а также все драгоценности, преподнесенные ей Баттистой. Ему же досталась вилла в Сирмионе, в то время как мебель, картины и ценные предметы интерьера были поровну разделены между супругами. В целом Мария и Баттиста разделили имущество на сумму в 600 миллионов франков (что в 1990 году составляло бы около 80 миллионов). Менегини, несмотря на удрученный вид, с которым он все это время появлялся на людях, нисколько не утратил чувства реальности.

Я пишу эти строки и держу перед собой газетную фотографию: Каллас и Менегини расходятся в разные стороны. Символическая картина, скупая и жесткая. Последний снимок, запечатлевший разбитую семейную лодку: все, что осталось от проведенных бок о бок одиннадцати лет.

Думала ли об этом Мария, когда летела в Америку, где ее ждал еще один контракт, заключенный все тем же Менегини? Скорее всего, нет. Она с головой окунулась в новое счастье, и ее единственным желанием было поскорее увидеться с Аристотелем. Она не могла признаться даже себе самой, что музыка и пение, то есть все, что до сих пор было смыслом ее существования, отодвигалось постепенно на второй план. В ее новой жизни не было места для былых ценностей. Она не хотела больше приносить себя в жертву искусству.

С этого ли момента началось то, что называется духовной смертью артистки — ее падение с музыкального Олимпа? Возможно ли, чтобы столь яркая звезда начала гаснуть, едва достигнув тридцатишестилетнего возраста? Конечно же зрители еще какое-то время наслаждались ее божественным голосом. Когда она появлялась на сцене оперного театра — а это случалось все реже и реже, — несравненная трагическая актриса по-прежнему приводила в трепет и восторг публику. Однако это были только отдельные вспышки молнии. Начиная с этого времени, тот, кто по-настоящему любил ее, всякий раз, когда слушал певицу, чувствовал подспудный страх: вдруг ее голос

предательски сорвется на какой-либо высокой ноте? Каждый поклонник ее таланта с тревогой наблюдал, как эта феноменальная певица, которая совсем недавно была способна с самым естественным видом демонстрировать невероятные чудеса виртуозного исполнения, отныне все чаще проявляла признаки давно копившейся физической и моральной усталости. Вот почему публика ломилась на каждое ее выступление вплоть до последней серии концертов в 1974 году. Ее боялись потерять. Зрителей мучили опасения, что перед их кумиром занавес опустится навсегда. Число поклонников певицы росло день ото дня. Шли годы, а восторги зрителей не утихали. Никогда Каллас не пользовалась таким успехом и любовью слушателей, как в то время, когда уже не могла удивлять их своими невероятными вокальными достижениями, так обогатившими оперное искусство.

И сама Мария мало-помалу начала испытывать страх и сомнения. Потеря веры в себя была для нее тяжелее утраты былых вокальных возможностей, что и привело к фатальной развязке. В итоге Мария потеряла саму себя. Как известно, певица всегда критически относилась к своему творчеству. Если в какой-то вечер ей удавалось выступить с особым блеском, она с недовольной гримасой произносила: «Вот в этом месте я могла бы сделать лучше…» Чувство неудовлетворенности не покидало ее исключительно потому, что она была уверена в том, что могла бы сделать лучше. Теперь же она знала, что лучше не получится. Такое пессимистическое настроение незаметно привело ее к отречению от призвания.

Таким образом, связь с Онассисом и новый образ жизни, который она начала вести, не были единственной причиной самоуничтожения артистки. Встреча с миллиардером стала для нее только отправной точкой, внешним толчком, чтобы опустить крылья и рухнуть вниз. В тот момент певицей владела неуемная жажда удовольствий. Мария всегда хотела иметь богатых друзей. Она давно мечтала о красивой жизни. Она изголодалась по веселью и роскоши так же, как в юности по макаронам, которые варила себе в отцовском доме в Бруклине. Она думала, что сможет насытиться и ничего при этом не потерять.

В то время у Марии разыгрался особого рода аппетит, о чем мы уже вскользь упоминали. Однако мы вновь вернулись к этому вопросу. Можно только удивляться, что такая роскошная женщина ждала до тридцати шести лет, чтобы испытать все земные наслаждения. Двадцать с лишним лет Мария с легкостью переносила тяготы «монашеского» образа жизни, на который себя сознательно обрекла ради карьеры. Этому можно поверить,

поскольку в объятиях Аристотеля она познала истинную радость бытия. В мои намерения не входит углубляться в подробности интимной жизни Марии Каллас. Я также не собираюсь открывать псевдосекреты, за которыми охотятся журналисты в вечной погоне за сенсациями. Как мы знаем, до встречи с Онассисом Мария придерживалась весьма консервативных взглядов на супружескую верность и семейный долг. Вспомним хотя бы, как она вела себя с Ингрид Бергман после того, как та ушла от Росселини. И вот она, ни секунды не раздумывая, бросила вызов обществу и легко отказалась от всего, чем жила на протяжении целых одиннадцати лет. Она оставила надежного, как скала, мужчину, которого, может быть, никогда не любила, но, безусловно, уважала, поскольку могла всегда рассчитывать на его поддержку…

Такой переворот в ее сознании осуществился всего за каких-то несколько недель. Она не дала себе времени на размышление, а бросилась в новую жизнь словно в омут. В том, что миллиардер до такой степени вскружил ей голову, повинно многое, но со счетов нельзя сбрасывать и сексуальное влечение. Как нам уже известно, Онассис часто признавался в том, что коллекционировал победы на любовном фронте с таким же энтузиазмом, как другие коллекционируют марки. Он нисколько не походил на платонического влюбленного. Ни для кого не было секретом, что он пребывал в постоянных поисках все новой и новой женской плоти. Однажды я видел его на завтраке в ресторане «У Максима». Он открыто обхаживал одну молодую особу и вручил ей свою визитную карточку. В то время он уже был женат на Жаклин Кеннеди и в какой-то степени возобновил отношения с Марией Каллас. Вполне разумно предположить, что оперная дива оценила по достоинству и особые «таланты» Аристотеля. Эта гипотеза имеет право на существование еще и потому, что в области физических удовольствий Мария была новичком.

Антонио Гирингелли придерживался такого же мнения, о чем сказал без стеснения: «Возможно, Каллас в последние годы совместной жизни с Менегини испытывала определенную сексуальную фрустрацию. Вернувшись к нормальной жизни, она не могла уже всю себя без остатка отдавать искусству».

После представления, данного 21 ноября в Далласе, где она с блеском исполнила партию Медеи, несмотря на некоторые погрешности в вокале, Мария закрыла свой театральный сезон. Впервые за все то время, когда певица находилась на пике славы, она отказывалась от какой бы то ни было профессиональной деятельности на протяжении восьми месяцев и нисколько об этом

не жалела. Мария приехала к Онассису в Монте-Карло, и любовники окунулись в водоворот веселых развлечений на Лазурном Берегу.

Здесь их настигла новая неприятность в виде заявления для прессы, сделанного Тиной Онассис. Она только что обратилась в суд штата Нью-Йорк с иском к мужу и теперь разыгрывала оскорбленную добродетель: «После того как мы расстались этим летом в Венеции, я надеялась, что Онассис достаточно любит своих детей и уважает наши семейные отношения, чтобы встретиться либо со мной, либо устроить встречу между нашими адвокатами для урегулирования возникнувших проблем. Однако ничего подобного не произошло. Я глубоко сожалею, что Онассис не оставил мне никакой другой альтернативы, как начать бракоразводный процесс с ним в Нью-Йорке. Со своей стороны я по-прежнему желаю всех благ Онассису и надеюсь, что по окончании всех этих формальностей он продолжит с таким же успехом вести тот же образ жизни, что и раньше, но в котором я не принимала никакого реального участия».

Тина почему-то не сочла нужным добавить, что ее «одиночество» скрашивал двадцативосьмилетний венесуэлец, обратим внимание, тоже миллиардер. Несмотря на то, что она была любимой дочерью очень богатого судовладельца, Тина не могла в одночасье отказаться от привычки встречаться с мужчинами, имеющими средства…

Как бы там ни было, но настроение Марии и Ари было сильно испорчено. Процедура развода по-американски предполагает самую широкую огласку. Оперная дива рисковала быть привлеченной в качестве главного свидетеля. Если она и получила развод по взаимному согласию с Менегини, то только потому, что категорически отрицала существование каких-либо других отношений с Онассисом, кроме искренней дружбы. И хотя никто не был настолько наивен, чтобы поверить в эту ложь, она была принята судьей за чистую монету. Действия Тины могли вернуть все на круги своя. К счастью, Онассис умел улаживать любые дела. Неизвестно, как ему это удалось в данном случае, но факт налицо: некоторое время спустя Тина отказалась от открытого процесса и согласилась на так называемый скорый развод, который начал широко практиковаться в отдельных американских штатах. К тому же был снят вопрос о привлечении Марии к бракоразводному процессу Онассисов. Тина вдруг заговорила о некой госпоже Ринеландер, которая лет пять назад якобы имела интрижку с ее мужем. По правде говоря, в списке любовных похождений Аристотеля было столько имен, что глаза разбегались…

Мария, со своей стороны, продолжала заявлять при всяком удобном случае, что она была для Менегини всегда образцовой супругой, а если и разошлась с ним, то только по профессиональным соображениям. По ее словам, бедный Баттиста не мог больше за ней «успевать».

«Мне бы не хотелось никого осуждать, но я могу сказать, что мой муж столкнулся с ситуацией постоянного расширения сферы деятельности. Он старался изо всех сил. Без всякого сомнения, он действовал добросовестно, но ему было трудно защищать в полной мере мои интересы как артистки, — утверждала она не моргнув глазом в одном из интервью. — Ему следовало бы поручить отстаивать мои интересы какому-либо импресарио или же сказать мне: «Решай сама свои проблемы». Вот одна из причин, почему мы расстались. Так не могло дальше продолжаться. Между тем мне было очень нелегко принять такое решение. Я смотрю на расторжение брака как на признание самой большой жизненной неудачи. Мой инстинкт подсказывает мне, что брак является контрактом без срока давности. Кроме того, воспоминание о семейном разладе между моими родителями укрепило мое стремление к стабильности. Я отказалась от моего брака только после того, как ситуация стала нетерпимой».

Это заявление никого не могло обмануть, тем более что в тот момент Мария практически жила на борту «Кристины», чаще всего в одиночестве. Онассис продолжал колесить по всему свету, и не только в погоне за деньгами, постоянно расширяя границы своей империи. Мария терпеливо ждала его возвращения, с радостью встречала и никогда не упрекала за долгое отсутствие, что удивительно при ее вспыльчивом нраве. Куда же делась гордая и самолюбивая Каллас? Куда пропала тигрица, готовая выпустить когти при малейшем посягательстве на ее привилегии? Подобную метаморфозу могла совершить только волшебная сила любви. Она научила женщину тому, что до сих пор было ей незнакомо: терпению, мягкости, уступчивости и даже покорности.

За девять лет, которые Мария посвятила Ари, она превратилась в совсем другую женщину. Конечно, время от времени Каллас проявляла свой прежний нрав, однако это были только отдельные мимолетные вспышки гнева, после чего она тут же безоговорочно сдавалась на милость победителя.

На первых порах, когда любовники еще праздновали свой медовый месяц, Марию словно подменили. Такой спокойной и тихой ее еще никто не видел. Дошло до того, что она помирилась с Гирингелли, нежно обнялась с Рудольфом Бингом и хорошо отозвалась на публике о Ренате Тебальди! Что тут сказать? Этот Онассис и в самом деле изменил оперную диву!

Однако все восемь долгих месяцев, когда певица не выходила на оперную сцену, до сих пор составлявшую смысл ее существования, ее мучила одна тщательно скрываемая от посторонних тайна: она чувствовала, что голос больше не подчиняется ей как прежде. Когда она садилась за пианино и принималась за гаммы, ее голос неожиданно срывался на самой высокой ноте и певице приходилось вновь восстанавливать дыхание. И это еще не все. При пении в горле возникала нестерпимая боль, заставлявшая тут же прерываться. Какое испытание для певицы, всегда виртуозно исполнявшей самые опасные голосовые трюки! Это не могло не отразиться на общем состоянии Марии: у нее установилось как никогда низкое артериальное давление и участились нарушения сердечно-сосудистой системы. Почему так случилось, что в самое счастливое время ее начали мучить неуверенность в себе и физическая боль? Но тревога охватывала певицу лишь в то время, когда она оставалась наедине с собой. Стоило только Ари появиться на горизонте, как ее душевное равновесие тут же восстанавливалось. В обществе любимого человека она вновь с головой окуналась в атмосферу праздника. Похоже, шумные ночные вечеринки и великосветские балы начинали ей все больше и больше нравиться. И это она называла «жить, наконец, так, как все», «быть женщиной, такой же, как все»?

Трудно без огорчения вспоминать о тех давних событиях, поскольку известно, какой безжалостный приговор вынесет судьба одной из самых выдающихся певиц.

Кто-то, возможно, скажет, что это было личным делом Марии. Если ей вдруг захотелось ради прекрасных глаз Онассиса пустить по ветру свою жизнь? Если она пожелала сменить корону королевы оперного искусства на картонный венец королевы вакханалий на Лазурном Берегу? Если ей пришлось по вкусу после того, как она была звездой «Ла Скала» и «Метрополитен-оперы», появляться на страницах глянцевых журналов в разделе светской хроники? Все так, если бы Мария не была публичным человеком. Ее персона бесконечно интересовала журналистов, следивших за каждым ее словом и жестом, чтобы удовлетворить любопытство жадных до скандалов читателей. Папарацци подкарауливали Марию у танцевальной площадки во время ее ночных походов по увеселительным заведениям, следили за ней по дороге к портному и даже когда она ужинала с принцессой Монако Грейс и принцем Ренье на балу, устроенном Красным Крестом… Напрасно Онассис время от времени разбивал аппаратуру фотографов. Напрасно Мария приходила в ярость, чтобы бросить им в лицо ругательства и оскорбления, они всегда

были рядом, ее безжалостные часовые в бесконечной гонке за сенсационными сплетнями и жареными фактами.

«— Разве газетные статьи вас по-прежнему волнуют? — спросил Каллас один из ее преследователей.

— Да, если они печатают откровенную ложь! — ответила она. — Почему они портят мне жизнь в то время, когда я прошу только об одном, чтобы меня оставили в покое? Почему они суют нос в частную жизнь Каллас и интересуются, куда она пошла, что делает, с кем встречается? Я знаю, что каждая звезда становится мишенью журналистов, однако в итоге весь этот шум и тарарам приводит к тому, что я теряю вкус к музыке».

Надо сказать, что никогда еще на звезду не было направлено столь великое число прожекторов. Не так часто случалось, чтобы о Каллас то и дело печатали статьи как в желтой прессе, так и в серьезных информационных изданиях. Очевидно, это было тяжким испытанием для Марии и все же… Все же я помню, как во время последнего разговора с певицей, перед тем как на ее хрупкие плечи свалилось тяжелое бремя одиночества, она, рассказывая о времени, когда ее преследовали средства массовой информации, невольно улыбнулась, что было похоже на ностальгию…

Во всяком случае, вся та шумиха, поднятая вокруг его бывшей жены, заставила Менегини выйти из оцепенения, в которое он погрузился после развода. И он тут же начал жалеть о том, что проявил слишком много благородства во время раздела общего имущества. Теперь ему захотелось получить более весомый кусок пирога. В перспективе это грозило Марии новыми расходами, тратой времени для встреч с адвокатами, новыми спорами…

Но что эти склоки по сравнению с любовной горячкой, в которой пребывала Мария! Желая покончить со своим итальянским прошлым, поскольку отныне по требованию Аристотеля она была целиком и полностью гречанкой, Мария продала квартиру в Милане и нашла пристанище в столице всех изгоев мира, будь то миллиардеры или нищие, — в Париже. Она купила квартиру на улице Фош, совсем близко от владений самого Онассиса. Однако для Марии эта квартира стала только временным жильем, поскольку она предпочитала такие места, как Монте-Карло и яхта «Кристина», разумеется, когда хозяин был на борту. Теперь звезда, называвшаяся Каллас, вращалась вокруг светила по имени Онассис. Она приспосабливалась к его образу жизни, всегда была готова встретить его с улыбкой, когда он прилетал на личном самолете. Как же ей привязать этого метеора к своей женской судьбе? Мария не могла не думать об этом: все женщины мечтают о замужестве. Впрочем, окружавшие ее люди

только и говорили что о их свадьбе. Мария и Онассис в принципе не опровергали эти слухи.

В 1960 году состоялся официальный развод Онассиса с Тиной. Что же касалось Марии, то в Италии разводы в то время были запрещены и считалось, что супруги жили раздельно. Однако она имела американское гражданство, что позволяло ей без проблем выйти замуж в Соединенных Штатах. Однако знаменитые любовники тянули со свадьбой, а Аристотель перед представителями прессы продолжал называть оперную диву своей «лучшей подругой».

Когда они оставались вдвоем или же были в компании самых близких друзей, судовладелец громко опротестовывал свое намерение жениться на возлюбленной, однако этот проект оставался в стадии священного обета. Аристотель пригласил Марию в путешествие по замкам, что было торжественным и слишком французским развлечением для этих двоих детей Средиземноморья. Однажды им показалось, что они нашли идеальное место для проживания будущих молодоженов. Во всяком случае, так уверял Ари. И, как казалось Марии, он был вполне искренним. Наконец-то свершилось! Они поженятся и бросят якорь в этом замечательном месте, свидетеле славного прошлого!

Ничего подобного не случилось. Они не купили замок и не поженились. Аристотель всегда находил тот или иной предлог, чтобы отодвинуть событие, которого с растущим день ото дня нетерпением ждала Мария. Причина такой отсрочки лежала на поверхности: его двое детей. С самого начала дети Онассиса прониклись жгучей ненавистью к Марии. Это чувство не изменилось даже тогда, когда они выросли и стали взрослыми людьми. Аристотель успокаивал ее: «Пусть пройдет время… Они вырастут, мои ужасные дети… Все утрясется…»

Мария была вынуждена довольствоваться этими туманными обещаниями, хотя открыто заявляла, что хотела бы родить ребенка, чтобы увенчать короной эту настоящую для женщины жизнь, которую, как ей казалось, она отныне вела. И это ее желание оказалось несбыточной мечтой. Ей ничего не оставалось, как вернуться к своей прежней жизни самой известной в мире примадонны, поскольку именно в этой роли она покорила Онассиса. Бывший маленький эмигрант из Смирны еще больше повысил свой престиж, что было чрезвычайно важно для него. Вопреки тому, что утверждали некоторые биографы певицы, Аристотель никогда не просил Марию отказаться от ее профессии, что было бы логично со стороны влюбленного мужчины, но весьма разочаровало бы человека, постоянно

озабоченного приумножением своей славы с помощью рекламы. По этому вопросу имеется ценное свидетельское показание, предоставленное Мишелем Глотцом в 1964 году, когда рассматривался вопрос об экранизации «Травиаты»: «Онассис придавал огромное значение карьере Марии Каллас. Он лично написал письмо Джеку Варнеру с согласия Караяна. Он встретился с ним благодаря мне на обеде, который я организовал. Мы вместе составили письмо с предложением снять фильм по «Травиате», в котором Висконти был бы режиссером, а Караян — дирижером. Караян был согласен, Висконти тоже. Онассис был также согласен оплатить съемки фильма. Я не знаю, что произошло потом. Фильм не состоялся по двум причинам. Одна из них мне неизвестна: а именно то, что произошло между Варнером и Онассисом, потому что в этот момент между Каллас и Онассисом наметился разрыв. Вторую же причину я хорошо знаю. Речь идет о неком недоразумении при выборе Марией дирижера для «Травиаты» между Караяном и Джулини. Джулини назначал даты, которые отвергала Каллас. В конце концов, ему это надоело, и он отказался от проекта. Караян проявил больше терпения… Но она все откладывала, откладывала, откладывала! Это было в ее характере — отложить решение всех вопросов на более поздний срок. Вот так ничего и не состоялось».

Мишель Глотц был прав. Тенденция никогда не говорить «да» и в то же время не говорить «нет» все чаще проявлялась у Марии, по мере того как она теряла уверенность в своих вокальных возможностях.

А пока, после перерыва в восемь месяцев, оперная дива вновь вернулась на сцену. Однако Марию уже обуревали сомнения, частично лишавшие ее исполнительских способностей. Теперь она была в какой-то степени певицей только наполовину. Однако если бы она по-настоящему захотела, если бы ей удалось преодолеть парализующий страх, если бы она отказалась от удовольствий, предоставляемых Онассисом, если бы ее не сжигал огонь любовной страсти, возможно, она вновь смогла бы достигнуть вершины… Впрочем, помечтали и будет.

Возвращение на оперную сцену началось с аннулирования концерта, который она должна была дать в Остенде. Причиной этого неприятного события стал острый ларингит, случившийся совсем некстати, поскольку еще больше пошатнул уверенность певицы в своих силах. Длительный отдых, похоже, не принес ожидавшихся результатов. Состояние ее голоса не улучшилось, и Каллас охватила паника. В августе ей предстояло петь в двух представлениях «Нормы» в античном театре в Эпидавре, где ее ждала вся Греция. Вся Греция и… Онассис, что для нее было

важнее всех эллинов вместе взятых. Для него же это выступление было удобным случаем похвалиться перед всем миром своим последним приобретением, устроить блестящую демонстрацию собственного величия. В тот вечер должна была петь не просто Каллас, а его Каллас! А уж какая музыка будет звучать, Беллини или другого композитора, ему было все равно. Главное для этого греческого выскочки заключалось в престижности места, где должно было состояться представление. Аристотелю казалось, что символически он переходит с Юпитером на «ты»…

Певице надо было во что бы то ни стало оправдать столь высокие амбиции. Мария знала, что отступать некуда. Она должна была петь, и она будет петь. Любовь творит чудеса, и Мария обрела второе дыхание. Однако все предыдущие месяцы она разбазаривала свои силы. Многие видели, как ночи напролет она танцевала с Ари в «Моана», самом шикарном ночном клубе в Монте-Карло.

Один журналист, с иронией наблюдавший за тем, как влюбленные выходили на танцевальную площадку, писал: «Мадемуазель Каллас и господин Онассис составляют вместе довольно симпатичную пару. Однако они не могут танцевать щека к щеке, поскольку мадемуазель Каллас ростом выше господина Онассиса. Ей приходится нагибаться и покусывать ему ухо, что, похоже, приводит господина Онассиса в неописуемый восторг».

Возможно, из-за этого нежного покусывания в прессе уже заговорили о грядущей свадьбе! Да и сама Мария была причастна к распространению этого слуха. В эйфории она принимала свои мечты за реальность и допустила несколько неосторожных высказываний перед друзьями, которые их тут же подхватили и разнесли по всему свету. Увы! Онассис с присущей ему резкостью положил конец этим слухам, заявив, что его брак с «мадемуазель Каллас является только чьей-то неудачной шуткой». И все же вопрос о свадьбе оставался открытым. Мария часто к нему возвращалась на протяжении всех проведенных с Аристотелем лет. И все эти годы он продолжал уклоняться от ответа, хотя порой и делал вид, что готов «отдать свою руку и сердце». Вот и посещение исторических замков, о чем мы рассказывали выше, входило в его тактику проволочек.

Итак, в августе 1960 года Мария отправилась на землю своих предков. Ее приезд под покровительством судовладельца-миллиардера воспринимался в Греции как событие государственной важности. По такому случаю оркестром должен был дирижировать престарелый маэстро Туллио Серафин. На древнюю землю эллинов вернулся и Георгиос Каллас, отец

Марии, чтобы присоединиться к восемнадцати тысячам зрителей, ожидавших с душевным трепетом и нетерпением выступление оперной дивы.

И все они остались ни с чем, поскольку представление не состоялось… Нет, на этот раз оно сорвалось вовсе не из-за Марии! Над Эпидавром пронеслась такая мощная гроза, что все зрители, промокнув до нитки, разбежались по домам… Но они собрались в том же количестве 24 августа, и их энтузиазм не имел границ. И даже если «Норма» 1960 года по исполнению не стоила предыдущих, оперная дива все еще вызывала неистовый восторг публики. Это был не просто успех, а коллективное помешательство! Восемнадцать тысяч зрителей встали в едином порыве со своих мест и приветствовали своего идола бурными аплодисментами.

Четыре дня спустя, несмотря на внезапный приступ лихорадки, Мария дала второе представление. И еще раз она потрясла всю Грецию. Певицу увенчали лавровым венком прямо на сцене. Несомненно, на этот раз она точно вошла в мифологию! И, как богиня, не принимавшая материального вознаграждения, она передала всю сумму своего гонорара — 10 тысяч долларов — в фонд поддержки актеров. Десять тысяч долларов! Какое счастье, что Менегини не видел этой расточительности, он бы позеленел от злости!

Что же до Онассиса, то он был полностью удовлетворен и нисколько этого не скрывал. Все возгласы «браво» он принимал на свой счет. Они стали лишним подтверждением того, что Каллас была его удачной сделкой. Впрочем, Онассису весьма пришелся по душе его неофициальный тесть Георгиос Каллас, и он с удовольствием опрокинул с ним не одну рюмку узо. Короче говоря, наши греческие любовники никогда еще не чувствовали столь тесной связи между собой, как на земле своих предков — главной свидетельнице великого прошлого их общей родины. Тем не менее это не помешало им вскоре вернуться к современным радостям в Монте-Карло, где они продолжили с успехом прожигать жизнь в ночных клубах.

Между тем овации, которыми певицу наградили в Эпидавре, в какой-то степени вернули ей утраченную веру в себя. У Марии возникло желание вновь погрузиться в мир музыки, приносившей ей истинное душевное наслаждение. При участии достопочтеннейшего Серафина она записала новую «Норму» в «Ла Скала», а 7 декабря — традиционная для прославленного театра дата — она начала сезон оперой «Полиевкт», по правде говоря, не самым лучшим произведением Доницетти, вдохновившимся в свое время «Полиевктом» Корнелия.

Ставить эту оперу должен был человек, который как никто другой мог подчеркнуть сильные стороны Каллас, — Лукино Висконти. Однако в это время итальянская цензура запретила его фильм «Рокко и его братья», и Висконти рассердился! Он отказался от предложения миланского театра «Ла Скала», несмотря на все его преклонение перед Марией…

Тем не менее постановка «Полиевкта» состоялась. Онассису лишний раз представился случай сыграть роль «лучшего друга». На премьеру он пригласил кое-кого из своих самых именитых знакомых: Ренье и Грейс из Монако, Бегина, нескольких судовладельцев и банкиров, что только прибавило страхов оперной диве. К счастью, при ее появлении на сцене публика устроила такую бурную овацию, что певица успокоилась: сердца зрителей по-прежнему принадлежали ей. По мере того как шло представление, к Марии вернулась былая уверенность в своих силах. В конце спектакля зал взорвался громом аплодисментов и восторженных возгласов. Отныне каждое появление певицы на сцене будет погружать зрителей в состояние, близкое к коллективному помешательству, что можно объяснить только ее магическим воздействием на публику. Как настоящая колдунья, она одним лишь присутствием на сцене завораживала слушателей. Каллас, которую зрители вызывали бесчисленное количество раз, на которую молились как на икону, уже утратила былую легкость и виртуозность. Единственная и неповторимая примадонна была уже героиней вчерашних дней. Харизматическая личность, идол. Как человек, на себе испытавший ее колдовские чары, могу сказать, что в этом не было ни высокомерия, ни снобизма. Мария Каллас была просто феей. А у каждой феи свои секреты…

После представления в «Ла Скала» состоялся традиционный изысканный ужин, где обязана была присутствовать Мария, взятая в заложницы великосветским обществом и теперь к нему присоединившаяся… Здесь же мелькнула и Эльза Максвелл! Неужели старая сплетница вновь переметнулась на другую сторону? Конечно же запах миллиардов Онассиса не давал ей покоя. Плевать на попранную нравственность и несчастного покинутого мужа, с именем которого она отправилась в крестовый поход против Каллас! Зарыв свой боевой топор под горой с названием «лицемерие», она решила повидаться с Марией, в душе которой горел костер любви, разведенный мужчиной, а вовсе не ею самой.

Газетная статья Максвелл, опубликованная на следующий день после того памятного ужина, напоминала рекламное описание демонстрации мод: «Это был спектакль «Тысячи и одной

ночи». Шитая золотом парча, муслин и шелк. Несмотря на духоту и жару, женщины до последнего момента не снимали свои меха: норку, шиншиллу и соболя. В этом году диадемы почти вышли из моды, их заменили украшения с изумрудами, сапфирами и бирюзой. В зале все шесть ярусов балконов украшали гирлянды из шестнадцати тысяч гвоздик, преподнесенных Бальменом».

И в том же духе до самого конца статьи… Можно ли было показать себя более поверхностной и столь недалекой? Стоит лишь вспомнить, что эта матрона на протяжении стольких лет поистине диктаторскими методами навязывала свое мнение американскому обществу, и тут же начинаешь недоумевать: как великий народ мог породить такое убогое явление?

После премьеры, когда ее опасения не оправдались, Мария от представления к представлению чувствовала себя все более уверенно. Критик Эндрю Портер писал в «The Musical Time»: «Никто мне не поверит, если я скажу, что из пяти представлений, которые она дала, Мария была на высоте только на одном. На утреннем спектакле 18 декабря, чтобы быть совсем уж точным. Она очаровывала, была обворожительной и полностью уверенной в себе».

Это замечание показывает, что недуг, которым страдала певица, имел и психологическое, и физическое происхождение. Общее состояние ее здоровья оставляло желать лучшего. К концу представлений «Полиевкта» у певицы упало давление, а боль в горле, когда она брала высокие ноты, становилась просто невыносимой. Она мечтала только об одном: поскорее уехать в Монте-Карло, куда Онассис заманивал ее райской жизнью, такой привлекательной, даже если она и была похожа на мираж…

И сама Мария строила иллюзии относительно своего профессионального будущего. Ей и в голову не приходила идея окончательного отказа от профессии, или же она старалась не думать об этом. И, чтобы отогнать от себя предательские мысли, Мария составляла списки опер, которые намеревалась петь, и театров, где собиралась выступать. С воодушевлением она строила воздушные замки. В итоге они рушились, как карточные домики… Ни один из ее мифических проектов на деле так и не осуществился. Она была похожа на проигравшегося в рулетку игрока, который в надежде отыграться удваивает и удваивает ставки до тех пор, пока у него не останется ни гроша за душой.

А пока «сладкая жизнь» шла своим чередом, хотя Онассис присоединялся к Марии значительно реже, чем в прошедшем году. Когда же он появлялся, она была не в силах отказаться от участия в шумных походах, которые он устраивал, чтобы лишний раз выставить напоказ свое богатство и власть. Время от времени

она начинала бунтовать, конечно, не против миллиардера. Ее возмущало постоянное преследование со стороны газетных фотографов и репортеров, стерегущих каждый их выход. Мария всегда была скорой на расправу, что испытал на себе один папарацци, поджидавший парочку у выхода из ночного клуба и получивший удар в нос. На одной из фотографий мы можем видеть, с какой яростью она набросилась на фотографа в деревне Эр-е-Луар.

Неизвестно, нравился ли подобный образ жизни Марии, но она любила Онассиса, и этим все сказано. Для него она открыла в себе задатки деловой женщины. Артистка и примадонна, интересовавшаяся только своими контрактами, знакомая лишь с выдуманными оперными сюжетами и театральными дворцами из бумаги и картона, она вдруг начала говорить о финансах, нефтеналивных судах, вооружении… Аристотелю нравилось, что ради него она расширила круг своих интересов. С блаженной улыбкой он хвалился друзьям: «Мария — единственная из всех известных мне женщин, с которой можно говорить о делах».

Услышать от него подобный комплимент было равносильно признанию в любви. Каждый по-своему романтик! Еще немного и, как истинные греки, оперная дива и судовладелец стали бы партнерами в покупке танкера! Чудеса, да и только. Вот ведь какие неожиданные формы может приобрести страстное влечение, возникшее между людьми.

Мария вновь не выходила на сцены оперных театров. После последнего представления «Полиевкта» певица на зиму обосновалась в Монте-Карло. Она объявилась в Париже только 28 марта 1961 года. В зале «Ваграм» она записала свой первый диск на французском языке при помощи своего друга Мишеля Глотца, артистического директора фирмы ЭМИ во Франции, а также при участии молодого и талантливого дирижера Жоржа Претра. Между маэстро и певицей завязались самые добрые и дружеские отношения. Отныне все, что было связано с карьерой Каллас во Франции, происходило с участием Жоржа Претра. Он стоял за дирижерским пультом, когда певица одаривала публику последними искрами своего гения. Музыкант, так же как и многие другие, испытал на себе колдовские чары певицы. Вот что на следующий день после кончины своей подруги он с волнением поведал нам:

«Со мной случилась странная вещь. Это было на концерте в Германии. Мария выступала с оркестром. Я дирижировал. Вдруг на самой середине концерта со мной что-то произошло: я слышал Марию, но не мог пошевельнуться. Оркестр перестал играть, и нам пришлось начать сначала из-за меня… Я больше не

дирижировал, я больше не знал, что нахожусь на дирижерском подиуме: я был где-то далеко-далеко, унесенный волшебным голосом…»

Певица записала оперные арии, не входившие до этого в ее репертуар. Тем не менее диск удался на славу. В особенности два отрывка из оперы «Кармен», хотя сама Мария утверждала, что ей не нравится это произведение. «Слишком задиристый и по-мужски твердый характер Кармен не соответствует моему», — сказала она, доказав тем самым, что человек не всегда знает самого себя…

Приезд оперной дивы в Париж не мог не вызвать привычного любопытства. Она не могла свободно передвигаться по городу, повсюду за ней следовал длинный шлейф наблюдателей. Газета «Journal du dimanche» не упустила ни малейшей подробности времяпрепровождения Каллас в Париже:

«10.45. Мария Каллас приводит себя в порядок и одевается.

12.30. Легкий завтрак. Мария всегда подкрепляется за три часа до своего выступления даже в случае, если она не голодна: жареное на гриле, почти сырое мясо с кровью, зеленые овощи, салат, фрукты и кофе.

От 15 до 18 часов сеанс звукозаписи. Она подъезжает к залу «Ваграм» на такси. Онассис никогда не сопровождает ее. Здесь Мария Каллас ведет себя, как ангел. Она замечает все свои ошибки, интересуется мнением своего артистического директора и дирижера оркестра Жоржа Претра. По окончании сеанса она прослушивает запись, а затем возвращается в свою гостиницу, где облачается в халат и лежит до обеда в постели.

19.30. В ее номер доставляют обед. То же меню, что и на завтрак.

20.30. Каллас болтает со своей горничной Бруной, читает газеты, слушает диски с танцевальной музыкой. Она обожает южноамериканские мелодии. Или же она часами говорит по телефону со своими друзьями и рассказывает им все, что происходит на экране телевизора.

23 часа. Она гасит свет и засыпает со спокойной совестью».

Столь праведный и здоровый образ жизни был возможен только в отсутствие Онассиса. Если бы тот был рядом, то водил бы ее по всем ночным увеселительным местам с целеустремленностью человека, опасавшегося остаться наедине с самим собой. Нетрудно понять, что такой образ жизни не проходил бесследно для того, кто его практиковал.

Порой среди множества новых знакомых, слетавшихся, словно бабочки, на огонь и круживших возле Марии, встречались настоящие и искренние друзья. Два представителя

этого редкого вида сыграли важную роль в жизни оперной дивы: Маджи Ван Зайлен и Панагис Верготис. С ними ее познакомил Онассис. Верготис был судовладельцем, но обладал душевной тонкостью, чего у Онассиса не было и в помине. Во время кризисов в отношениях между Ари и Марией — а кризисы происходили все чаще и чаще — Верготис старался свести к минимуму печальные последствия ссор и взаимных упреков. Похожая роль отводилась и Маджи, поддержавшей певицу в период тяжких испытаний. В высшем обществе истинная дружба встречается очень редко. В эту портретную галерею входил и Франсуа Валери, не оставивший певицу, когда наступили другие времена, а также Мишель Глотц, которому Мария искренне доверяла, что с ее стороны случалось нечасто. В число ее друзей входил музыковед и любитель оперного искусства Жак Буржуа. Даже многие годы спустя после смерти Марии он с искренней теплотой вспоминал о ней, хотя порой слишком строго судил ее: «Она отдавала себе отчет в том, что волею судьбы оказалась на вершине, не утратив при этом глубокого смирения, бывшего неотъемлемой чертой ее характера. В последние годы мы из гордости отдалились друг от друга, но я всегда думал о ней».

Жорж Претр, еще один из верных друзей Марии, дирижировал оркестром во время последних выступлений и записей певицы. Помимо преклонения перед артисткой, он восхищался Марией как женщиной.

«Когда она работала, ее нервы были на пределе, — вспоминал дирижер. — Перед представлением она не могла думать ни о чем другом. Ее начинала мучить бессонница. Ее одолевала одна и та же мысль: как превзойти саму себя? Стремление к совершенству было ее навязчивой идеей. Однако на отдыхе, когда она была в круизе с Онассисом, она забывала обо всем, что не было связано с радостью бытия».

В то время даже самый лучший в мире ангажемент не заставил бы Марию отказаться от путешествия на яхте «Кристина» в обществе любимого мужчины. Впрочем, предложения уже не сыпались как из рога изобилия, а когда они все-таки поступали, то она так долго тянула с ответом, что в большинстве случаев они оставались на стадии проектов. Парадокс заключался в том, что, когда певица Каллас начала уходить в сторону от площадки, где побивала свои рекорды, миф Каллас достиг своего зенита.

Глава 14
Перед тем как опустился занавес

«Аристотель никогда не женится на мне. Я больше не верю этому… Возможно, он сделал бы это, когда я ушла от Баттисты, но мне не хотелось ускорять события… Вопрос чести… Моя гордость всегда вредила мне и будет вредить еще…»

Вот какое откровенное признание Мария сделала своей подруге Маджи Ван Зайлен в 1962 году. И все же, что бы она ни говорила, Мария по-прежнему надеялась, что мужчина, ради которого она жертвовала своей карьерой, все же решится когда-нибудь на такой шаг.

Почему же Онассис не хотел жениться на Марии? На этот вопрос нет точного ответа. Можно лишь отметить, что оперная дива и судовладелец преследовали разные цели. Аристотель не упускал случая похвастаться тем, что ему принадлежит такая известная и прекрасная женщина, как Каллас. Эта победа казалась ему более важной, чем приобретение новых танкеров. Он горел одним желанием — чтобы певица оставалась единственной и неповторимой примадонной, королевой оперной сцены. Вся шумиха вокруг имени Каллас безмерно льстила его мужскому самолюбию. Что до Марии, то она встретила, как ей казалось, любовь с большой буквы и наконец-то познала радости секса. Певица была готова распрощаться навсегда со славой ради того, чтобы жить полноценной жизнью. В своей эйфории она дошла до того, что захотела родить от Аристотеля ребенка. По крайней мере, она об этом не раз открыто говорила. Однако не следует принимать желаемое за действительное. В действительности роль «матери семейства» не очень-то привлекала певицу, хотя порой она вполне искренне высказывала сожаление по поводу того, что не родила ребенка.

Итак, «великие и ужасные» любовники имели диаметрально противоположные взгляды на будущее своего союза. Не следует сбрасывать со счетов и другой немаловажный фактор: дети Онассиса ненавидели Марию. И их ненависть росла по мере того, как они взрослели. «Я не люблю эту женщину! — заявил своему отцу Александр Онассис, а затем мило добавил: — Ей нужны только твои деньги. Она — интриганка!»

Мария отвечала младшему поколению Онассисов тем же. «Они невозможные! Ты слишком мягок с ними!» — настойчиво повторяла она Аристотелю. Редкие встречи Марии с детьми Ари всегда заканчивались ссорой. Поскольку в этой главе мы

затрагиваем тему семейных отношений, то перенесемся на много лет вперед, чтобы обрубить крылья у одной большой газетной утки. В 1980 году в специализирующейся на сенсационных сообщениях газете под крупным заголовком вышла статья о тайной драме, разыгравшейся в жизни Каллас. В 1966 году певица якобы объявила Онассису во время пребывания на острове Скорпиос — роскошной собственности судовладельца, что она ждет от него ребенка. И будто бы Онассис настолько разгневался, что пригрозил Марии тотчас бросить ее, если она не прервет беременность, и певица с тяжелым сердцем подчинилась этому ультиматуму. Далее автор статьи уточнил, что ребенок, принесенный в жертву на алтарь любви, был мальчиком. Читателям была предложена настоящая греческая трагедия…

У меня два замечания по поводу этой статьи, написанной с целью удивить публику, которая и три года спустя после смерти дивы не утратила интерес ко всему, что касалось ее кумира. Во-первых, к тому времени Марии уже исполнилось сорок три года, а в этом возрасте беременность хоть и возможна, но не столь вероятна. Кроме того, Мария должна была находиться на позднем сроке беременности, чтобы возможно было определить пол ребенка. Возникает вопрос: почему же она так долго ждала, чтобы сообщить эту «радостную весть» Онассису, тем более что оперативное вмешательство в подобном случае представляло определенную опасность? Я провел собственное расследование — притом с большим трудом, поскольку с той поры прошло целых двадцать три года, — и пришел к выводу, что Мария, без сомнения, хотела только узнать, как Онассис отнесется к событию, которое могло бы произойти, но все же не произошло. Это была уловка влюбленной женщины, не совсем уверенной в ответных чувствах своего возлюбленного.

В течение 1961 года певица исполняла только партию Медеи, чувства которой она удивительным образом понимала. Участвовать лишь в одной опере, когда имя тебе Каллас… Отказываться от выступлений ее заставляли все чаще возникавшие проблемы с голосом, к тому же хронический синусит причинял ей физические страдания. Помимо всего прочего, Каллас постоянно пребывала в нерешительности, как витязь на распутье, не знавший, в какую сторону пойти… Продолжить профессиональную деятельность или же, напротив, оставить ее и вдоволь насладиться свободой? Эта неуверенность в завтрашнем дне мешала певице восстановить свой голос, благодаря которому она стала великой Каллас. Вот что она сама о себе говорила: «Репетировать, работать, петь, затем снова работать, репетировать, петь, и так без конца. Такова была моя

жизнь с пятнадцатилетнего возраста. Однако, помимо этого, в жизни имеется еще и что-то другое».

Можно сказать, что королева оперного искусства заявила об отречении от короны. Однако до самого конца она делала вид, что верила и заставляла верить других в то, что речь шла всего лишь о временном отречении. Кто из нас может с уверенностью сказать, что никогда в жизни не испытал желания разыграть окружающих?

Итак, Мария, исполнявшая роль Медеи, появилась вначале на театральной сцене в Эпидавре, где выступила 6 и 13 августа и сорвала шквал аплодисментов у двадцати тысяч зрителей. Греки приветствовали певицу от лица всей нации с еще большим энтузиазмом, чем в предыдущем году. Среди зрителей был, конечно, Георгиос Каллас, но также и Джекки, ее старшая сестра. Женщины обменялись поцелуями перед фотокамерами, но о примирении речь вовсе не шла. Мария нисколько не стремилась восстановить давно прерванную связь с семьей. Предпринятая какое-то время спустя попытка самоубийства Евангелии — понятно, неудавшаяся, — вызвала острую полемику в печати. И вновь многие американские газеты назвали Марию неблагодарной дочерью.

6 августа в Эпидавре отсутствовала одна заметная фигура — Аристотель Онассис, которому помешали дела. К счастью, Ари появился 13 августа и сразу же после представления увез Марию на своей яхте «Кристина».

Второй раз за этот театральный сезон Мария Каллас пела Медею 11 декабря в театре «Ла Скала». На сцене она выглядела сильно похудевшей. Ее мучило обострение синусита. Однако певица храбро вышла на встречу с теми, кто заранее злорадно потирал руки, надеясь на ее провал. На душе у Марии было неспокойно: Аристотель не приехал. Срочное дело где-то на другом конце света… Впрочем, оперная музыка всегда навевала на него тоску. Он посещал оперные спектакли, когда добивался расположения Каллас. Теперь, когда он уже отпраздновал победу, Ари мог себе позволить уклониться от этой скучной обязанности. По мере того как развивалось действие на сцене, Мария чувствовала, что ее голос слабел с каждой секундой, а она ничего не могла с этим поделать… Безнадежная борьба артистки с неотвратимостью судьбы перед беспощадной в своей жестокости публикой… Сперва зрители начали перешептываться, затем то здесь, то там раздался свист. И вот в такой обстановке Мария показала, на что она была способна как драматическая артистка, какой огонь горел в ее душе… В тот момент, когда по ходу действия она должна была дважды повторить слово «жестокий»,

подхваченное мощным аккордом оркестра, она совершила поступок, который могла позволить себе только одна Каллас: подойдя к самому краю сцены и устремив пылавший негодованием взгляд в сторону своих хулителей, Мария выдержала паузу после первого слова «жестокий», а затем повторила его с таким яростным возмущением, что даже самые откровенные недоброжелатели певицы мгновенно притихли и с пристыженным видом сидели молча до самого конца спектакля.

Несколько дней спустя после третьего представления оперы, во время ужина в Рождественскую ночь с Аристотелем в Монте-Карло, Мария старалась забыть все свои неприятности. И это ей удавалось, когда Ари был с ней. Однако он находился рядом с ней далеко не всегда. Более того, он все реже и реже виделся с Каллас. Можно сказать, что Аристотель начал удаляться от Марии, когда почувствовал, что она нуждается в его присутствии и поддержке. Роль утешителя была не для Онассиса. Он не спешил подставлять свое плечо в тяжелую минуту, даже если речь шла о женщине, которую он любил или же думал, что любит. Кроме того, не будем забывать, что известность Каллас имела для Онассиса такое же значение, как его банковский счет. Певица, чей пик славы был уже позади, не представляла для него былого интереса, даже если на нем лежала ответственность за ее отказ от карьеры.

Отдавала ли себе отчет Мария, что попала в ловушку? Безусловно, поскольку она не раз повторяла своим друзьям, в частности Маджи Ван Зайлен: «Что произойдет со мной, если я не буду петь? Чем я буду заниматься, чем интересоваться, если у меня не будет моей музыки?»

Подобных вопросов не задает женщина, уверенная в том, что ее любят. И все же стоило только Аристотелю появиться на горизонте, как она тут же бросалась в его объятия. Забыв о своей гордости, она безропотно исполняла все его желания. Однако не всегда. Между двумя греками все чаще разыгрывались бурные сцены с криками и взаимными упреками. Все-таки Каллас в глубине души оставалась самой собой! Тигрица по-прежнему выпускала когти. Но когда утихал гнев, она превращалась в ласковую кошечку с бархатными лапками…

Со своей стороны Менегини, одиноко тосковавший в своем прекрасном доме в Сирмионе, посчитал, что о нем слишком быстро забыли. Взяв на себя роль Кассандры, он начал выступать в прессе с пессимистическими прогнозами по поводу профессионального будущего своей бывшей супруги. Вскоре его стали одолевать соображения делового характера. Он начал жалеть о том, что проявил слишком большое великодушие, когда

согласился на развод по «обоюдному согласию». Теперь он решил сделать все, чтобы его официально признали брошенным мужем, что позволило бы ему считаться потерпевшей стороной и пересмотреть раздел имущества на более выгодных для него условиях. В подтверждение своих претензий он предъявил фотографии Марии, выходившей из ночного заведения в обществе Онассиса, а также сидевшей с ним за ужином в ресторане. Короче говоря, Менегини хотел во что бы то ни стало добиться того, чтобы его официально признали рогоносцем! Каллас ничего не оставалось, как сыграть комедию оскорбленной добродетели и поклясться честью, что Онассис был для нее всего-навсего лучшим другом!

Тине, бывшей супруге Онассиса, повезло больше. Едва успев развестись, она снова вышла замуж за английского лорда, причем ее дети нисколько не возражали… Однако ее пример не вдохновил Аристотеля поступить так же.

Итак, коротая время между двумя круизами, Мария продолжала свою оперную деятельность, которая сворачивалась на глазах. За весь 1962 год она выступила только в двух представлениях в театре «Ла Скала», 29 мая и 3 июня, как всегда, в «Медее».

Помимо этого она ограничилась записью дисков и концертами, что было не столь опасно для ее голосовых связок, а также выше оплачивалось. 27 февраля Мария пела в Лондоне отрывки из опер с оркестром под руководством дирижера Жоржа Претра. Увы! Впервые английская пресса выступила с суровой критикой. Вот что писали о ней в «Тайм»: «Многие звуки, воспроизводимые теперь Каллас, нельзя назвать красивыми. Они пронзительные, хриплые, неустойчивые и даже фальшивые. На оперной сцене или даже на диске ее драматическое исполнение и чрезвычайная музыкальность сглаживают эти недостатки: на концерте же подобные качества не имеют времени проявиться».

К счастью, английская публика не собиралась прислушиваться к мнению критиков и принимала певицу с прежней теплотой. Однако Мария была слишком проницательной и требовательной к самой себе, чтобы успокаивать себя этим ложным успехом. Позднее, все в том же Лондоне, она запретила выпуск нового диска, потому что посчитала запись не достойной себя. Как раз в это время Мария узнала новость о неудавшемся самоубийстве Евангелии, что послужило поводом для нелестных комментариев журналистов в ее адрес. Ее престарелый крестный отец, доктор Лонтцаунис, сообщал ей о состоянии здоровья матери. Мария высказала готовность оплатить расходы по лечению Евангелии «предпочтительно в Европе, потому что здесь

дешевле всего»… Ни при каких обстоятельствах певица не забывала заботиться о своем кошельке.

Между тем Каллас ждали с концертами во многих городах Германии, что совпало по времени с улучшением состояния ее голоса. Она прекрасно справилась с отрывками из оперы «Кармен». Какая жалость, что певице не нравилась героиня Визе! Затем она в последний раз вышла на сцену «Ла Скала». Выступление вскоре превратилось для Марии в путь на Голгофу. Певица мужественно карабкалась вверх по ступеням. Каждая высокая нота давалась ей с неимоверным трудом, каждый высокий аккорд оркестра отзывался резкой болью. И все же она дошла до конца, проявив героизм, присущий только настоящим мастерам. Проявляла ли певица когда-либо раньше подобный героизм, свидетельствовавший о ее беззаветной любви к оперному искусству?

В том же 1962 году Мария перенесла достаточно сложную хирургическую операцию и больше не выступала, за исключением короткой телевизионной передачи, состоявшейся в ноябре в Лондоне.

В 1963 году Каллас появилась на сцене только в мае и июне, и то лишь с концертами. О театральных представлениях не было и речи! Прозвонил ли колокол по певице исключительной судьбы? Пришел ли конец идолу? Нет. Следующий год вернул нам легендарную певицу. Возможно, это была не совсем та Каллас, которая получила мировую известность благодаря своему виртуозному исполнительскому мастерству. Похоже, певица утратила былую волшебную силу. Однако в любом случае это была артистка, обладавшая способностью магического воздействия на публику.

Возрождение звезды произошло в один из вечеров 1964 года на сцене парижского театра «Опера», а годом раньше в театре на Елисейских Полях публика принимала ее с исключительной теплотой.

Однако прежде чем предстать перед публикой, которая внушала ей определенные опасения, Мария строила грандиозные планы: «Трубадур» в Лондоне, «Травиата» в Париже, «Орфей» в Далласе, «Медея» в Нью-Йорке… Все эти проекты остались только благими намерениями. Марию по-прежнему мучила нерешительность. В одном случае она не могла определиться с дирижером оркестра, в другом — выбрать декорации или же режиссера-постановщика. Как только принималось какое-либо конкретное решение, Мария тут же выдвигала новые требования. В какой-то момент речь шла даже о фильме: полмесяца оперная дива с самым искренним видом заявляла, что с огромным

удовольствием примет участие в съемках. Затем ее планы неожиданно переменились. Столь странная особенность характера приводила к тому, что с Марией ни о чем нельзя было заранее договориться. Она постоянно оказывалась на распутье, раздумывая, какую дорогу выбрать. Неуверенность в себе и в окружавших ее людях подтачивала ее нервы и силы. В действительности же, если Каллас находила множество причин не выйти на сцену, то это происходило потому, что она боялась подписывать контракты из-за возникших проблем с голосом.

Вот что она писала в письме, адресованном ее подруге Джульетте Симионато в ноябре 1963 года: «Ты не можешь представить себе, с каким волнением я читала твое письмо. Видишь ли, моя дорогая, возможно, со стороны я похожа на холодного и расчетливого человека, но ты же знаешь меня лучше других. Тебе известна моя, возможно, глупая «простота». Чем больше людей смотрят на меня и наблюдают за мной, тем меньше я даю им повода сплетничать. Что же касается меня, то я отношусь к тебе с большой симпатией. Мы провели вместе столько часов еще задолго до того, как я стала вздорной и несчастной Каллас из-за ответственности, которую несу. Как бы мне хотелось еще петь и говорить с тобой, моей истинной подругой… Но мы находимся так далеко друг от друга… Я переехала в Париж, поскольку здесь у меня много работы, так же как и в Лондоне… Как бы я хотела немного походить на тебя в отношении к работе. У меня нет твоей силы воли, вопреки тому, что говорят обо мне. У меня никогда не было сил, чтобы работать, как ты. Возможно, что в сорок лет я стану более сильной духом. Что ты думаешь об этом? Есть ли у меня надежда? Синусит… Вспомни «Медею» с постоянным обращением в госпиталь! Это было таким тяжелым для меня испытанием, что я потеряла веру в себя… В психологическом плане я осталась уязвимой и незащищенной. Невозможно вести борьбу в таких условиях. Я заранее проиграю. Прошу тебя, никому об этом не говори. Мне нужна победа, и чтобы никто ничего не знал. Хочется быть такой же сильной, как десять лет назад. Я буду стараться, жизнь продолжается… Вспоминай меня, и если у тебя будет свободная минута, пиши мне, я люблю получать от тебя письма. Нежно тебя целую. Твоя Мария».

Этот крик отчаяния, обращенный к женщине, которую певица считала своей искренней и бескорыстной подругой, говорит о многом. В 1963 году Каллас искала моральную поддержку не среди своих новоиспеченных друзей из высшего общества. Без всякого сомнения, она уже поняла, что на них невозможно положиться. Певице больше не хотелось вращаться в тех кругах,

где она оказалась благодаря Онассису. Она узнала истинную цену отношений в этом фальшивом мире. Если же она все еще продолжала общаться с представителями светского общества, то только потому, чтобы следовать за Онассисом и нравиться ему. И чтобы сохранить его…

Можно ли держать в клетке такого мужчину, как Аристотель Онассис? Надо быть сумасшедшей, чтобы поверить в это. Или же потерять разум от любви, что и произошло с Каллас. Отсюда ее непредсказуемое поведение и необдуманные поступки. Отсюда и ее потакание капризам миллиардера. Ари не нравилось, что она носила большие очки в роговой оправе? Она тотчас примерила контактные линзы. Если от них у нее разболелись глаза и полились слезы, тем хуже для нее. Ари посчитал старомодной ее густые волосы? Она тотчас же бросилась к Александру и сделала у него короткую «молодежную» стрижку. Ари нашел, что наряды, заказанные у госпожи Бик, портили ее силуэт? И Мария начала носить маленькие платья простого покроя…

Собственная покорность доставляла ей нечто похожее на удовольствие: в ней она видела свою причастность к тому, что называлось женской долей. Между тем, время от времени, покорная рабыня вновь превращалась в воинственную амазонку и тигрицу Каллас. И тогда между Марией и Аристотелем вспыхивали громкие ссоры. Как это принято на их родине, они по-гречески бурно выясняли свои отношения, с легкостью обмениваясь восточными проклятиями вперемежку с западными ругательствами.

Жак Буржуа вспоминал об одном показательном эпизоде, случившемся на лестнице в доме на авеню Жоржа Мандель, где обосновалась Каллас после того, как переехала с улицы Фош. «Мария стояла на верхней ступеньке лестницы в то время, как Онассис находился внизу. Они так громко кричали, что привлекли внимание соседей, которые, похоже, не без удовольствия наблюдали за разыгрывавшимся на их глазах спектаклем. Сначала парочка скандалила между собой на греческом языке, затем перешла на английский, вставляя то и дело в свою речь французские бранные слова. Естественно, что в этом дуэте громче звучал голос Марии!»

У нас еще будет случай вернуться к бурным сценам, происходившим постоянно между оперной дивой и судовладельцем. Добавим только, что примирение носило столь же демонстративный характер, как и ссоры. К тому же, чтобы наладить отношения, они часто обращались за помощью к близким друзьям как посредникам. Чаще всего это была подруга певицы Маджи Ван Зайлен.

Если Мария нервничала, то отнюдь не без причины. Мало того что ее планы выйти замуж отодвинулись на неопределенный срок, так еще Аристотель вернулся к своим старым «добрым» привычкам. Ненасытный ловелас, он не упускал случая, чтобы в перерыве между заключением двух финансовых сделок удовлетворять свой волчий аппетит. Его любовные интрижки на несколько ночей и даже на несколько часов заставляли Марию испытывать муки ревности, ибо Онассис кичился своими мимолетными связями так же, как своим богатством. Аристотель, находившийся в постоянных поисках знаменитостей, чтобы тешить свое тщеславие, сблизился с князем и княгиней Радзивилл. Ли Радзивилл, урожденная Бувье, была сестрой Жаклин Кеннеди и, следовательно, приходилась свояченицей убитому в октябре 1963 года президенту Соединенных Штатов. Помимо знатной фамилии, которую носила, и престижных родственных связей, она обладала и другими достоинствами в глазах Аристотеля. Один раз не в счет, и миллиардер, учитывая обстоятельства, не трубил на всех углах о своей новой победе. Однако Мария подозревала его в измене и весьма расстраивалась по этому поводу.

Можно представить, в каком настроении оперная дива готовилась к новой встрече с публикой во время турне, начавшегося в Германии, затем продолжившегося в Копенгагене, с заездами в Лондон и Париж. Вот тогда-то ей и протянули руку помощи ее верные друзья Мишель Глотц и Жорж Претр. Артистический директор и музыкант старались поддержать в певице утраченную веру в себя и направить на верный путь.

Гастроли начались 17 мая в Берлине. Выйдя на сцену в роскошном платье с глубоким вырезом, Каллас тотчас покорила публику. С не меньшим энтузиазмом певицу встречали и в других городах Германии. В Лондоне зрители устроили Марии столь оглушительные овации, что заставили усомниться в легендарной холодной чопорности англичан. Затем оперная дива выступила перед парижанами 5 июня в театре на Елисейских Полях. В городе, где она начала новую жизнь, Мария хотела блеснуть своим мастерством. И это ей удалось, о чем свидетельствует заголовок статьи Оливье Мерлена «Каллас потерянная и вновь обретенная». Он писал: «Как всегда прекрасная и волнующая, Мария Каллас сохранила свою магическую ауру, сделавшую ее настоящим театральным чудом, появившимся только один раз за половину столетия, что вчера вечером она подтвердила перед аудиторией театра на Елисейских Полях… Она одарила всех милой улыбкой и вышла на край сцены, чтобы ее могли приветствовать зрители партера. А голос, что с ним?»

Что до вокальной стороны выступления певицы, то журналист весьма сдержанно высказался по поводу отдельных высоких нот и акцентировал внимание читателей на чарующем звучании полутонов и гармонии интерпретации. Не без восхищения он заключил: «Как после столь знаменательного вечера не поверить в прекрасное будущее? Свет рампы или золотая клетка праздной жизни? Вечная дилемма для артиста, когда он мечтает о счастье».

Вот в чем вопрос. В счастье, как таковом. Мария искала его с такой же одержимостью, какую проявляла в работе, когда стремилась подняться на вершину музыкального Олимпа. И чем больше усилий она тратила, чтобы удержать свое счастье, тем чаще оно ускользало от нее и тем больше теряло ее искусство. В том году она больше не выходила на сцену. После последнего концерта, состоявшегося 9 июня в Копенгагене, Мария поспешила в Монте-Карло с волнением и надеждой в сердце, как школьница, отправлявшаяся на каникулы по окончании занятий. На борту яхты «Кристина» певицу ждал Ари, встречавший ее с улыбкой коварного соблазнителя… «Кристина» направилась к берегам фараонов. Египет открылся восторженному взору певицы. Затем яхта поплыла по Красному морю и бросила якорь в Джидде, где у Онассиса была назначена встреча с королем Саудовской Аравии Фейсалом.

Все время, пока длился фотороман оперной дивы с Онассисом, ритм круизов на «Кристине» определял ритм ее выступлений, последних выступлений, которые были ей отпущены судьбой. Речь и в самом деле идет о фоторомане: любовники на каждом шагу попадали под свет прожекторов газетной хроники. По этим фотографиям можно восстановить весь ход событий… Вот, например, сладкая парочка на Балеарских островах вместе с князем Рейнером и Грейс из Монако. Они присутствуют на бое быков. Вот князь Рейнер спустился на арену, чтобы в качестве тореадора посмешить публику… Сидевшую в ложе Марию, похоже, это зрелище очень рассмешило. В тот момент, без всякого сомнения, она веселилась от души, но нравился ли ей такой кочевой образ жизни? Мы осмелимся усомниться в этом. Если судить по некоторым откровенным высказываниям Марии, то можно сделать вывод, что для нее было предпочтительнее жить не в плавучем дворце, а в обыкновенном доме, рядом с любимым человеком, а не с постоянно кочевавшим по всему свету искателем приключений. И все же единственный способ продолжать отношения с Ари — это следовать за ним. Что она и делала…

Бедная Мария! На протяжении стольких лет она вынуждена

была разрываться между необходимостью отвечать на зов искусства и страхом, что она не способна это делать… Переживая тяжелую внутреннюю драму, она скрывала ее, как только могла. Мария отвечала на вопросы журналистов во время интервью с безмятежной улыбкой, словно все было прекрасно в этом лучшем из миров. Мария нашла в Онассисе защитника от осаждавших ее тревожных мыслей. Всякий раз, когда он чувствовал, что она отдалялась от него, ему ничего не стоило вновь завоевать ее расположение. Аристотель как истинный житель Средиземноморья умел найти для женщины особенно красивые слова.

«Онассис необычайно обходителен с друзьями», — отзывался о судовладельце Жорж Претр, который также был частым гостем на борту яхты «Кристина».

В минуты затишья между участившимися ссорами Мария забывала о своих тревожных сомнениях. Она вновь ощущала радость бытия и простодушно радовалась жизни, что было свойственно ее натуре.

«Маленький ребенок… Она осталась ребенком, несмотря на мировую известность, — сказал о ней Жорж Претр. — Когда мы обедали в кругу семьи вместе с моей женой и детьми, Мария смеялась каждой шутке. Она заливалась таким веселым смехом, который было приятно слышать…»

В один прекрасный летний день 1963 года Мария поднялась на борт плавучего дворца в сопровождении Ари, оставив на берегу все тревоги и волнения, беспокоившие ее в последнее время. Зачем портить себе удовольствие? В числе приглашенных она обнаружила и Ли Радзивилл вместе с мужем. Присутствие последнего не было препятствием для осуществления планов Аристотеля. Конечно же Мария была в курсе отношений ее возлюбленного с княгиней. Певица встретила ее на борту яхты отнюдь не с распростертыми объятиями, поскольку могла себе это позволить как хозяйка дома.

Между тем путешествие шло своим чередом. Ари был оживленным как никогда. В его глазах по-прежнему светился веселый огонек. С Марией он вел себя как самый нежный и предупредительный любовник… Хитрый грек знал, с какой стороны подойти к тигрице, чтобы она спрятала свои когти. Если он купил этот остров Скорпиос, заявил он, то только потому, чтобы скрыть от завистливых глаз их любовь. К тому же Ли Радзивилл посреди круиза неожиданно сошла на берег, чтобы отправиться к своей родственнице. У Жаклин Кеннеди только что умер новорожденный ребенок, и она переживала тяжелейшую депрессию, как рассказала Марии и Онассису княгиня, когда

после краткосрочного пребывания в Вашингтоне присоединилась к ним в Афинах. И судовладелец тотчас же широким жестом восточного монарха предложил свою яхту в распоряжение супруги президента Соединенных Штатов. Нет, он нисколько не сомневался, что его предложение могут отклонить, как не сомневался в себе самом этот бывший мелкий служащий телефонной компании. Его уже не интересовали деньги. Водить дружбу с сильными мира сего, видеть, как они склоняли голову перед его миллиардами, — вот в чем отныне заключалось истинное наслаждение для него. Благодаря «Кристине» и той вызывавшей роскоши, которой он окружал своих гостей, благодаря подаркам, которыми он осыпал их, ему удалось завлечь в свои сети не одну мировую звезду. Почему бы не добавить к этому списку первую даму Соединенных Штатов?

Едва «Кристина» причалила к берегу в Монте-Карло, как Онассис направил свое приглашение в адрес соответствующих служб «Госпожи Президентши». Последняя, выдержав для приличия короткую паузу, приняла приглашение миллиардера, несмотря на сомнения, высказанные по этому поводу ее мужем и советниками Белого дома, не одобрившими не соответствующую протоколу поездку. Со своей стороны, Онассис пообещал, что на все время круиза корабль будет находиться в полном распоряжении Джекки (как называли Жаклин), а его самого она не увидит и не услышит. Великан умел прикинуться карликом, когда вынашивал наполеоновские планы.

Если президент Кеннеди не особенно радовался тому, что его супруга отправится в круиз на «Кристине», то он был в этом отнюдь не одинок. Едва было составлено приглашение, как Мария выступила ярой противницей подобной инициативы так, как она умела это делать: показала зубы и когти. Между любовниками вспыхнула ссора.

«— Ты — никто, ты просто выскочка! — воскликнула в запале певица.

— А ты — общественное бедствие! — парировал судовладелец».

Что же вызвало столь яростный гнев Марии? Подсказывало ли ей сердце, что над их хрупким союзом нависла угроза? Или же дар восточной колдуньи помог ей увидеть приближение «врага»? Мария не простила Ари эпизод с княгиней Радзивилл. Возможно, она предположила, что сестры сделаны из одного теста? Тем временем Онассис пытался всячески задобрить и успокоить оперную диву. Однако оскорбленная Мария настаивала на своем. Если Джекки примет участие в круизе, то она откажется от путешествия. Она поняла, что в качестве хозяйки дома она будет

использована Онассисом как прикрытие. Подобная роль была не из ее репертуара.

Когда уязвленное самолюбие заставило ее отказаться от поездки, Мария, по словам ее настоящих друзей, совершила непростительную ошибку. Второй раз за всю историю своих отношений с Онассисом. После развода последнего с женой Мария, опять же из гордости, не стала настаивать на свадьбе. И напрасно. Надо сразу брать быка за рога с таким мужчиной, как Аристотель, который часто действовал, что называется, сгоряча и под настроение. Мария и сама признала это на следующий день после свадьбы судовладельца с вдовой президента Соединенных Штатов Америки.

«Джекки оказалась более проницательной, чем я, — сказала певица. — Он бы и на мне женился, если бы я предложила ему заключить сделку».

И вот, освободив поле действий для возможной соперницы, Мария совершила новую ошибку. В то время и Мишель Глотц почувствовал опасность. Впоследствии он вспоминал: «Каждый день вместе с Маджи Ван Зайлен мы говорили ей одни и те же слова: «Мария, ты должна ехать! Тебе нельзя оставлять Аристотеля одного на «Кристине»!» Она с упрямством отвечала: «Никогда! Ни за что на свете я не стану составлять компанию этим двум интриганкам! Я вовсе не нужна Ари, чтобы соблазнить их. Мне известны все его ходы! Я знаю, как он обхаживал меня!» В приступе гнева она поделилась с нами некоторыми интимными подробностями из их совместной жизни и облила грязью Онассиса с головы до ног».

Итак, Аристотель отправился в круиз без Марии. Помимо знаменитой гостьи, он также прихватил с собой и ее сестру Ли Радзивилл.

Это путешествие было вознаграждением Радзивилл за ее услуги. Среди гостей была также другая княгиня, Ирина Голицына, поскольку Аристотелю было известно, как американцы восторгались старой европейской аристократией. Он пригласил также Франклина Рузвельта-младшего, заместителя государственного секретаря Соединенных Штатов Америки по финансовым вопросам, чье присутствие в какой-то степени придавало респектабельный вид поездке Жаклин Кеннеди, и еще кое-кого помельче за компанию.

На первых стоянках яхты «Кристина» Аристотель, как и обещал, не показывался на глаза высоким гостям. Однако когда яхта бросила якорь в Смирне, его родном городе, он не смог удержаться, чтобы не засвидетельствовать свое нижайшее почтение супруге президента Соединенных Штатов Америки. Что

и сделал со всем размахом сказочного восточного принца… Вот еще одно фото, которое не нуждается ни в каких комментариях: Ари и Джекки бок о бок на развалинах Эфеса. Снимок напоминает похожую фотографию, сделанную на том же месте несколькими годами ранее. Тогда в качестве гостьи была Мария… Джекки была очарована. Она попала под обаяние своего гида. Не в этот ли момент началась известная идиллия? Не были ли то первые шаги Джекки и Ари, сделанные в направлении свадебного марша? Если на все эти вопросы нельзя ответить с полной уверенностью, то все же такое предположение может иметь место, поскольку прекрасная американка вернулась в Вашингтон в отличном настроении и без каких бы то ни было внешних признаков депрессии.

Между тем Мария с удвоенной энергией взялась за работу. Исполнительская деятельность была для нее одним из способов взять реванш за унижение, которому она подверглась. Певице также хотелось продемонстрировать, что она оставалась Каллас навсегда, самой известной женщиной в мире. В самом деле, ее успех был бы самым надежным средством вернуть неверного любовника. Она правильно поступила, что и принесло свои плоды. Возвратившись из круиза, Ари сразу же поспешил на улицу Фош в дом 44, чтобы попросить прощения у Марии. Она не стала его ни в чем упрекать и простила. Мария по-прежнему была влюблена в Ари. И Маджи Ван Зайлен любезно согласилась на роль посредницы, чтобы состоялось примирение влюбленных. Они тотчас укатили в путешествие, чтобы отпраздновать свой новый медовый месяц. Тем не менее эти перипетии не помешали оперной диве готовиться к возвращению на сцену. Как всегда, если она чего-то хотела, то незамедлительно принималась за исполнение своих желаний. Если раньше ей требовался год, прежде чем она подпишет контракт, то теперь она отвела Дзеффирелли всего месяц для постановки «Тоски». Не то чтобы певице очень нравилась эта опера, но в роли Тоски она чувствовала себя неотразимой. Она не могла позволить себе рисковать, взяв какую-либо другую оперу.

В январе 1964 года Мария выступила на сцене театра «Ковент-Гарден» в произведении Пуччини. «Мария обожает создавать событие», — заявил Дзеффирелли. На этот раз это удалось ей, ибо неожиданно для всех она пела так, как в свои лучшие дни. Собрав волю в кулак, Мария забыла обо всех своих сомнениях и обидах. Она доказала, что ей нет равных в оперном мире.

Би-би-си сняла второй акт оперы. Много лет спустя мне довелось увидеть на экране, как Мария отдавала свое дыхание,

душу и сердце Флоре Тоске. Можно ли без волнения смотреть на эти кадры, в то время как певицы давно нет с нами? И какое чувство сопричастности они вызывают! По-прежнему действуют чары великой певицы. И нет уже небольшого экрана, оперы, комнаты! Мы рядом с Тоской, переживаем вместе с ней драму, которую она нам рассказывает голосом, от которого мурашки идут по коже. Мы становимся свидетелями патетической трагедии, разворачивающейся на наших глазах. И вот мы уже готовы схватить за руку Скарпья, чтобы он пожалел эту самоотверженную женщину. Речитативы, а именно они с наибольшим трудом воспринимаются зрителями, у Каллас превращаются в рассказы, исполняемые на одном дыхании, в трамплины, откуда разгоняется действие. Однажды я слышал, как Мария объясняла, почему ей не нравится «Тоска». Для нее это была несерьезная роль… Возможно, но когда она хваталась за нож, чтобы убить тирана, она вкладывала в свой жест столько отчаяния, мужества и самоотверженности женщины, которая любит так сильно, что идет на преступление…

Вспоминая о лондонских представлениях, справедливо уточнить, что Каллас делила свой успех с Тито Гобби. Он исполнил свою партию с таким же блеском, как и она. Однако, как воспитанный человек, он заявил, что своим успехом спектакль обязан его партнерше.

В тот вечер и в последующие шесть представлений оперы «Тоска» в театре «Ковент-Гарден» восторг публики был беспределен. Зрители радовались возвращению «их» Каллас. Когда занавес опустился в последний раз, шквал аплодисментов не утихал целых двадцать минут. Марии пришлось стоять на сцене до тех пор, пока не утихло финальное «браво».

Лондонский триумф был только прелюдией к тем аплодисментам, которыми ее наградила публика в парижском театре «Опера», когда 22 мая Мария вышла на его сцену в «Норме». Я уже рассказывал об одном неординарном событии, произошедшем на четвертом представлении произведения Беллини. Мария совершила в тот вечер поступок, который не мог бы себе позволить ни один артист: она остановила оркестр и взяла «до» верхней октавы, не покорившееся ей с первой попытки. Я также упоминал о царившей в зале приподнятой атмосфере, созданной одним только присутствием оперной дивы на сцене дворца Гарнье. И все восемь представлений оперы прошли с огромным успехом. Поистине Мария устроила праздник для всех парижских любителей оперы. И так ли важно, что на каждом спектакле она показывала разный уровень исполнения? Как и в Лондоне, публика без конца вызывала ее на поклон после

последнего акта. Как и в Лондоне, сотни фанатов ожидали ее у выхода из театра.

Мария, окрыленная восторженным приемом публики, обрела новые силы, чтобы на последнем представлении 24 июня выступить во всем блеске своего исполнительского таланта. Она успешно справилась со всеми ловушками, имеющимися в партитуре. Когда Дзеффирелли, ставивший этот поистине грандиозный спектакль, посоветовал певице обойти некоторые подводные камни, она с гордым видом ответила: «Никогда я не пойду на хитрость! Если моя карьера закончится провалом, тем хуже для меня!» Вместо провала в парижском театре «Опера» ее ждали успех и боготворившая ее публика. Некоторые критики, предполагавшие, что в зале будет более спокойная атмосфера, выражали недовольство столь бурной демонстрацией зрительской любви к певице. Вот и Антуан Голеа высказал свое мнение, которое мы не разделяем, но обязаны к нему прислушаться. «Бесспорно, она — великая трагедийная актриса, — писал он, — талант которой оказывает такое же воздействие на публику, как ее бесподобный голос со всеми свойственными ему неровностями и шероховатостями, со всеми некрасиво звучащими нотами. Колдовское воздействие Каллас на публику является одним из самых удивительных современных примеров коллективного гипноза. Я готов признаться, что и сам каждый раз попадаю под ее чары. Всегда ли? Нет. Если быть честным до конца, то я прихожу в себя тотчас, когда Каллас превосходит нормальную тесситуру меццо-сопрано и пытается убедить пришедшую аплодировать и готовую верить всему публику в том, что ее голос — это лирическое и даже драматическое сопрано».

Без всякого сомнения, Антуан Голеа был прав, и оперная дива не могла больше идти на риск так же легко, как она это делала раньше. Однако мы не могли отказать себе в удовольствии и ходили на ее спектакли, даже если становились, как писал критик, объектами коллективного гипноза. Никогда еще гипноз не был таким сладким и приятным. Каждый зритель мечтал только о том, чтобы сказка не кончалась и за пределами дворца Гарнье.

И поскольку речь зашла о мистическом воздействии, которое оперная дива оказывала на публику, вспомним одну малоизвестную историю. У Каллас обнаружился еще один «фанат». Это была женщина, которая также поднимала бурю на своем пути: Сесиль Сорель. Вечная Селимена обладала странным сходством с оперной дивой как в жизни, так и на сцене, где использовала те же приемы пластики и жеста. Мария Каллас была для Сорель в какой-то мере ее оперным продолжением. Когда она

узнала, что Мария вернулась на сцену, то не сдержалась и написала одному из своих друзей: «Мой дорогой, мне нужен такой же плащ, как у папы, чтобы пойти в «Оперу». Он останется у тебя на память о святой Сесили».

Сорель получила свой папский плащ. Однако его ореол не смог уберечь «святую Сесиль» от насморка. И она была вынуждена остаться дома, сообщив об этом оперной диве в послании, написанном с той же «простотой»: «Я так радовалась, что пойду аплодировать самой знаменитой артистке века, но у меня температура и я не могу отправиться в «Оперу». Это самое суровое наказание, которое послал мне Всевышний».

После парижского триумфа Мария снова много месяцев не выходила на сцену, однако не прекратила свою профессиональную деятельность. Под руководством своего лучшего друга и соратника Жоржа Претра певица записала на диск оперу «Кармен». Столь яркое, темпераментное, наполненное светом исполнение заставляет лишний раз сожалеть о том, что певица так и не захотела выступить в роли Кармен на сцене.

После этого — да здравствуют каникулы! Остановившись перед отъездом в очередной круиз на «Кристине» в гостинице «Эрмитаж» в Монте-Карло, Мария подверглась атаке со стороны бывшего мужа. На этот раз Менегини решил проявить настойчивость. Богатство Марии не давало ему спокойно спать. Он посчитал, что она оставалась у него в долгу и потому обязана поделиться. Бывший муж претендовал на половину ее состояния, что привело Марию в ярость. В один прекрасный день Баттиста получит свою долю пирога, но для этого ему надо будет дождаться ее смерти.

В оставшиеся до конца года месяцы певица решила жить по новым правилам. Понимая, что отныне она должна беречь голос, Мария вновь остановила свой выбор на «Тоске» Пуччини для выступления на парижской сцене.

Если оценивать все девять представлений «Тоски» в парижском театре «Опера» в период между 19 февраля и 13 марта 1965 года, прошедших с большим успехом, ввиду чего был дан дополнительный спектакль, не предусмотренный контрактом, — то следует рассматривать вокал певицы отдельно от ее актерской игры. Конечно, нельзя было не заметить, что голос дивы едва был слышен при высоких аккордах оркестра. Однако ее игра, драматическая сила и мощь исполнения, высокая техника воспроизведения звука покорили публику. Каллас подарила нам девять сказочных спектаклей. Как можно сохранить объективность, когда перед тобой такая потрясающая, страдающая, великолепная женщина? Без сомнения, во дворце

Гарнье я был отнюдь не единственным зрителем из тех, кто кричал ей «браво» до тех пор, пока не сорвал голос.

Я хорошо понимаю Жака Буржуа, забывшего о том, что он музыковед, и с восторгом писавшего: «Если в прошлом году в «Норме» состоялось истинное возрождение Каллас, то теперь она полностью восстановила свои вокальные возможности. Ее голос обрел прежнюю чистоту тембра и однородность регистра. Самые свирепые недруги великой артистки, как ни старались, так и не нашли к чему придраться во время генеральной репетиции «Тоски»».

Да, Мария Каллас заработала… и не только одобрение публики. Она потребовала за каждое выступление по 25 тысяч франков (новых). Конечно, она не нуждалась в деньгах, но она знала цену своей популярности. Уроки, преподанные Менегини, не прошли для нее даром.

13 марта в театре «Опера» опустился занавес после последнего выступления Каллас в опере «Тоска» на парижской сцене. А уже 19 марта он поднялся перед ее предпоследним выступлением в «Тоске» в Нью-Йорке. Всего шесть дней между двумя спектаклями! Можно было бы уже говорить о том, что оперная дива вновь задала себе бешеный темп выступлений, как в прежние добрые времена, можно было бы надеяться, что она совершит новый стремительный подъем к вершине… Но мы знаем конец этой истории и то, что она пела на сцене «Метрополитен-оперы» в последний раз. И потому нас охватывает глубокая печаль… Нам хотелось бы вернуть время назад… Сказать судьбе, как несчастная дю Барри на эшафоте: «Господин палач, еще одно мгновенье…» Увы! Нож гильотины вскоре упадет и прервет жизнь этой исключительной личности. Метеор упадет и погаснет в океане теней…

Прием, оказанный оперной диве в городе, где она родилась, превзошел все ожидания. Рудольф Бинг, с которым певица враждовала долгие годы, был первым среди тех, кто встретил ее с распростертыми объятиями. И если директор театра, несмотря ни на что, допускал несколько язвительных замечаний, то его комментарии вполне соответствовали истинному положению вещей. «Мария пела не очень хорошо, но это не имело никакого значения. Такой «Тоски» еще никогда не было», — сказал он.

Бинг был прав. Подобной Тоски никогда не было, да, пожалуй, никогда больше и не будет. Критик из «Нью-Йорк таймс» придерживался такого же мнения: «Перед нами женщина, которую можно любить или не любить, но она — самая выдающаяся личность среди современных оперных певцов… Ее величие состоит в удивительной способности выразить малейший

нюанс характера героини, которую она играет. Независимо от того, восхищаются или нет ее пением, но все должны согласиться с тем, что она заслужила право стоять во весь рост на вершине пьедестала».

Мария Каллас недолго почивала на лаврах. Вот она снова в Париже, где собирается выступить в другой своей лучшей за всю карьеру роли, в «Норме».

Незадолго до этого представления, 2 мая, она впервые пела на французском телевидении, что для последнего стало главным событием дня. Это произошло в передаче Бернара Гавоти, и лучшего выбора она сделать не могла. Этот известный журналист занес в свой блокнот некоторые впечатления, напоминающие серию моментальных фотографий: «В тот день, когда мы записывали передачу, я получил, клянусь вам, много удовольствия. Накануне вечером, тревога: «Я плохо себя чувствую. Мне кажется, что было бы лучше перенести съемки на другой день». Легко сказать! На языке звезды перенести означало аннулировать. Нет, любезная подруга, вы не заболели, а просто немного устали… Мишель Глотц, самый лучший из всех импресарио, так рассмешил Марию, что она, забыв о своем решении, заговорила сразу о парикмахере, платье и макияже, а это уже был добрый знак».

Когда закончилась запись, по словам Гавоти, все, и в первую очередь он сам, бросились к примадонне с поздравлениями. Она выслушала их хвалебные слова со скептической улыбкой, сказав: «Нет, ничего неслыханного вовсе не было: так, середнячок… Вот верное слово! Я-то знаю себя, и мне известно, что вы преувеличиваете, чтобы я потеряла голову… Будьте спокойны, я не потеряю ее!»

Недавно я пересмотрел эту передачу. Когда Мария появилась на экране, я испытал то же чувство, что и четверть века назад. Мое состояние лучше всего выразят строки из записей Бернара Гавоти: «…В заключение она исполнила виртуозно и проникновенно короткую арию Лоретты из «Джанни Скикки». С продуманным лукавством она запела, чтобы показать всю мощь своего голоса, все его тончайшие переливающиеся оттенки. Это было великое сопрано во всей его берущей за душу полноте звучания…»

В тот памятный день Мария Каллас покорила сердца всех, кто находился по другую сторону телевизионного экрана…

После того как она спела, Мария оказалась под перекрестным огнем вопросов журналистов, что позволило ей открыть широкой публике некоторые черты своего характера: «Я — женщина со всеми присущими мне сомнениями и слабостями. Я знаю, чего

хочу, но порой не понимаю, что надо для этого делать. Вот почему меня всегда не удовлетворяет то, что я делаю. Часто повторяют, что у меня плохой характер. В действительности, как возвышенная натура, я часто стремлюсь к тому, чего в реальности не существует. Тепло человеческих отношений я считаю главным в жизни. Моя известность мешает мне жить, поскольку то, что пишут и говорят обо мне, не имеет ничего общего со мной. Я «должна» думать, что счастлива, но это вовсе не означает, что так и есть в действительности. В реальной жизни самое глубокое удовлетворение я получаю от моего ремесла. На сцене я способна дать себе трезвую оценку, на сцене же я испытываю самую большую радость…»

Всего через несколько дней, 14 мая, Мария Каллас впала в транс. Выйти к публике стало для нее тяжелым моральным и физическим испытанием. А сколько страданий доставляла ей жуткая неуверенность в себе! Она охватывала все ее существо перед самым выходом на сцену, в то время как на протяжении многих лет этот путь был усыпан для нее розами… Не создается ли впечатление, что мы присутствуем на представлении оперы, которая с предпоследнего акта начинает развиваться как трагедия? Впрочем, вся жизнь Каллас была оперой и конец ее был таким же трагическим и великим.

14 мая Мария очень рано пришла в гримерную во дворце Гарнье. Ей сделали укол корамина. На этот раз певица плохо себя почувствовала вовсе не из-за страха перед выходом на сцену. «У нее резко понизилось давление», — сказал мне Жорж Претр. И добавил: «Надо иметь сверхчеловеческое мужество, чтобы выйти сегодня вечером на сцену».

И Мария нашла в себе мужество, чтобы выйти на сцену. Она пела, и эффект ее присутствия еще раз оказал на зрителей гипнотизирующее воздействие. Публика пришла вовсе не для того, чтобы следить за вокальной техникой исполнения, а из самых гуманных побуждений — поклониться своему идолу. И все последующие спектакли держались на невероятном мужестве женщины, бросившей последние силы на борьбу с судьбой. На каждом представлении публика гадала, продержится ли Мария до финального аккорда. 17 мая ей сделали новый укол корамина. В последнем антракте у певицы не было сил, чтобы переодеться в другое платье. И все же она выстояла до конца. И 24 мая тоже.

Зрители затаив дыхание следили за этой неравной борьбой. Они опасались, что певица вот-вот потеряет сознание. И это фатальное событие произошло 29 мая на последнем представлении. Как Мария смогла дотянуть до конца третьего акта, когда, измученная болезнью, она выходила на сцену,

похожая на тень?.. Не успел опуститься занавес, как певица упала без чувств. Ее отнесли в гримерную. Еще одна фотография, свидетельствующая о ее страданиях: над Марией склонилась женщина в белом халате со шприцем в руке. С растерянным видом оперная дива поднесла руку к глазам и прошептала: «Весь третий акт я с ужасом чувствовала, что вместо меня поет какая-то другая женщина…»

Четвертый акт оперы не состоялся. Представление было прервано. Зрители встретили это сообщение в полной тишине. И даже те из них, кто пришел именно за тем, чтобы увидеть падение идола, не осмелились поднять шум. Остальные же зрители, а их было несравнимо больше, — просто очень расстроились…

Однако, несмотря на столь драматическую развязку, Мария не утратила свою волшебную ауру, продолжая распространять свои колдовские чары на публику. И свидетельство тому колонки Бернара Гавоти в «Фигаро», посвященные премьере.

«Мария Каллас ничего не делает для того, чтобы доминировать в спектакле, — писал он. — Она появляется, и вдруг все становится на свои места. Как? Почему? Я не знаю, что сказать. Я могу только смутно догадываться, что подобное можно объяснить чудом. Более того, я не стану разделять, кто в Марии Каллас преобладает — оперная певица или драматическая актриса. Вот именно это не поддающееся анализу искусство и завораживает публику. Надо отметить, что за последний год публика сильно изменилась. Снобизм расплавился и осел на дне. Осталась только анонимная и горячая, чувствительная и, при необходимости, восторженная публика».

И эту любовь, брошенную, как последний букет цветов к ногам богини, верная ей публика пронесет сквозь годы и после смерти артистки… Париж видел в тот вечер в последний раз на сцене оперного театра эту несравненную певицу. Ее неповторимость подтвердил даже внезапно прерванный спектакль. Мария отдала зрителям последние силы, как бы говоря публике последнее «прощай».

Как и раньше после каждого испытания, Мария нашла убежище на «Кристине»; так умирающий от жажды в пустыне припадает к живительному источнику. Меньше чем через месяц ей предстояло отрабатывать новый контракт: четыре представления «Тоски» в «Ковент-Гардене» в Лондоне. Однако если рядом с Ари она слегка воспрянула духом, то мнение врачей, осмотревших ее накануне отъезда в Англию, было единодушным: она не в состоянии петь в опере от начала и до конца.

Мария тотчас предупредила дирекцию «Ковент-Гардена».

Катастрофа: билеты на все четыре спектакля уже распроданы. Обмен телеграммами, уговоры, словно она отказывалась петь из-за простого каприза. Лондонская пресса именно так и считала, не желая вникнуть в суть дела. В конце концов Мария выдвинула предложение: она будет петь, но только один раз — на благотворительном вечере, проходившем под патронажем королевы Англии.

И 5 июля 1965 года Мария Каллас навсегда исчезнет с оперной сцены… и войдет в легенду.

Глава 15
Последний акт

Постепенно Мария Каллас отходила от своей профессиональной деятельности. Когда певица отказывалась от выступлений в Лондоне, она еще надеялась, что речь идет о простом переутомлении. Ей надо было только немного отдохнуть и заняться собой, и все должно было встать на свои места. И все же в глубине души Мария предчувствовала, что находится у последней черты. Горевший в душе певицы огонь, побуждавший покорять творческие вершины, увы, угасал. Однако Мария отказывалась смотреть правде в глаза и потому с удвоенной активностью строила планы на будущее, вела переговоры о новых проектах и ангажементах. Она во всеуслышание заявляла, что готовит свое возвращение и собирается петь в «Медее» на парижской сцене «Опера», а затем на этой же сцене выступить в «Травиате», поставленной исключительно для нее Висконти… Певица собиралась также сниматься в кино. Дзеффирелли уже давно хотел экранизировать «Тоску». Мария ухватилась за этот уникальный в своем роде проект. Только всякий раз, когда дело доходило до принятия окончательного решения и надо было подписывать контракт, певица находила причину, чтобы не делать этого… В одном случае Марию не устраивало малое число репетиций, в другом она была не согласна с распределением ролей или же запрашивала такой высокий гонорар, что менеджерам приходилось отказываться от проекта… Сомнения Марии объяснялись только тем, что возможное неудачное выступление уронит ее в глазах почитателей. Мы можем только жалеть Марию, страдавшую от своей нерешительности. В то же время не можем не восхищаться тем, с каким мужеством она отклоняла сыпавшиеся на нее предложения. Как никому другому ей было известно, что она была уже совсем не та Каллас. Много ли мы можем назвать артистов, испытывавших подобные угрызения совести?

А пока в отсутствие артистической деятельности певица занялась предпринимательством! Мария вместе с Аристотелем объединились с их старым другом Верготти для покупки большого грузового судна. Каллас принадлежала самая большая доля капиталовложений, что закончилось для нее судебным процессом — еще одним — с Верготти, поскольку последний отказывался выполнять взятые на себя обязательства и выплачивать Марии причитавшиеся ей деньги. Мы знаем, как ей

не нравились подобные тяжбы. Когда началось слушание дела в суде, «друг» Верготти вылил на головы любовников ушат грязи и выставил на всеобщее обозрение их частную жизнь. Впрочем, в итоге он проиграл процесс. Только к тому времени, когда было вынесено решение в пользу певицы, Онассис женился на вдове Кеннеди и Мария осталась равнодушной к победе, одержанной в суде.

Мария и Ари по-прежнему вели светский образ жизни. Парочке необходимо было блистать в обществе и продолжать цирковой парад-алле, к чему их обязывала громкая известность.

«Нас проклял Бог! Мы имеем слишком много денег!» — воскликнула однажды Каллас в разговоре с Ари, не подумав о том, что многие люди во всем мире мечтали бы о таком проклятии.

Во взаимоотношениях с Аристотелем все шло не так гладко, как хотелось бы Марии. Между ними то и дело вспыхивали ссоры, которые становились все более бурными. Хотя Мария добровольно и обрекла себя на рабскую покорность, но, будучи гордой женщиной, не могла не бунтовать. Аристотелю, похоже, нравилось, что вслед за бунтом на Марию нисходило смирение. Ему казалось, что он похож на дрессировщика, входившего в клетку с дикими животными.

Онассис дошел до того, что начал унижать Марию на людях.

«— Да кто ты такая? — бросил он однажды ей в лицо в присутствии Дзеффирелли. — У тебя в горле только свисток, да и тот уже не свистит.

— А ты? Что ты понимаешь в искусстве? — парировала Мария».

Когда он третировал ее в присутствии посторонних, Мария, сдерживая слезы, чаще всего спешила удалиться. Когда же он вдруг осознавал, что зашел слишком далеко, греческий мачо призывал на помощь все свое мужское обаяние и неотразимую улыбку. И Мария вновь падала в его объятия, пытаясь склеить осколки былого счастья. Да, именно осколки, поскольку она больше не строила иллюзий относительно прочности ее связи с Онассисом. И все же певица отчаянно цеплялась за ускользавшее от нее счастье, поскольку теперь ей были недоступны радости, которые совсем недавно приносило ей искусство.

Как помним, Мария переехала с улицы Фош и поселилась в доме номер 36 на авеню Жорж Мандел. В новом жилище ее окружала обстановка, более подходившая оперной певице, чем обыкновенной женщине. Здесь все напоминало театральные декорации: роскошная мебель времен Людовика XV украшала гостиную, забитую дорогими безделушками. Столовая,

устроенная в стиле Людовика XVI, невольно заставляла вспомнить этикет, прежде чем сесть за стол. Спальня была обставлена почти такой же мебелью, как на улице Буонарроти. Однако самой помпезной была ванная комната: золото и мрамор, ковры, в которых, словно в снегу, утопали ноги, широкий диван. Вся эта роскошь напоминала сказку из «Тысячи и одной ночи». Можно было сказать, что Али-Баба уступил Марии кое-что из своих сокровищ, хранившихся в пещере. И все же в этой квартире ощущалось присутствие оперной дивы. Здесь можно было узнать, чем она дышала и чем жила. Увы! Мне не довелось переступить порог этой земли обетованной, но те счастливчики, которые удостоились такой чести, говорили мне, что в этот дом хотелось возвращаться.

Мария надеялась, что Ари будет жить вместе с ней на авеню Жорж Мандел. Однако очень скоро она отказалась от этой несбыточной мечты. Где бы ни находился Онассис: на борту «Кристины» или на берегу — его влекла только одна навигация. Он переходил от одной женщины к другой с такой же легкостью, как бороздил моря и океаны. Для того чтобы удержать его, Марии приходилось закрывать глаза… до поры до времени. Когда приходил конец ее терпению, она взрывалась. И все же одного ласкового слова Онассиса и букета цветов было достаточно, чтобы укротить ее гнев.

Время от времени она вновь поднимала вопрос о свадьбе, но совсем неубедительно. Насмешливой улыбки Онассиса хватало, чтобы обрубить крылья у этой мечты. В один прекрасный вечер 1967 года парочка выходила из «Регины» и столкнулась на пороге со старым знакомым Онассиса. Обняв Марию, Аристотель с торжествующим видом заявил: «Вы знакомы с моей женой?» Старый знакомый выразил удивление по поводу слов судовладельца, и тогда Онассис добавил: «Мы поженились четыре дня назад». Надо думать, что пресса тут же подхватила эту новость и напечатала ее крупным шрифтом.

Разумеется, это была очередная шутка весельчака Аристотеля. И весьма сомнительного характера. Мария не смогла оценить ее по достоинству.

В день рождения певицы Менегини прислал ей поздравительную телеграмму. У Марии были еще свежи воспоминания о судебной тяжбе с бывшим супругом. Его поздравление показалось ей настолько неуместным и вызывающим, что она не на шутку разгневалась. «Ты представляешь? Этот подлец имел наглость прислать мне телеграмму!» — сказала она Жаку Буржуа.

Чуть позже она пожаловалась все тому же Жаку Буржуа: «Мы

с Ари не созданы друг для друга. Я — создание, отмеченное судьбой. Он не способен понять меня». После очередной ссоры с Онассисом певица отозвалась о нем в телефонном разговоре с Жаком Буржуа следующим образом: «Он полный идиот! Он не заслуживает меня!»

Жак Буржуа вспоминал о частых звонках Марии, которые продолжались на протяжении многих недель, предшествовавших разрыву с Онассисом, а затем и после этого разрыва. «Она звонила мне посреди ночи, чтобы поговорить о себе, поскольку любой разговор она сводила к обсуждению своей личной жизни. Она была эгоцентричной особой, хотя об этом не догадывалась. Но мне не было скучно слушать ее откровения. У нее было богатое воображение…»

Тот 1967 год, последний, проведенный вместе с Аристотелем, был особенно грозовым. Мария чувствовала, что их дороги вот-вот разойдутся, но продолжала цепляться за свое призрачное счастье. Узнав, что вечером Онассис принимал на улице Фош какую-то таинственную гостью, Марии хотелось думать, что речь идет о его очередном преходящем увлечении. Однако грек уже принял для себя твердое решение жениться на Жаклин Кеннеди. Устранив одно за другим все препятствия на пути к осуществлению своей амбициозной цели, он уже приблизился к ней вплотную. Жениться на вдове президента Соединенных Штатов Америки для него было равносильно тому, чтобы увенчать свою голову короной. Со своей стороны, Джекки, похоже, тоже решилась на этот шаг. Перед миллиардами невозможно устоять.

Между тем, несмотря на все подозрения и смутные предчувствия, которые порой охватывали Марию, она и в страшном сне не могла себе представить, что ее ждет впереди. Онассису не хватило мужества на откровенный разговор с ней. Этот человек не любил трагедий в жизни. По крайней мере в чужой.

Летом Мария особенно бурно выясняла отношения с Аристотелем — в который раз, после чего решила сбежать подальше от терзавших ее подозрений и уехать в Америку, где друзья приложили бы все усилия, чтобы утешить и поддержать ее. Вот тогда-то и состоялось примирение Марии с Ренатой Тебальди.

Не успела Каллас вернуться в Париж, как 17 октября 1968 года опубликованное в печати сообщение возвестило всему миру сногсшибательную новость: Жаклин Кеннеди, бывшая первая леди Соединенных Штатов Америки, сочеталась законным браком с бывшим греческим иммигрантом, а ныне одним из самых

богатых людей в мире. Это был удар в спину, но Мария, по примеру оперных трагических героинь, в которых перевоплощалась на сцене, стоически выдержала его. И только оставшись наедине в своей роскошной ванной комнате на авеню Жорж Мандел, смогла выплакать свое горе, о чем нам поведала Бруна, которая была не столько горничной, сколько верной спутницей и компаньонкой Марии.

20 октября Жаклин Кеннеди стала госпожой Онассис. В тот же день Марию видели в театре, где она смотрела водевиль Фейдо, а затем в ресторане «У Максима», где слушала цыган… Передо мной фотографии… еще и еще… Они рассказывают о Марии больше, чем любые комментарии. Вот она, сидя между Шарлем Азнавуром и Жан Пьером Касселем, заразительно смеется, словно хочет сравниться со знаменитым Анри Сальвадором, занимавшим кресло позади нее… Она также смеется в ресторане «У Максима»… Однако что же скрывалось за ее улыбкой, этим фасадом, обращенным к окружавшим ее людям, с жадностью наблюдавшим за ней, поскольку все уже знали, что ее Онассис женился на другой женщине? Какие муки, какие душевные раны? И даже перед друзьями, спешившими выразить ей сочувствие в той или иной форме, Мария не показывала своего душевного смятения, делая вид, что не утратила силы духа, хотя в действительности все было наоборот. Она чувствовала себя так, словно стояла на краю пропасти. Со всей ясностью она осознавала, что осталась в полном одиночестве. Всегда нуждавшаяся в защите и опеке, она с ужасом поняла, что рядом с ней не было того, кто повел бы ее за руку по дороге жизни… Итак, занавес поднялся в последний раз в драматическом спектакле, которым была вся жизнь великой Каллас…

Кто мог подарить ей новую надежду, когда тот человек, с кем она хотела провести остаток дней, ради кого отказывалась от собственной карьеры, вероломно сбежал от нее?

«Онассис причинил много зла Марии. Из-за него она не смогла больше выйти на сцену оперного театра», — обвинил миллиардера Дзеффирелли.

Естественно, Мария снова обратилась к своему ремеслу. Аристотель бросил ее, и она решила взять реванш. Однако прошло целых четыре года, как она прекратила сценическую деятельность… Хватит ли у нее сил, чтобы продержаться до конца представления? Певица захотела рискнуть, чтобы вновь почувствовать, как бьется сердце перед открытием занавеса. Она жаждала вновь услышать, как поднимается волна криков «браво», захлестывая ее с головой… Мария не имела права на отступление и провал, поскольку несла ответственность перед собой и перед

миллионами мужчин и женщин, боготворивших ее по всему миру. После того как она покинула сцену, другие певицы заняли ее место на вершине музыкального Олимпа. У публики появились другие кумиры… По силам ли ей было соревноваться с ними? Сомнения терзали Марию с еще большей силой, чем раньше, несмотря на настойчивые просьбы друзей подхватить факел и нести его вперед, к победе. Они подбадривали ее так, как порой подбадривают выбывшего из соревнования чемпиона, чтобы тот вышел снова на беговую дорожку.

Мария нашла временное решение: в феврале 1969 года она стала записываться на студии звукозаписи. Результат превзошел все ожидания. Несмотря на то, что за столь долгое молчание ее дыхание, подорванное копившейся годами усталостью, так и не восстановилось в полной мере, ее вокальные возможности, похоже, не пострадали. Певица с мужеством и решимостью включилась в деятельность, используя старый испытанный метод, позволивший ей достигнуть вершины славы: работа, работа и еще раз работа. Для того чтобы добиться лучших результатов, Мария пригласила из Италии свою наставницу, руководившую ее первыми шагами в искусстве, — Эльвиру де Идальго.

Престарелая милая дама, которой в скором времени должно было исполниться восемьдесят лет, не заставила себя долго упрашивать, поскольку не могла отказать своей прославленной ученице. И вот они уже вдвоем готовились к неравной битве. Можно представить эту трогательную картину: Каллас, искавшая путь к восстановлению образа уникальной певицы, какой она была в недавнем прошлом, единственная и неповторимая примадонна, готовила уроки Эльвиры с прилежностью дебютантки! И это несравненная Мария Каллас, которой рукоплескала публика в «Ла Скала», «Метрополитен-опере», «Ковент-Гардене» и парижском театре «Опера»?

В апреле Мария даже согласилась на интервью перед телекамерами» что стало для нее тяжелым испытанием. В телевизионной передаче «Воскресный гость» певица рассказала о том, что вынудило ее взять бессрочный отпуск; естественно, о главной причине — Аристотеле Онассисе — не было сказано ни слова. Мне кажется, что я и сейчас слышу ее:

«Четыре года тому назад я перестала петь именно потому, что хотела остаться верной себе. Мое пение больше не приносило мне удовлетворения. Только мы сами можем сказать себе всю правду… Так я и поступила. Я поняла, что мне надо набраться храбрости и запастись терпением, чтобы восстановить силы и поправить здоровье. Я знала лучше кого-либо другого, что происходило со мной. Я переутомилась, но все же продолжала

петь. Целых четыре года я пела, оставаясь недовольной собой. Публика аплодировала мне, но я не переставала упрекать себя, ибо хитрить — не в моих правилах… И вот теперь, когда я начала все с чистого листа вместе с моей дорогой преподавательницей, Эльвирой де Идальго, наставлявшей меня, когда я делала первые шаги на оперной сцене, у меня появилась надежда… Голос — такой инструмент, который обязан повиноваться. Он должен быть на службе у музыки. Искусству необходимо быть легким и невесомым… Я уже чувствую, что состояние моего здоровья значительно улучшилось, и рассчитываю вернуться на сцену парижской «Опера» в 1970 году в «Травиате», которую мой дорогой друг Лукино Висконти поставит для меня…»

Вот так Мария бралась за новые проекты и разрабатывала наполеоновские планы. Помимо печально знаменитой «Травиаты», была и «Тоска» в Далласе для ее друга Лоуренса Келли, и «Трубадур» в Сан-Франциско, и «Норма» в Нью-Йорке в «Метрополитен-опере»! Еще немного и она начала бы планировать свое возвращение на сцену «Ла Скала»!

Конечно, все построенные певицей воздушные замки рухнули, как карточные домики. Своей бесконечной требовательностью Мария сделала все, чтобы эти грандиозные планы не осуществились.

Тем не менее один из проектов все же состоялся. Самый неожиданный и дерзкий, он претворился в жизнь в последнем акте оперы, прожитой Марией Каллас. Певица снялась в фильме режиссера, у которого были совершенно противоположные вкусы, взгляды и жизненные концепции: у осквернителя святынь и нарушителя традиций Паоло Пазолини… И вот с таким человеком Мария решила начать восхождение к вершине новой карьеры, чтобы снова бросить вызов судьбе. Она отказала Висконти, Дзеффирелли и вдруг согласилась сниматься у этого странного режиссера, чьи предыдущие работы, в частности фильм «Теорема», возмутили ее до глубины души. Почему она остановила свой выбор именно на Пазолини? У Марии чувства всегда побеждали рассудок. Возможно, она решилась на съемки из-за сюжета, выбранного режиссером. Может быть, Мария посредством Медеи, женщины, как и она, обманутой и брошенной, оторванной от родной земли, хотела крикнуть на весь свет о своем личном несчастье и боли. Однако эта женщина не должна была петь. Пазолини решил перенести на экран не произведение Керубини, а свое представление о «Медее». И Мария Каллас согласилась с его концепцией. Вот как она это объяснила:

«— «Медея» — это прежде всего история любви. Больше всего

меня в ней трогает женская судьба Медеи. Любая брошенная мужчиной женщина будет, так же как она, бунтовать и совершать в той или иной степени похожие поступки. Мужчина пылает страстью к женщине, но он может измениться. Полигамия свойственна мужчинам по определению. У женщины это уже будет отклонением от нормы, поскольку она еще и мать».

Медея, образ которой пересмотрен и откорректирован в соответствии с современной концепцией, Медея, которая не пела, а только выражала свои чувства взглядом, наполненным то безумием, то нежностью, то отчаянием, то страстью. Глаза Марии метали гром и молнии… Нам открывается еще одна картина: Пазолини крупным планом дает лицо Каллас. Режиссер уловил своей камерой взгляд певицы, такой глубокий, что кружится голова… Мария предстает перед нами растерзанной, зашедшейся в крике женщиной, на голове которой терновый венец, а на лице — печать адского пламени…

Для съемок «Медеи» Мария отправилась в Малую Азию, как во времена Онассиса, и в Италию, как во времена Менегини. Презентация этого фильма состоялась с большой помпой в Париже в театре «Опера», где она как певица уже никогда больше не выступит. Зал театра, бывший свидетелем в недавнем прошлом не одного ее триумфа, был заполнен самой изысканной публикой. Супруга президента Помпиду, а также весь цвет парижского общества собрались, чтобы своим присутствием почтить это событие. Когда Мария появилась на экране, словно богиня во плоти, на фоне величественных пейзажей, зал дрогнул… Однако фильм не имел в прокате успеха у зрителей, и Каллас больше не захотела сниматься в кино. Спасибо Провидению, что Мария решилась на этот эксперимент с кинематографом. Мы и теперь можем стать свидетелями ее драматического таланта, что могло бы со временем стереться из памяти.

Желтая пресса запустила утку о любовной идиллии между режиссером и исполнительницей главной роли в его фильме. Довольно нелепое предположение, поскольку всем были известны нетрадиционные вкусы Пазолини, что в итоге стоило ему жизни. Многие газеты напечатали на первой странице фотографию Каллас, целовавшую режиссера в губы, как артистка на сцене. Какое-то время она была совсем не против того, чтобы распространился слух о близких отношениях между ними. Откуда столь несвойственное ей желание выставить напоказ личную жизнь? Легко догадаться: это делалось для того, чтобы вызвать ревность Онассиса.

Решительно, Ари был неисправим! Не успел он

удовлетворить свое тщеславие и добиться руки Жаклин Кеннеди, как тут же отправил ее в Соединенные Штаты Америки, чтобы вернуться к своим привычкам. Он начал звонить Марии, получая неизменный ответ верной Бруны: «Госпожи нет дома». Это вовсе не остудило его пыл, поскольку грек привык добиваться всего, чего хотел. Напротив, препятствия только раззадорили его. Он звонил снова и снова, писал письма, обращался за помощью к Маджи Ван Зайлен, подруге Марии.

В один прекрасный вечер он появился под окнами певицы на авеню Жорж Мандел. Похоже, он был сильно пьян, поскольку, вызывая ее, кричал на всю улицу. Не получив ответа, он начал грозиться, что разнесет на куски подъезд дома своим «роллс-ройсом»! И тогда Мария впустила его. «Чтобы избежать скандала», — сказала она. По правде говоря, она по-прежнему любила его. Возвращение Ари льстило ее самолюбию и согревало сердце, страдавшее от одиночества и тоски.

Постепенно они восстановили прерванные отношения. Возможно, Аристотель сделал для себя открытие, что он любил в ней женщину больше, чем знаменитость. Как бы там ни было, но его скрытное возвращение не вернуло Марии утраченных иллюзий. Еще после бракосочетания века она с горечью произнесла слова, подхваченные тут же жадной до сплетен прессой: «Джекки хорошо сделала, что подарила своим детям дедушку. Ари красив, как Крез!»

И все же, несмотря на подобные высказывания, Мария не могла вырвать Аристотеля из сердца. Она радовалась тому, что он был снова рядом с ней, хотя и понимала, что ее счастье было отнюдь не долговечным. До Джекки дошли слухи о том, что Ари взялся за старое, но она вначале не придала этому ни малейшего значения. Впоследствии она отомстила своему неверному супругу тем, что стала выбрасывать на ветер миллионы долларов. Она только выполняла условия сделки, заключенной с Онассисом.

По мере того как шло время, к Марии вернулись прежние мечты. Почему бы Ари не воссоединиться с ней снова? Он уже сожалел о том, что женился, и признался в этом Марии. Он также утверждал, что никогда не переставал любить ее. Помимо всего прочего, возвращение неверного любовника к женщине, которая его любит вопреки всем его изменам, весьма напоминает оперную драму… Почему бы не поверить в чудеса, когда в груди бьется сердце наивной маленькой девочки? И Мария отдала ему ключ от квартиры вместе с разрешением приходить к ней в любое время дня или ночи. Однако Онассис по-прежнему ни в чем не знал меры. Он ужинал вместе с Марией в ресторане «У Максима». Его самолюбию весьма льстило, что он появлялся на людях с оперной

дивой. На этот раз Джекки не на шутку встревожилась и поспешила сесть в самолет. Миллиарды судовладельца оправдывали ее решение и то, что за ним последовало. Сцены, угрозы, весь арсенал законной жены, оскорбленной в лучших чувствах, был приведен в действие. И Ари капитулировал. Нельзя не считаться с вдовой президента, Америка не простила бы даже ему подобного оскорбления.

В тот же вечер, когда Джекки прилетела в Париж, супруги ужинали в ресторане «У Максима». Со стороны казалось, что они вполне счастливы. Неожиданный приезд законной жены Онассиса окончательно похоронил надежды Марии. Она поняла, что Ари никогда не пойдет на международный скандал.

Надо ли связывать, как это делают некоторые биографы Каллас, возвращение Джекки с внезапным ухудшением здоровья Марии, что потребовало срочной госпитализации в семь часов утра в американскую клинику? В любом случае новость распространилась с неимоверной быстротой и повлекла самые невероятные предположения. «Каллас покушалась на самоубийство» — пестрели заголовки многих газет. Это сообщение было подхвачено многими радиостанциями. В действительности она вернулась на авеню Жорж Мандел в час дня и тут же сделала заявление для печати: «Я прекрасно чувствую себя». Мария чувствовала себя достаточно хорошо хотя бы потому, что подала в суд на одну из периферийных радиостанций. В который раз! И снова она выиграла процесс, отсудив 20 тысяч франков за причиненный ей моральный ущерб. И маленькие деньги — тоже деньги! На самом деле тревогу вызвало падение давления из-за передозировки успокоительных средств.

Впрочем, Аристотель к ней вернулся. Конечно, они виделись урывками и не часто. Однако встречи с Онассисом были для Марии глотком свежего воздуха, возвращавшего ее к жизни. Но эти крохи с чужого стола не могли стать целью ее существования. И тогда Мария в последний раз решила возвратиться к источнику, как будто могла найти дорогу в королевство, ключ от которого был навсегда потерян. Как будто она была способна приблизиться к вершине… Это была трагическая борьба с судьбой, потому что она была обречена. И все же эта борьба вызывает уважение и еще больше возвеличивает певицу в наших глазах.

Каждый день она часами просиживала за пианино в одиночестве или же вместе с престарелой Эльвирой де Идальго. Певица настойчиво пыталась восстановить голос. Она часто появлялась в студии звукозаписи, расположенной в здании театра на Елисейских Полях. С нотной папкой в руках она проходила в

студию, никем не замеченная. И это была та самая прославленная Каллас, которая совсем недавно не могла и шагу ступить, чтобы ее тут же не окружала толпа газетных фотографов и журналистов. Так она работала вплоть до 1976 года. Мария добровольно опустила завесу тайны на собственную жизнь, потому что Каллас нужна была только победа, а проигрывать она не умела.

В 1971–1972 годах она снова удивила своих почитателей, казалось бы, знавших все, на что был способен их кумир. В нью-йоркской Джульярдской школе она давала мастер-класс собственноручно отобранным ученикам. Конечно, гениальность нельзя передать тому, кто ее лишен. Однако Мария Каллас вкладывала всю душу в свои уроки. Эти мастер-классы свидетельствовали о глубине ее знаний в области вокальной техники.

Недавно я с понятным волнением прослушал записанный курс профессора Каллас. Меня, как слушателя, прежде всего удивило то, что певица не ограничивалась одними только указаниями своим ученикам: она показывала, как надо петь, даже когда давала урок молодому человеку. В зависимости от выбранного отрывка оперы она была и тенором, и баритоном, и басом. В отдельные моменты, когда с кем-то разучивалась известная ей партия, неожиданно слышался голос Каллас: волшебный, проникновенный, волнующий… И вдруг этот голос обрывался, что тоже нельзя было слушать без волнения, ибо ты становишься невольным свидетелем драмы. Сюжет «Оперы Каллас» неумолимо приближался к развязке.

Повторявшиеся случаи внезапного срыва голоса Мария переживала особенно остро еще и потому, что в глубине души у нее теплилась надежда снова вернуться на сцену, чтобы подняться на вершину оперного Олимпа. Всем, кто спрашивал певицу о ее возможном возвращении, она давала один и тот же ответ: «Скоро, скоро». Затем она перечисляла названия оперных произведений, над которыми работала. Конечно, она могла пустить пыль в глаза кому угодно, только не себе самой. Со своей стороны, Мишель Глотц убежден, что, после того как Мария продолжила работу с Идальго, к ней понемногу начала возвращаться уверенность в себе и в своих вокальных возможностях. Однажды вечером, когда Мария пришла на спектакль в миланский театр «Ла Скала», зрители при виде ее встали со своих мест и все в один голос закричали: «Возвращайся, Мария!»

Как бы она хотела откликнуться на их призыв! Однако ни за что на свете она не согласилась бы, чтобы публика присутствовала при провале примадонны. Для того чтобы она

могла обрести душевный покой и равновесие, необходимые перед выходом к рукоплескавшим зрителям, Марии нужен был новый источник вдохновения. Однако этого не случилось. Можно сказать, что певица была обречена на одиночество. Один за другим уходили близкие ей люди: в 1968 году скончался в девяностолетнем возрасте Туллио Серафин. Он был ее наставником, когда она делала первые шаги в искусстве. Он был тем человеком, кто понял, что оперное искусство достигнет с ней вершин. Затем, в 1972 году, ушла из жизни Маджи Ван Зайлен, лучшая подруга певицы, пользовавшаяся ее полным доверием, что было весьма редкой привилегией. В 1973 году разбился в собственном самолете Александр Онассис, сын Аристотеля и наследник его империи. Онассис не мог примириться с этой небесной карой. Он не понимал, как могло случиться, чтобы его, современного Юпитера, пронзила молния, как простого смертного. Впрочем, он не поверил в несчастный случай и трагическое стечение обстоятельств. Ему казалось, что сын пал жертвой заговора его врагов. Онассис пообещал заплатить значительную сумму тому, кто поможет найти авторов этого преступления…

Когда Мария увиделась с Ари несколько недель спустя после гибели сына, она едва узнала его. Перед ней был сломленный горем человек, которому уже было не подняться. Мария продолжала его любить, хотя любовь скорее была данью прошлому, поскольку у нее не было будущего.

Иллюзии относительно возвращения на сцену и трудовое рвение — вот все, что осталось у оперной дивы. И здесь мы не перестаем восхищаться этой женщиной. Раненый зверь отказывался лечь и умереть, птица с перебитыми крыльями хотела парить в небе, а не лететь камнем вниз, чтобы разбиться о землю! Неужели в ее душе все еще горел волшебный огонь, заставлявший ее сопротивляться превратностям судьбы? В ее упрямой одержимости было что-то сверхъестественное, наводившее на мысль о том, что гениальность была дарована оперной диве высшими силами…

Вместе с тем пока Мария продолжала свое затянувшееся прощание с прошлым, она отчетливо сознавала, что ей уже никогда не достигнуть былых высот в оперном мире. Она была вынуждена пробовать силы на другом поприще, потому и взялась, если можно так выразиться, не за свое дело.

В марте 1973 года Мария поставила в Турине весьма слабый спектакль «Сицилийская вечерня», произведение, принесшее певице успех двадцать два года тому назад во время ее дебюта в «Ла Скала». Но разве могли другие артисты воспроизвести на

сцене ее жесты, экспрессию, передать разрушительную силу, жившую в ней? Как певица могла с кем-то поделиться секретом огня, горевшего в ее душе? Кроме того, технические требования, предъявленные театром, раздражали и расстраивали певицу. Дзеффирелли с полной объективностью выразил свое мнение по поводу этой неудачной инициативы: «Мария всегда мало интересовалась тем, что происходило вокруг нее. Она не только не знала, что творится за ее спиной, но и не могла этого знать, поскольку была слишком близорукой, чтобы что-то разглядеть, когда находилась на сцене».

Свою неудачу она делила пополам с ди Стефано, поскольку настояла на том, чтобы поставить этот спектакль совместно с ним. Как всегда, она нуждалась в чьей-то поддержке. Вечный поиск благородного рыцаря…

Действительно, вот уже несколько месяцев, как в ее жизни снова, и весьма кстати, появился Джузеппе ди Стефано — давний партнер по сцене, ссоры с которым были такими же бурными, как и примирения. Конечно, Мария не считала, что этот «спасательный круг» послан ей самим Провидением, однако она схватилась за него с какой-то отчаянной решимостью. И снова перед нами разворачивалось действие оперы под названием «Каллас». Униженная и брошенная, стоявшая на краю пропасти женщина встретила своего давнего незадачливого поклонника, которым пренебрегала в молодости… Не будем слишком далеко заходить в наших предположениях. «Пиппо влюблен», как говорила сама певица. Она благосклонно принимала знаки внимания с его стороны, но не теряла голову. Она знала, что речь шла только о временном средстве, позволяющем немного отвлечься от своих невзгод. Она так боялась одиночества.

И вот Мария вновь начала питать иллюзии относительно своих вокальных возможностей. Ей казалось, что она способна управлять своим голосом точно так же, как в старые добрые времена, что она может дать ему новую жизнь и заставить его подчиняться ее воле. На крыльях любви приободрившийся ди Стефано с радостью поддерживал певицу. Однако и он уже подошел к концу своей певческой карьеры. Его, певца с ласкавшим когда-то слух зрителей голосом, также манили миражи былой славы. И все же Мария рассчитывала на его помощь во время серии концертов, которые она собиралась давать в течение целого года. Последнее турне Марии. Певица прощалась с театром, что для нее было равносильно прощанию с жизнью. Последнее выступление тигрицы на цирковой арене, последний вздох королевы, не желавшей умирать, последний луч света, готовый вот-вот угаснуть…

Мария с особой тщательностью составляла свою концертную программу, ибо хорошо знала, что не могла многого требовать от себя. Она подобрала себе в аккомпаниаторы восьмидесятилетнего пианиста. Он умел щадить ее силы, как щадил свои. Затем она отправилась в концертное турне вместе с ди Стефано. Они были похожи на солдат, отправлявшихся на штурм крепости и знавших, что живыми не вернутся.

Можно лишний раз сказать, что сама судьба была режиссером-постановщиком этой трагедии, она подготовила шумовые эффекты и отрегулировала освещение… В световой круг вступали, держась за руку, Мария и Пиппо. Один партнер искал поддержки у другого. Каждый из них черпал в глазах другого утраченную веру в себя. Это был волнующий дуэт двух обреченных на гибель бойцов, отказывавшихся сложить оружие.

Из Гамбурга в Мадрид, из Парижа в Нью-Йорк, из Милана в Лос-Анджелес, из Сан-Франциско в Токио — вот маршрут Марии и ее партнера. Совсем как в былые времена. Однако для них это был не звездный путь, а восхождение на Голгофу. И какое тяжкое испытание для тех из нас, кого совсем недавно завораживал, опьянял и восторгал ее голос.

Теперь он звучал слабо и неуверенно, а порой срывался на середине ноты… Тем не менее имя певицы оказывало свое магическое воздействие. В каждом городе на ее концерт собирались толпы зрителей. Своими овациями они глушили вокальные погрешности оперной дивы. Все эти люди словно предчувствовали ее скорый уход и старались изо всех сил крикнуть «браво», чтобы смягчить боль расставания. Каллас, как прежде, держась за руки с Пиппо, раскланивалась, выслушивала аплодисменты и воспринимала восторги публики с таким же величественным видом, как делала это несколькими годами раньше на самых знаменитых сценах мира. Мария знала, что кричавшие ей «браво» очарованные зрители любили в ней живую легенду. Для них, так же как и для всех нас, Мария, даже утратившая свое звание единственной и неповторимой примадонны, осталась навсегда «Каллас».

Наконец настал час, которого мы уже давно со страхом ждали, чтобы поставить последнюю точку в истории о бедной девочке из Бруклина, ставшей самой знаменитой женщиной в мире. В тот ноябрьский вечер 1974 года Мария в последний раз раскланялась перед зрителями. Почему так случилось, что это событие произошло в столь отдаленном от нас месте, в самом центре Японии, в городе Саппоро, который мы знаем только благодаря проходящим там спортивным состязаниям? Нам бы хотелось, чтобы и парижская «Опера», и «Метрополитен» в Нью-

Йорке, и миланская «Ла Скала» одновременно зажгли бы все свои огни, в то время как в каждом из вышеперечисленных театров хор, составленный из самых блестящих солистов оперной сцены, запел бы один и тот же гимн, прославлявший Каллас в веках! Подобным торжественным апофеозом мы хотели бы, подобно древним грекам, приветствовавшим своих богов, отметить ее уход со сцены. И все же больше всего мы бы хотели, чтобы время остановилось, обратилось вспять и вернуло бы нам ее триумфальных Норму, Флору Тоску, Виолетту…

Вместо всего этого Мария почти тайком покинула этот город. Она и сама не знала, что выступала в последний раз. Напротив, певица была уверена, что продолжит турне. Трогательное стремление обманываться вновь и вновь. Ложь во спасение согревала сердце Марии…

По-прежнему не желая расставаться со своими иллюзиями, Мария продолжала уже известную нам игру, состоявшую в том, чтобы время от времени оповещать мир о своем возвращении на сцену. Вместе с тем с некоторых пор певица с интересом наблюдала за восхождением на оперном небосклоне новых звезд. И среди них Тереза Берганза и Монтсеррат Кабалье заслужили ее похвалу. Более того, когда однажды какой-то журналист задал ей лукавый вопрос:

— Кто, по вашему мнению, в наше время является лучшей певицей?

Мария с ангельской улыбкой ответила:

— Рената Тебальди.

Несмотря на столь доброжелательный отзыв, не следует думать, что тигрица навсегда спрятала когти. Ее гордость еще не раз заявила о себе! Бойцовская натура Каллас не позволяла ей сдаваться ни при каких обстоятельствах! Вот какую историю рассказал Жак Буржуа:

«У Марии была склонность к показной добродетели: она предпочитала, чтобы ею восхищались в роли жрицы, а не куртизанки. Она заявляла:

— Беллини написал «Норму» для меня!

Впрочем, в нашей дружбе возник холодок после того, как я поставил «Норму» с Монтсеррат Кабалье.

— Она поет очень хорошо, но это не Норма! — сказала мне Мария.

— Мария, — возразил я, — ты думаешь, что арии, которые ты пела, уже никто не сможет исполнять, а я считаю, что надо хотя бы попробовать…

— Поступай, как знаешь, — ответила она и повесила трубку».

Вот что произошло в другой раз, из-за все той же «Нормы»,

отрывки из которой должна была исполнить Монтсеррат Кабалье во время радиопередачи Жана Фонтена «Очарование музыки». Мария пригласила Монтсеррат пообедать с ней утром того дня, когда должна была состояться запись на радио.

«Это невозможно, — ответила певица, — после обеда у меня репетиция для «Очарования музыки».

— Поверь мне, ты вполне можешь прийти, передача не состоится, — заявила Каллас».

В самом деле, два часа спустя была объявлена забастовка артистов хора и запись была аннулирована. Как Мария заранее догадалась о том, что произойдет? Продюсер передачи до сих пор ломает над этим голову.

В конце концов, Мария начала рассматривать «Норму» как произведение, созданное только для нее. Попытки других певиц исполнить главную партию в этой опере она воспринимала как личное оскорбление! Правда и то, что ее «Норму» невозможно забыть.

Итак, в тот вечер в Саппоро в жизни Марии опустился занавес, отгородив ее от всего, что было дорого ей на этой земле. Голос, покоривший сердца миллионов, замолк навсегда. Вскоре тишина окутает все существование Марии.

Конечно, она продолжала появляться на некоторых светских мероприятиях, но ее улыбка скрывала разочарование. Еще два или три года певица заставляла себя через силу выходить в свет, но это уже не доставляло ей радости. Возможность вращаться в высшем обществе больше не кружила ей голову. Мария всего лишь не хотела, чтобы у других сложилось впечатление, будто она сдалась… Ведь Виолетта была обречена судьбой вести веселый и праздный образ жизни… Марию видели на званых обедах, где на нее все обращали внимание; ее встречали на генеральных репетициях, где она делала вид, что веселится от души. Она согласилась председательствовать на праздничном вечере Союза артистов в Зимнем цирке… Вот еще одна фотография… Жак Мартен в костюме клоуна и верхом на лошади прислонился к борту ложи, где сидит Мария. Она смеется, и даже кажется, что слишком громко…

Однако вокруг Марии оставалось все меньше и меньше близких ей людей. Судьба ополчилась против всех, кто был ей в той или иной степени дорог: не стало Георгиоса, ее престарелого, но по-прежнему любимого, хотя и на расстоянии, отца; Лоуренса Келли, верного друга из Далласа, с которым она так и не решилась попрощаться… И последний удар: Аристотель, неверный, но беззаветно любимый. Этот современный колосс Родосский оказался таким же простым смертным, как и все люди.

Мария не имела права даже поцеловать его в последний раз на его смертном одре в американском госпитале… Тина, бывшая соперница Марии, скончалась несколькими годами раньше. И всего несколько часов спустя после кончины Онассиса ушел из жизни Лукино Висконти… Что же оставалось Марии? Одни только воспоминания. Они мучили ее и разбивали сердце…

Картины из оперы под названием «Каллас» мелькают все быстрее. Одиночеству, от которого певица бежала всю свою жизнь, теперь она сама широко распахнула двери… Все меньше и меньше она показывалась в обществе и встречалась с людьми. Страх и недоверие отныне поселились в ее душе.

«К телефону она никогда не подходила, — рассказывал мне Жак Буржуа. — Надо было долго упрашивать Бруну и звонить пять или шесть раз подряд, чтобы она ответила… Когда ее куда-либо приглашали, она ссылалась на свою занятость именно в те часы, которые указывались. Или же если кому-то удавалось ее уговорить и она соглашалась, то в самую последнюю минуту она отказывалась. И все начиналось сначала. Постоянный отказ от всех предложений превратился у нее в навязчивую идею».

Так, в последние два года, в завершавших оперу ее жизни сценах Мария все больше и больше уклонялась от всяких контактов с внешним миром. В ее круг общения входили только два персонажа: Бруна, горничная-подруга, и Ферручио, шофер-фельдшер, постоянный партнер по ночной игре в карты, когда певицу одолевала бессонница. Мария не знала — или не хотела больше знать — о том, что ее слава нисколько не потускнела. Легенда навсегда осталась в истории оперного искусства. Диски с записями певицы по-прежнему были нарасхват. Толпы верных почитателей ждали возвращения своего идола. Она же не хотела знать о том, что продолжала оставаться великой Каллас. Мария скрывала от всех свои лицо и душу, как бедняки, которые стыдятся своей нищеты…

Еще несколько фотографий — последних. Вот перед нами Мария на прогулке с пуделем Джедда, подарком Онассиса. И, наконец, самое последнее фото. Глядя на него, слезы текут из глаз и разрывается сердце: почему никто из нас не постучался в ее дверь, чтобы вернуть ее к жизни? С фотографии на нас смотрит постаревшая и уставшая женщина. Она несет свою дамскую сумочку так, словно это тяжелый груз, без тени женского кокетства, она всего лишь возвращается в свою пустую квартиру на авеню Жорж Мандел…

Итак, перед нами разворачивается последняя сцена оперы «Мария Каллас»: 16 сентября 1977 года в час дня Мария все еще лежала в постели, поскольку с некоторых пор ей нечем было себя

занять. Затем она встала, сделала несколько шагов в сторону ванной комнаты из золота и мрамора, но так и не дошла до нее: острая боль как ножом пронзила левое плечо. Едва вскрикнув, она упала, как подбитая птица… Бруна вбежала в спальню певицы, с помощью Ферручио уложила ее на кровать… «Я чувствую себя лучше», — прошептала Мария, стараясь улыбнуться… Последние слова, прощальная улыбка… Мгновение спустя фея покинула этот мир, чтобы войти в вечность… Занавес опустился в последний раз: конец оперы.

«Мария Каллас скончалась в результате сердечного приступа» — таково было заключение врачей. Мы теперь знаем всю правду. Отчего и почему она умерла.

Могла ли Мария быть похороненной с королевскими почестями на одном из известных кладбищ для богачей, вызывающих больше любопытства, чем скорбных чувств? Могла ли она разделить судьбу тех людей, чьи могилы посещают только в День Всех Святых? Она навечно поселилась в нашей памяти, а прах развеян над волнами Эгейского моря, где с античных времен ее ожидали греческие боги.

Несколько недель спустя после кончины певицы двое очень старых людей, словно хищные грифы, слетевшиеся к убитому зверю, затеяли яростный судебный спор из-за ее наследства. После того как их мерзкая свара стала известна общественности, Евангелия Каллас и Баттиста Менегини договорились разделить добычу пополам. Каждый из них получил по три миллиарда сантимов. Наблюдая за этим спектаклем с вершины своего небесного Олимпа, Мария, должно быть, весьма разгневалась, если не рассмеялась своим заразительным звонким смехом.

Что же касается нас, ее осиротевших почитателей, то мы вспомним строки Мюссе, посвященные Малибран, другой единственной и неповторимой примадонне. Вопреки времени они могут также служить эпитафией Каллас:

> Что заставляет нас проливать слезы по твоей безвременной кончине,
> Это не божественное искусство и не тайное знание;
> Это идущий от сердца и хватающий за душу голос,
> Который после тебя никто никогда не услышит.

Основные даты жизни и творчества Марии Каллас

1923, 2 декабря (по иным версиям 3-го или 4-го) — в Нью-Йорке, в семье греческого эмигранта, владельца аптеки Георгиоса Калогеропулоса и его жены Евангелии, родом из семьи полковника Димитриадиса, появилась на свет младшая дочь Мария; старшая Синтия (Джекки) родилась 4 июля 1917 года.

1926 — Мария крещена в греческой православной церкви в Нью-Йорке, получив четыре имени: Сесилия София Анна Мария. Родители меняют труднопроизносимую в США фамилию Калогеропулос на Каллас.

1928 — Мария и ее сестра начинают брать уроки фортепиано у преподавателя-итальянца. В последующие годы Мария делает в музыке заметные успехи и выказывает особую одаренность.

1937 — из-за финансовых трудностей отец продает аптеку; мать увозит дочерей из США на родину в Грецию, где надеется продолжить музыкальное образование Марии при материальной помощи родственников.

Сентябрь — Марию прослушивает бывшая оперная певица, преподаватель Афинской консерватории Мария Тривелла, и находит ее талантливой.

Конец года — Мария поступает на вокальное отделение Афинской консерватории, занимается у знаменитой испанской певицы Эльвиры де Идальго.

1938 — Мария, одновременно с учебой, дебютирует на сцене оперного театра в Афинах.

1941, июль — первое исполнение партии Тоски в одноименной опере на сцене Афинского оперного театра.

1944, 22 апреля — Мария для заработка исполняет главную партию в немецкой опере «Долина» перед немецкими оккупантами, за что после освобождения подвергнется упрекам соотечественников.

1945, август — на теплоходе «Стокгольм» Мария отплывает к отцу в Америку.

В Нью-Йорке берет уроки пения у опереточной певицы Луизы Казелотти.

1947, конец июня — Мария отплывает в Италию, получив приглашение директора ежегодного фестиваля в Вероне Джованни Дзенателло, там солирует в опере Понкьелли «Джоконда».

1947, осень — Мария начинает выступать на сцене театра

«Арена ди Верона». Знакомится с состоятельным итальянским предпринимателем Баттистой Менегини, который становится меценатом и женихом молодой певицы.

1948 — в жизни певицы появляется Лукино Висконти, поначалу страстный поклонник ее таланта, впоследствии постановщик опер на сцене «Ла Скала» с участием Каллас в главных партиях.

1949, 21 апреля — Мария Каллас выходит замуж за Баттисту Менегини.

1951–1958 — выступает как солистка в театре «Ла Скала» (Милан).

1952 — начинает выступать в театре «Ковент-Гарден» (Лондон).

1954–1955 — солистка оперного театра в Чикаго.

1956–1958 — солистка театра «Метрополитен-опера» (Нью-Йорк).

1957 — конец творческого сотрудничества с Висконти. Знакомство с судопромышленником-миллиардером Аристотелем Онассисом, который станет самой большой и трагической любовью певицы.

1958, лето — круиз четы Менегини-Каллас на яхте Онассиса «Кристина», завершившийся разрывом Марии с мужем. *14 ноября* — официальный развод Марии Каллас с Баттистой Менегини.

1960–1962 — солистка театра «Ла Скала».

1963 — начинает выступать в основном как концертная певица, совершая турне по всему миру.

1969 — Мария Каллас исполняет роль Медеи в одноименном фильме П. Пазолини.

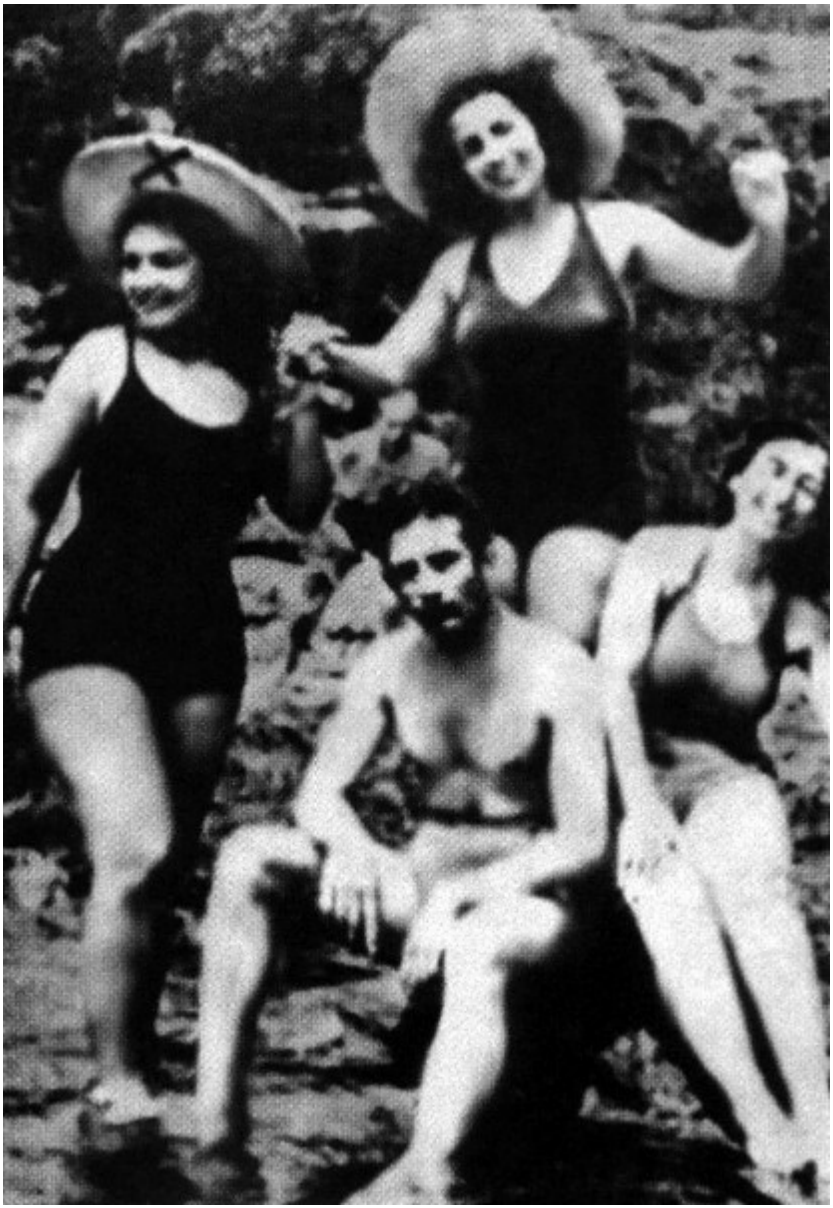
1971 — начинает вести преподавательскую работу в Джульярдской музыкальной школе (Нью-Йорк).

1977, 16 сентября — Мария Каллас скончалась в своей парижской квартире от сердечного приступа.

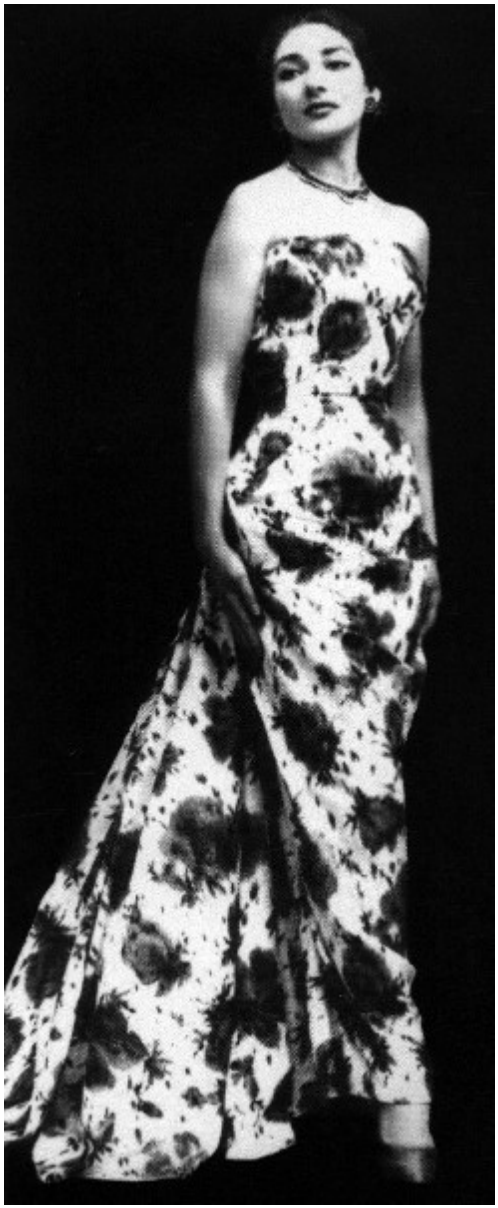
Иллюстрации

Величайшая оперная дива XX века.

Семья Калогеропулос (Каллас): Евангелия, мать будущей певицы, Мария (ребенок, любивший поесть), Джекки, ее сестра, Георгиос, отец. 1925.



Мария (крайняя слева) в период учебы в консерватории. 1940.



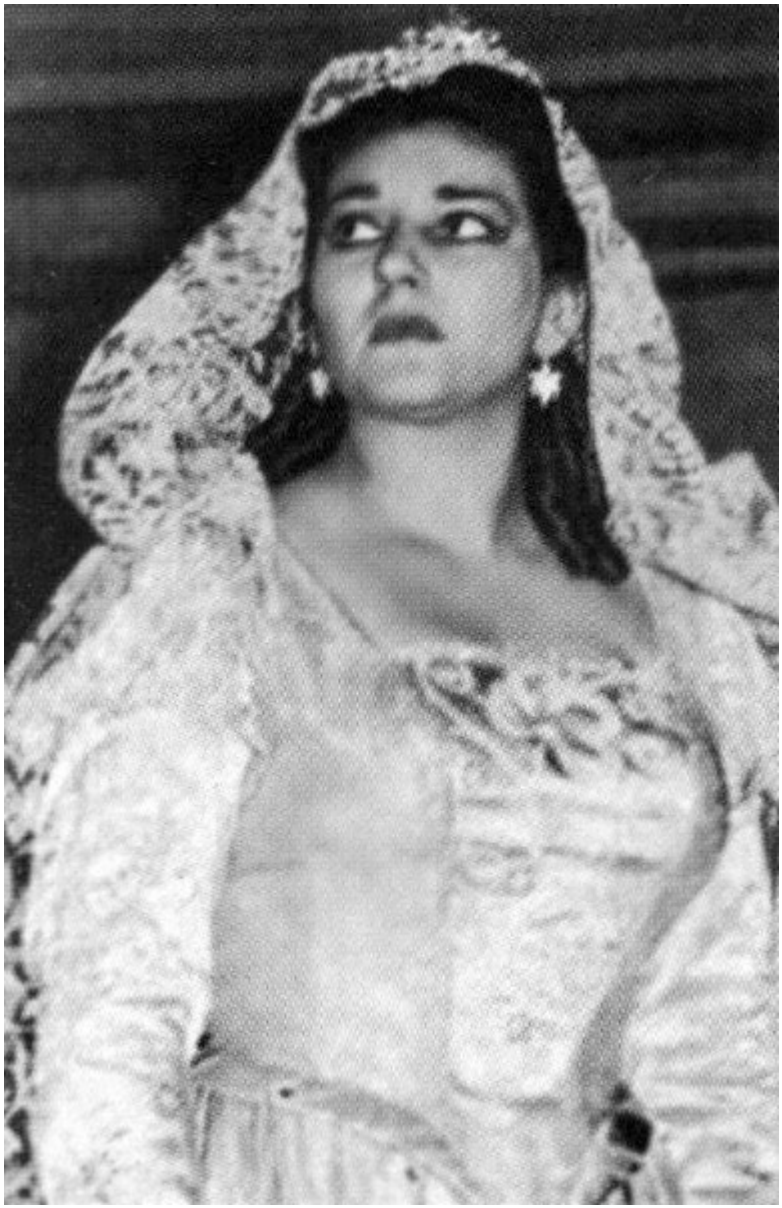
Мария Каллас накануне дебюта на сцене «Ла Скала». 1950.

Мария Каллас (слева) в опере «Сицилийская вечерня» Дж. Верди. 1951.

Мария с меценатом и женихом Баттистой Менегини в Италии. 1947

В роли Чио-Чио-сан (опера «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини). 1955.

В роли Армиды (опера «Армида и Ринальдо» Дж. Сарти). 1952.



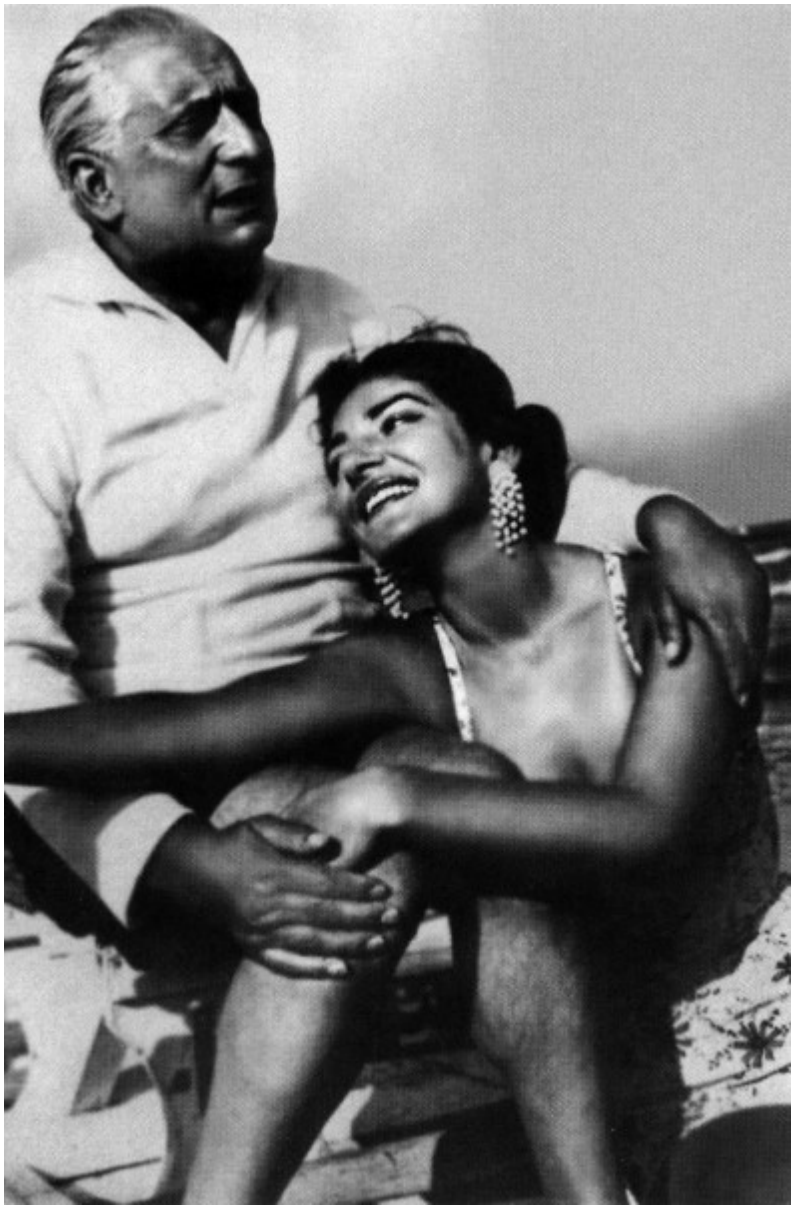
В роли Леоноры (опера «Трубадур» Дж. Верди). 1950.

Мария Каллас в 1947 году (проблема лишнего веса пока не устранена).

Во время репетиции в театре «Ла Скала». В работе Мария Каллас всегда стремилась к совершенству. Милан. 1959.

Триумф примадонны в опере «Анна Болейн» Г. Доницетти на сцене театра «Ла Скала». Милан. 1957.

В одной из своих любимых опер — «Весталке» Г. Спонтини в театре «Ла Скала». Милан. 1954.



Мария Каллас с мужем Баттистой Менегини в Венеции. За два года певица похудела на сорок килограммов. Август 1956.

Первое посещение Парижа. На трапе самолета Марию Каллас встречает Жан Клод Паскаль, первый любовник французского кинематографа. 1958.

После триумфа в парижском театре «Опера». Благодарный поцелуй поэта Жана Кокто.

Еще один поцелуй в театре «Ла Скала»: Мария Каллас и Лукино Висконти. Чисто творческая «любовная связь». 1955.

Героиня, с которой Мария Каллас отождествляла себя: «Беллини сочинил «Норму» для меня».

«Волк забрался в овчарню»: Мария между Баттистой Менегини и Аристотелем Онассисом (справа) получает «благословение»

Эльзы Максвелл. На яхте «Кристина».

Представление «Нормы» в античном театре в Эпидавре. Греция. 1960.

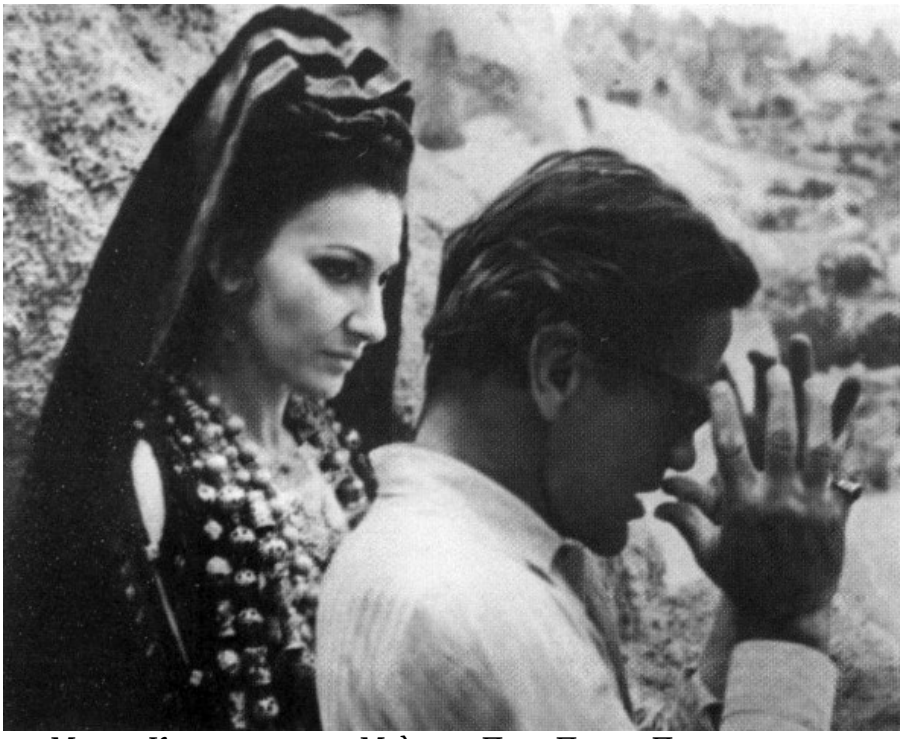
Время светских развлечений. Мария отказывается от затворничества, чтобы следовать за Онассисом.

Здание всемирно знаменитого театра «Ла Скала». Милан.

Мария в компании Аристотеля Онассиса и Грейс Келли во время круиза на яхте «Кристина». Балеарские острова. 1960.

Певица садится в «роллс-ройс» Онассиса, что случается все реже и реже (на горизонте появилась Джекки Кеннеди). Париж.

Мария с Джузеппе ди Стефано. 1973.



Мария Каллас в роли Медеи и Пьер Паоло Пазолини во время работы над фильмом «Медея». 1969.

Прогулка по Парижу. 1972.

Овации во время концерта певицы. Париж. 1973.

Последнее фото. Утратившая вкус к жизни женщина возвращается домой на авеню Жорж Мандел, Париж. 1976.

Прах Марии Каллас развеивают над Эгейским морем.

Мэр Афин открывает памятник великой певице. Афины. 1983.